

Владимир Владыкин

РАССЛОЕНИЕ

Историческая хроника народной жизни
в двух книгах и шести частях 1947—1965

Владимир Владыкин

**Расслоение. Историческая
хроника народной жизни в двух
книгах и шести частях 1947—1965**

«Издательские решения»

Владыкин В.

Расслоение. Историческая хроника народной жизни в двух книгах и шести частях 1947—1965 / В. Владыкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852207-9

Новый исторический роман В. А. Владыкина «Расслоение» — состоит из двух книг. Первая — «Излом деревни», вторая — «Удар по деревне». В первой — автор показывает последние годы жизни И. В. Сталина, его окружение, которое боролось за личную власть... Во второй книге художественно исследуется весь период нахождения у власти Хрущёва, и в художественной форме подробно рассказывается о новочеркасских трагических событиях летом 1962 года.

ISBN 978-5-44-852207-9

© Владыкин В.
© Издательские решения

Содержание

Излом деревни	6
Часть первая. Истощение	7
Глава первая	7
Глава вторая	12
Глава третья	15
Глава четвёртая	20
Глава пятая	26
Глава шестая	30
Глава седьмая	33
Глава восьмая	35
Глава девятая	39
Глава десятая	42
Глава одиннадцатая	46
Глава двенадцатая	53
Глава тринадцатая	58
Глава четырнадцатая	66
Глава пятнадцатая	69
Глава шестнадцатая	73
Глава семнадцатая	76
Глава восемнадцатая	82
Глава девятнадцатая	90
Глава двадцатая	97
Глава двадцать первая	101
Глава двадцать вторая	108
Глава двадцать третья	113
Глава двадцать четвёртая	117
Глава двадцать пятая	125
Глава двадцать шестая	129
Глава двадцать седьмая	132
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Расслоение

Историческая хроника народной жизни в двух книгах и шести частях 1947—1965

Владимир Владыкин

Художник-иллюстратор Геннадий Аполлонович Владыкин

Фотография Николай Аполлонович Владыкин

© Владимир Владыкин, 2017

ISBN 978-5-4485-2207-9

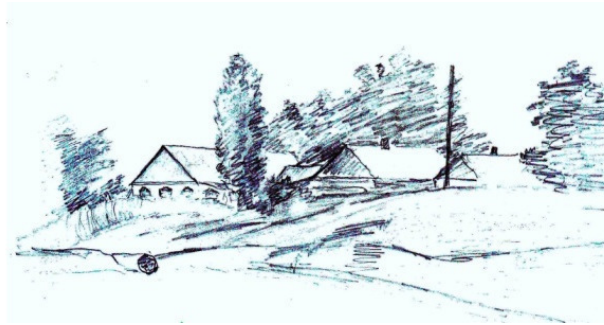
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Излом деревни

Книга первая

Часть первая. Истощение

Глава первая

Осень 1947 года выдалась затяжной и уже подходила к концу. Ноябрь стоял пасмурный и мрачный; кряду несколько дней спускались туманы и слоистыми дымно-серыми наволоками растекались по балкам. В безветрии густыми облаками они застаивались в пологих и глубоких логах, и затем моросил нудный холодный дождь. И тогда от холода туман рассеивался, истекал, истаявал каплями стылой, промозглой влаги. Вдали стояла жидкая хмурая рябь; высохшие за лето травы, но промокшие от дождей они полегли, и сейчас выглядели почерневшими, точно осмолёнными и обожжёнными. И как-то тоскливо пахло горьковатой прелью.

Почти каждый день, над вспаханymi полями и засеянными озимой, над невзрачными серыми балками, над молодыми голыми лесополосами целыми стаями с севера на юг угрюмо и бесконечно летели куда-то чёрные вороны. Люди смотрели на них и крестились украдкой друг от друга и про себя думали в одном сонме мыслей и чувств: «Летят как вестники беды или ещё какой-то напасти...». И опять крестились и печалились...

Посёлок Новый основался переселенцами среди широкой ложбины в годы коллективизации. С двух сторон – северной и южной – под самые огороды подворий полого сбегали колхозные поля. Как только минуешь город Новочеркасск, посёлок хорошо виден со стороны старой ростовской дороги; в войну проходил там противотанковый ров, который спустя годы зарос травой и кустарником. Единственную улицу разделяла крутая развалистая балка и врезалась в поперечную, и та, разветвляясь, проходила мимо хутора Большой Мишкин к самому займищу...

В ту осень каждый прожитый посельчанами день, казалось, будет тянуться бесконечно. А всё оттого, что у жителей заканчивались припасы разных круп и прошлогодних солений, так как прошлый и нынешний годы выдались тяжёлыми. Люди тогда запасались полезными травами впрок: лебедой, щавелем, крапивой, засаливали и консервировали. Думалось, не может быть, чтобы второе лето не уродился хлеб и другие злаковые. Но как назло всё лето почти ни одной тучки, ни одного дождика: сухмень и сухмень стояла из месяца в месяц. Когда это было, чтобы засоленные травы пускали на прокорм почти круглый год. Кто-то не вовремя лишился и домашней живности, даже ездили в поисках зерна по хуторам да станицам, как в самые голодные времена.

И вот снова милость Бога обошла стороной эту землю, куда не по своей воле съехались люди семьями много лет назад. Самые старые шёпотом передавали, что эти все их лишения из-за коммунистов. Хоть открыли доступ к храму, а из-за страха преследования перестали в него ходить. Вот и гневается Бог, что живут не по вере...

А что было делать тем, кто не подумал запастись даже травяными соленьями? Вот они и ездили по всей округе на раздобывку хлеба. Но и там всюду выскребались все сусеки. А кого-то ещё выручало солёное сало и мясо. Но и эти продукты подходили к концу; в каждом подворье ртов-то было не один и не два; вон как у Зябликовых – взрослые два сына и дочь. Да ещё в ту осень грозился приехать будущим зятем Антон Путилин, который почти два года назад от обиды на Нину Зябликову уехал, не желая связывать с ним свою судьбу, и она всё думала о Диме Чистове, который погиб на войне. Но ей хотелось верить, что это не так, и невольно думалось, что он, возможно, был сильно ранен, и где-то продолжал лечиться...

Антон же писал двоюродной сестре Анфисе, дескать, надоело мотаться по Дальнему Востоку, где всё разворочено войной и где, хотя и развернулись грандиозные комсомольские стройки, но в бараке житьё небезопасное, так как пьянки и драки с поножовщиной с бывшими зэками, которых, как досрочников, направляли на стройки, случались по разному пустяку, из-за чего там невозможно спокойно жить. Хотя дрались в основном из-за девчат, тогда как он, Антон, никак не найдёт здесь по себе зазнобу, поскольку был не в силах забыть Нину Зябликову; она так и стояла перед глазами, как наваждение Господне. И нет ему от неё спасения даже здесь, на огромном расстоянии, где оканчивался материк...

Анфиса передала подруге краткое содержание письма двоюродного брата. Да ещё прибавила и от себя о том, как он, в оконечной дали, сильно скучает по ней. А там гляди, придет и полюбит её до помрачения рассудка! Но та, чувствуя в её словах иронический оттенок, в досаде лишь отмахивалась, как от назойливой мухи. А потом задумчиво и сосредоточенно молчала, опускала голову, точно так, будто её пристыдили. И при этом в желудке она ощущала пресную сосущую пустоту, а в душе теснились горечь, обида и досада. Ах, если бы жив был Дима Чистов! Но нет, видно, напрасно она всё надеялась на чудо! Неужели нет его давно в живых?! Ей делалось страшно от одной этой мысли и от того, что судьба опять надсадно подсовывала ей этого несносного Антона.

И как она так подумала, опять с острой болью в животе испытала чувство голода. Но от этих супов и борщей из лебеды да щавеля ни за что не избежать в желудке колик. Хотя в свою лучшую пору, бывало, ели в охотку пирожки из лебеды смешанной с варёными яйцами да картофельными очистками. Так что нынче оставалось только молчать да терпеть, почему у людей отбирают последнее в зачёт продналога, куда же ушли их сданные продукты и почему не могли впрок обеспечить огромную страну продовольствием, почему не делают запасы продуктов на случай непредвиденных обстоятельств?

Люди часто посматривали на подворье Фаины Волковой, не стоит ли перед её двором грузовик или подвода? Может, где раздобыла макарон или круп там разных, как это бывало в первые послевоенные годы. Около двух лет назад колхоз из-за не имения помещения, позволил Волковой, как самой образованной и грамотной женщине, завести на дому сельмаг. Тогда против неё, кроме Полины Стапроумовой, никто не выступил. Председатель Корсаков всех убедил, что с этим справится только Фаина Николаевна; он сам видел, как она бойко щёлкала на счётах.

И вот говорили, что в бедственную пору, похаживали к ней поздними вечерами сам Гаврила Корсаков, Никита Зуев, Назар Костылёв, который по милости председателя стал недавно бригадиром. К заветному двору также наторили дорожку за продуктами и Гордей Путилин, и Алексей Жернов. Словом, всё молодое колхозное начальство... И получалось, а вы, люди, мол, как хотите, так и живите...

В прошлом году ходили упорные пугающие слухи о новой войне, на этот раз с американцами. И в связи с этим в магазине Фаины Николаевны расхватывали соль, спички, мыло, щёлок. И только лежали штабелями несколько видов рулонов ткани, они тогда никому были не нужны. Правда, их могли рассматривать только девочки-подростки, которые уже начинали понимать толк в нарядах...

Зато продуктовые лари, обитые фанерой, совершенно опустели, только ещё витал над ними дух круп и макарон. Люди также поговаривали, будто в погребе у хозяйки стояли в мешках крупы.

Фадей Ермолаев это слышал от жены Фёклы; он недавно встал с койки после долгой болезни сердца; ходил по двору, выходил за калитку и жаловался своему заметно постаревшему соседу Семёну Полосухину:

– Хвороба сердечная меня замучила, осколок вот тут сидит, – и указывал рукой под сердце со страдающим видом.

– А меня сон мучит: немецкие танки лезут на меня, я от них лопатой, лопатой и просыпаюсь в холодном поту..., – отвечал тот размеренно, хрипловато.

– Война, проклятушая, и мне снится! Ты, Семён, слышал, что говорят, будто Фаина Волкова укрывает в яме на огороде мешки с крупами, а наше начальство к ней по ночам шастает? Я хочу проверить, пойдёшь со мной?

– А ты больше слухай Домкины байки! У дуры нашей фантазей много... – махнул сердито Семён рукой.

– Значит, не пойдёшь?

– Пускай те и ищут, кто в след Домки такую брехню распускает.

И вот Фадей Ермолаев решил сам пойти да выяснить: какие там утайки делает Фаина Волкова? И, набравшись решимости, отчаянно махая левой рукой, пошагал, держась по привычке правой за сердце, так ли то, о чём взалёб злословят бабы? Хотя ещё в свою бытность кладовщиком он и сам не раз это делал, но не в целях воровства, а так, на всякий случай, припрятывал, наученный горьким опытом голода, который норовил захаживать в те годы частенько. К тому же припрятывал пшеницу или кукурузу втайне от тогдашнего председателя Костылёва, который тогда никак не шёл с ним на сговор...

Тем не менее, Макар был не таким уж принципиально честным, каким выглядел в глазах колхозников. Однажды Фадей, находясь возле колхозного амбара, видел, как Макар на току остановился возле кучи зерна и, озабоченно поглядев по сторонам, стал горстями быстро набивать карманы, да к тому же семенным зерном.

Фадей тогда об этом случае промолчал даже перед своей женой Фёклой, боясь, что та, не дай бог, разнесёт по всему посёлку, что могло дойти и до председателя сельского совета Андрона Рубашкина и тогда уж точно упекли бы председателя...

Фадей, ещё до войны отстранённый от кладовки, нынче то пас колхозных коров, то сторожил бахчу в огородной бригаде под хутором Татарка и считал себя честным из самых честных. Хотя о прошлом своём грешке с Домной не вспоминал, будто у него с ней ничего вовсе и не было. Ведь человек такое существо, что своих грехов и проступков не только не хочет помнить, наоборот, он находит их чаще в других, нежели у себя.

Ермолаевы, как никогда, бедовали, несмотря на то, что Фёкла заготавливала травы, но других продуктов всё равно не хватало. К примеру, в своё время продали мясо и сало, чтобы дочери Доре приготовить приданое, поскольку она говорила, что Иван Глаукин был не прочь на ней жениться. Хотя всё это дочь преподнесла матери и отцу в шутливой форме. Сейчас Фадей это вспомнил как бы походя, терзаемый той думой, что Фаина Волкова ведёт себя как истая кулачка.

Когда он бесцеремонно повернул на калитке из штакетника деревянную вертушку и резко толкнул её от себя, она отпружинила и ударила его по бедру. Он, потирая ушибленное место, тихо вошёл...

Волкова в это время была на дворе. Хозяйка, одетая по-домашнему опрятно, отвлеклась от своего дела, выпрямила спину, обтянутую тёплой толсто вязаной кофтой. Её тёмные волосы были аккуратно подобраны, а на висках кокетливо завитые; она была ещё хороша собой, выглядела молодо.

Фаина Николаевна смотрела на посетителя несколько удивлённым и строгим взглядом, праздный вид которого говорил, что он пришёл вовсе не за гвоздями, не за папиросами и спичками. Но что всё это значило, зачем же среди бела дня пожаловал к ней Ермолаев, этот тщедушного вида уже не в новой стираной фуфайке мужичок. К тому же в магазине, кроме продуктов, кажется, было всё.

– Здорово, Фаина... гм, Николаевна!

– Здравствуйте, мил человек! Чем обязана вашему визиту?

– Вот что, говорите как на духу: где у вас погреб? – быстро спросил гость, цепко оглядывая просторный двор, где уже были высажены саженцами вишни, шелковицы и абрикосы.

– А зачем вам мой погреб? – удивлённо протянула та и вопросительно нахмурилась.

– Меня Болина уполномочила, – начал тот врать. – Да, Мария Александровна, велела заглянуть в подполье, что вы там ховаете?

– Вот как? Ну что же, это хорошо! Но вы, Ермолаев, я не ошиблась?

– Верно, я тот самый Фадей, который в своё время честно исполнял права кладовщика. Вы, Фаина Николаевна, хорошо выглядите! И посмотрите на меня. Видите, одни скулы торчат, щёки ввалились оттого, что мы все недоедаем. А вы, как буржуйка цветёте.

– Вы так считаете? Вот как! Хотите взглянуть, что у меня в погребе? Замечательно! – она как-то бедово и лихо встряхнула головой и её пышные волосы заколыхались.

– Хватит рассуждать! Не водите меня за нос. Не то я сам пойду! – Фадей стоял в фуфайке и в шапке-ушанке. Вот уже который день дул северо-западный ветер, нагнал на серое и без того небо, крутобокие тучи с иссеро-чёрным отливом. Над полями стаями летели низко вороны, кружились первые снежинки, как белые мохнатые бабочки с рванными крылышками и кувыркались, планируя стремительно вниз, ложась успокоено на стылую задубелую землю.

– Пойдёмте, но я должна вас предупредить: вы у меня ничего не найдёте! Кто вам сказал, что я что-то прячу в погребе? – она плотно сжала губы, изумлённо приподняла и опустила плечи.

– Не помню, впрочем, все болтают, – он нахмурился, посмотрел на хозяйку: «Ох, ещё всем зазывиста, молодая, лицо гладкое, фигура ладная!» Он покачал завистливо головой. Эта оценка невольно отдалась в сердце тоской, что жена его уже не такая подбористая, чистенькая, соблазнительная, и мысль настырная вертелась на языке: «Недаром возле Волковой крутится председатель, другой бабе не сладил бы так быстро хату, а этой – пожалуйста!» И Фадей почувствовал, как зависть змеей обвила его сердце, и оно защемило, сдавилось от боли. Тут он вспомнил про торчавший под сердцем осколок, испугался, не затем он пришёл к Волковой, чтобы оценивать её женские прелести, и стал он ещё придиричвей осматривать её подворье...

Погреб был вырыт, как и у всех жителей посёлка, сбоку летней кухни с плоской, идущей под уклон крышей. Фаина Николаевна отомкнула ключом дощатую дверцу. Она сама наклонно с писком отворилась. Фадей по деревянной лестнице шустро спустился в тёмный погреб, откуда на него дохнула сырой прелостью земля и просмоленными не очень объёмными железными бочками из-под нигрола. Фадей осторожно зажёг спичку. Видно, Корсаков выпросил списанные пятидесятилитровые в тракторной бригаде для засолки капусты, огурцов и других овощей. Деревянные нужно было заказывать, за что запрашивали тогда немалые деньги.

Под лестницей под хранение картошки был приделан ларь, но тут её было всего несколько вёдер – совсем мелкой – чуть крупней ореха. Фадей потолкался в сыром погребе и ни с чем вылез наверх.

– Ну что, мил человек, что-нибудь нашли? Вижу, неудовлетворенны?

– Значит, так: я полезу на полати вашей хаты. И надо бы проверить весь огород. Небось, таите сухую яму, в которой и храните просо, пшено, семечки, зерно, сахар! А, что, угадал?!

– Ха-ха, мил человек, обыскивайте! Я разрешаю! – она картинно вызывающе взмахнула рукой и продолжала: – В хату непременно ещё войдите, может, там, под полом? – глаза её,

казалось, метали искры внутреннего гнева, который она чудом сдерживала. Фадей это чувствовал, и думал, что скупердяйки на это только и способны...

– А что, это тоже верно! – и он пошагал, где перед окном сидел на венском стуле Костя и читал старую толстую книгу. Он обернулся на вошедшего шуплого на вид мужичка, от которого разило крепким запахом махорки, и увидел у того в глазах холодный блеск.

Фадей в свой черёд тоже, однако, почувствовал запахи, но не своей махры, а резины, залежалых тканей. И ещё не выветрились ароматы пряников, конфет, печений, от которых заныло у него под ложечкой, и в душе зашевелилась тоска по этим лакомствам, которыми в жизни ему немного приходилось потчевать себя, а всё доставалось дочери да жене, если где что-то ему для них удавалось перехватить. Небольшие, обитые фанерой, лари были совершенно пусты, лишь промышленные товары: ткани, калоши, сапоги резиновые и кирзовые, нитки, пуговицы, гвозди, лопаты, вилы, грабли, вёдра да ходики висели в ряд во всю стену, даже детские игрушки и всё прочее ещё лежало на полках и стеллажах вдоль части глухой стены. Людям всё, что сейчас было в свободной продаже, не нужно, так как всем было, по существу, нечего есть.

Фадей внимательно осмотрел деревянные полы, выкрашенные коричневой краской, но ляду среди половиц нигде не заметил. Затем в передней обследовал с обеих сторон печь, а в дальней комнате заглянул даже под железные кровати, аккуратно заправленные покрывалами с горками подушек. От недоумения или стыда его тёмное после летнего загара худое сморщенное лицо, кажется, стало ещё черней. Фадея охватило такое разочарование, что он был готов даже выругаться. «Вот эти полоумные бабы, – в злобном отчаянии подумал самостийный сыщик, – и откуда они взяли, будто бы Волкова прячет крупы в погребе? Стоп, а может, всё-таки они правы, – осенило его, – ведь не везде проверил...». И он, скрывая наглой усмешкой своё смятение, выпалил, выпучивая безумно глаза:

– А что, Фаина Николаевна, стопаем ещё на огород! И если тамо тоже ничего, я тогда бабам юбки на голове завяжу!..

– Вы хам, мил человек! – сурово и чётко проговорила хозяйка, точно слова у неё по языку промаршировали.

– Мам, а что ему у нас занадобилось вызнать? – размеренно басовито, спросил, заикаясь, Костя.

– Я сама не знаю, сынок, что-то, видно, утерял, да не сообразит, где именно. Пойдёмте! – она резво обратилась к Фадею. – Теперь на огороде можете шарить без меня. Но я бы посоветовала сейчас же убраться вон, не то за произвол вы ответите!..

– У вас в хате, я чую, пахнет жареным мясом, – точно не услышав угрозу, округлив от догадки глаза, проговорил тот, не желая уступать, как он полагал про себя, хитрости хозяйки.

– Да, верно, были куры! Опоздали-с... всех порубала в суп! А ножки-то от курки последней зажарила сыну. Ему надо питаться, чтобы падучая не свалила.

– Кто вас знает, что вы тут зажарили! У меня давно кур не стало...

– Каждый хозяйничает, как умеет, мил человек. А теперь убирайтесь прочь! – произнесла чётко возвышенно Волкова по слогам.

Фадей было пошагал совсем со двора, вобрав в недоумении голову в плечи, а потом охваченный отчаянием, как угорелый, помчался по двору на огород. Возле сарая схватил вилы и стал ими быстро, лихорадочно ширять землю. Хотя огород давно был уже вспахан.

«Ишь ты, Гаврюха ей всё соорудил! – думал в смятении про себя он. – Куда только его Тамара смотрит? Моя бы уже давно крик подняла, бабу чужую опозорила бы на весь посёлок...».

Он ушёл ни с чем, посрамлённый хозяйкой, а в душе бродило тупое недовольство и неутолённое чувство разоблачения, что Волкова как хотела, так и обвела его вокруг пальца. Не может того быть, чтобы для хранения продуктов не было потайной ямы. Наверное, где-

то есть склад, с этой мыслью в глубокой досаде Фадей пришёл домой, ничего не говоря жене о своей отлучке...

Глава вторая

В ту страшную годину почти по всей могучей стране людям не хватало продуктов. Казалось, только недавно отменили продуктовые карточки, и хоть снова их вводи. Но сельским жителям, кроме отсутствия хлеба, пришлось туго и в доставании дров, и каменного угля. К тому времени ещё далеко не все шахты были восстановлены. А того угля, который уже добывали, населению катастрофически не хватало. В первую очередь им снабжались заводы, гидроэлектростанции, и только потом больницы, детдома, детсады, школы, государственные учреждения. Много чёрного золота уходило также железной дороге. Так что населению, если что и доставалось, то лишь в последнюю очередь и строго по норме, что, однако, не отвечало суточным потребностям. Но и того угля, который отпускали на один двор, хватало далеко не всем. Словом, больше было никак нельзя, а меньше перепадало также немногим.

На каждый двор, чтобы прожить зиму, к примеру, полагалось три тонны, тогда как отпускали наполовину меньше. Конечно, денежным хозяевам перепадало больше. Хотя в посёлке Новом таких хозяев было чуть больше десяти дворов. Это – Староумовы, Корсаковы, Костылёвы, Жерновы, Зуевы, Путилины, Треуховы, три семьи Полосухиных, Волковы, Мощевы и ещё некоторые. А таким, как Зябликовы, Гревцевы, Волосковы, Ветровы, Терешины, Куделины, Бедкины власти нечего было предлагать, и она только пожимала плечами, и тем самым как бы отвечала: дескать, чем хотите, тем и топите. Ни один чиновник не рискнул бы какому-нибудь заводу урезать несколько десятков тонн угля в пользу населения, тогда за такой смелый шаг можно было вполне попасть во вредители. А что касалось народа, то он как-нибудь выдюжит, он это умеет, он живучий, из-за него тебя не объявят врагом народа.

И люди, боясь гнева власти, молчали, понимая, что народное хозяйство у нас важнее самого существования народа. Хотя мало кто задумывался о том, какое отношение имел народ к народному хозяйству, и какой бы вес оно имело, если бы не было его, народа? В тот страшный бедственный год на растопку людям колхоз выписывал солому, а саму контору отапливали стружкой, сбережённой за многие лета и кузнечным коксом, который не следовало бы расходовать не по назначению. Но Корсаков не жалел, чтобы конторщикам работалось в тепле и уюте.

Ранней осенью, за последние годы, сгорела вторая скирда соломы. В тот день на птичнике пропало до двух десятков кур, корзина яиц. И люди считали, что пожар учинили воры, чтобы отвлечь птичниц, которые в числе других работниц выскочили посмотреть на пожар. Корсаков же почему-то не торопился искать воров. И люди были вынуждены, не дожидаясь холодов, ходить тайком в степь на вырубку кустарника, а в лесополосе, кроме сушняка, спиливали даже хорошие деревья...

Корсаков, зная то, чем могли заниматься колхозники, наряжал в лесополосы объездчиков. Даня Рябинин укараулил за рубкой старого сухого дерева Виктора Зябликова и велел тому добровольно идти в контору, не то всё равно доложит кому надо. В это время там находился бригадир Назар Костылёв, который стал им вместо Никиты Зуева...

– Так, значит, уничтожаем колхозные насаждения? – жёстко спросил его детский приятель, глядя на Виктора единственным зрячим глазом, второй же незрячий смотрел куда-то в сторону.

– Слушай, Назар, дома холодно, уголь ещё не привезли, а дерево в прошлую морозную зиму пропало. А тебе жалко его стало?... – объяснял Виктор.

– Для меня ты, Зябликов, всё равно вредитель. Один отсидел, значит, уголовник. Ты тоже вступил на ту же тропу! – непримиримо проговорил Назар. – И запомни, Виктор, я бригадир и потому тебе неровня, поэтому называй меня по отчеству.

– Быстро ты забыл, как мы в детстве играли, – напомнил Виктор. – Я бы на твоём месте так не возносился.

– А чего ради я должен к тебе хорошо относиться, ты рубишь колхозные деревья? Скажи спасибо, что не вызову милицию. Хочешь замять неприятный случай, вывези из сарая навоз?

– Не много ли себе позволяешь? Когда председатель пошлёт на тракториста, я и землю буду пахать. А навоз вывози сам!

– Хочешь заплатить штраф?

– Не собираюсь...

– Тогда запряги лошадей в бричку и вперёд. Если не осилишь, тебе отец поможет.

Виктор пришёл в бешенство, глаза сверкали, но он с трудом себя сдерживал. С того времени, как Назара поставили бригадиром, тот стал непомерно гордым. Когда жили по соседству, они с Назаром строили на куче песка пещеры и замки. Но уже тогда Назар давал понять, что он сынок председателя, и Зябликовы должны ему подчиняться. Старший брат Денис прогонял его прочь, чтобы не строил из себя принца.

– Не буду! – выпалил Виктор на предложение бригадира, которого он не мог признавать за такового, так как Назар был моложе его на один год.

– Тогда твоё дело передам в сельсовет, а там милиция...

– Что ты из себя корчишь большого делягу?

– Зябликов, за оскорбление бригадира во время исполнения должностных обязанностей, смотри, выпишут штраф больше, чем за дерево.

– Я уже отработал трудовень. У вас есть уголь, а у нас нету...

– Плохой твой батя хозяин! Ну что, если отказываешься возить навоз, завтра жди вызова в сельсовет. Дерево бери на плечо и тащи на ферму, там тоже нечем печку топить.

– Я тебе не слуга, сам неси! – Виктор резко повернулся и быстро пошагал из конторы в посёлок. Ему припомнилось выражение лица Назара, тот не ожидал, что так поступит его бывший детский товарищ, которым и тогда норовил командовать, а Виктор обижался, но подчиняться тому и не думал. И вот сейчас он оставил Назара с глупым и растерянным выражением, а потом его глаза сверкнули злостью. Но Виктор больше не видел того, что он там переживал в себе, и вот на подходе ко двору, он постарался успокоиться, почувствовав запах перегоревшего сухого навоза. «Надо бы не признаться своим, а то Борька засмеёт, – грустно подумал он. – Ничего, в другой раз буду осторожней. Не могу терпеть того, кто из себя делягу строит, особенно молодые, как Назар».

Дома Виктор поначалу не смог заговорить со своими. Сестра Нина занималась стиркой, отец, Фёдор Савельевич, одной рукой подшивал валенки, придерживая его обрубком второй руки. Виктор сидел на низенькой скамейке и смотрел на огонь в печи, которую мать протопила кизяками, и от неё исходил прогорклый запах дыма, который изредка пробивался в щели чугунных кружков. Екатерина Власьева ножом чистила мелкую, с перепелиное яйцо, картошку, которая плохо уродилась в то засушливое лето.

Средний сын Борис собирался на улицу, вертясь перед зеркалом, зачёсывая назад аккуратно подстриженные под полубокс гладкие тёмно-русые волосы. На нём были широкие серые брюки и чёрный пиджак, и от него пахло тройным одеколоном.

– Принёс дровишек? – спросил брат, глядя на Виктора в настенное зеркало, которое висело на стене слева от входной двери.

– Нет, – неохотно ответил младший брат, – дядька Данил поймал и к Назару привёл.

– А я думаю, почему так долго нет нашего Витеньки, – отозвалась Екатерина Власьева.

– И что, отнял? – спросил Фёдор Савельевич, глянув любопытно на сына.

– Да... – Виктор объяснил, что произошло в конторе между ним и Назаром Костылёвым.

– Как хорошо, что я сейчас не в колхозе, – сказал отец. – Иметь какие-то отношения с молокососом для меня унижительно. А вам он ровесник...

Фёдор Савельевич, как инвалид трудового фронта, четвёртый год получал пенсию. Хотя эти деньги были совсем мизерные; сейчас, в трудную годину бескормицы, они как раз и выручали. Хлеб покупали в городе, но и там его отпускали строго по норме, да и тот доставался не всегда. Корова в эту пору мало давала молока, доилась один раз в день, но скоро совсем бросит.

– Витя, ты уж уважь Назару, – заговорила мать с тревогой в глазах.

– Не хочу!

– Милицию же вызовет, – обронил Боря. – Я бы поговорил с ним, если бы не моя судимость.

– Подлец! – возвысил тон до раздражения Фёдор Савельевич, отбросив к печке подшитый валенок, на который с жалостью посмотрела Нина, перестав стирать.

– Хватит вам, – вмешалась она, разгибаясь от корыта.

– А что ты его защищаешь? – спросил недовольно Виктор, зная, как Назар хорошо относился к его сестре. И знать это могла только она, почему он так вёл себя с ней, точно со своей зазновой. Хотя Назар, говорили, уже давно открыто сожительствовал с Мотей Шумаковой, круглолицей румяной девушкой, с которой пока не зарегистрировал отношения.

– Я не хочу слушать вашу ругань, из-за какого-то гнилого дерева. И надо было идти тебе в лесополосу...

– А топить чем? – бросил раздражённо Виктор.

– Говорил тебе – поступай в ремесленное – не захотел! А чего хорошего на тракторе...

– Вы сами не поругайтесь, – предостерегла Екатерина Власьева, и рассудительно прибавила: – Ничего, хоть нам без дров плохо, но и бригадиру лучше не станет из-за несчастного дерева.

На следующий день, точно спасая его от наказания, Виктору пришла повестка в армию. На наряде ему её вручила Шура Чернушкина, которая после обеда ездила в сельсовет. Такие же повестки получили ещё несколько парней. А вот Жора Куравин, Пётр Кузнецкин, Миша Серков, Кузьма Бедкин, Иван Курганов и другие уже служили по второму году.

Через три дня состоялись проводы в армию призывников. Зябликовы накануне пригласили к себе соседей. Екатерина позвала и своих баб, с которыми работала в огородной бригаде. Нина пригласила Анфису. Екатерина переживала о судьбе сына, ведь в мире опять запахло войной. Ещё совсем недавно немало тревог пережили после того, как американцы сбросили на японские города атомные бомбы, которые пугали доселе невиданной разрушительной силой. И там, на Дальнем Востоке, опять было неспокойно, а Запад объявил холодную войну коммунизму, который почему-то его неимоверно пугал. И опять на горизонте замельтешил призрак третьей мировой войны...

Проводы прошли весело, рано утром на колхозном грузовике со всеми призывниками Виктора увезли в Новочеркасск. От мужа Екатерина услышала, что американцы два года назад создали оружие, пострашней ещё того, которое могут обрушить на нас, как на японцев. Английский премьер Черчилль на весь мир объявил, что они призывают всё мировое сообщество выступить единым холодным фронтом против коммунизма, который угрожает всем странам Европы и Америки. Словом, в мире начиналась новая волна истерии и потому Екатерина, как и другие матери, призванных в армию ребят, переживала за судьбу младшего сына.

Через две недели Зябликовы от Виктора получили письмо из Благовещенска, что будет служить в железнодорожных войсках, он пока ни на что не жалуется, и через три года будет дома.

После войны срок службы увеличили с двух лет до трёх, что народом было встречено неодобрительно...

Глава третья

Сразу после капитуляции фашистской Германии Сталин приступил не только к созданию атомной бомбы, но и сплёл из стран Восточной Европы тоталитарную систему, какой за всю свою историю человечество ещё не знало. Эти страны (Восточная Германия, Польша, Чехословакия, Румыния, Венгрия, Болгария, Югославия, Албания) скоро на весь мир были объявлены – странами народной демократии. И был решительно взят курс на построение социализма по-сталински... (Хотя впоследствии Югославия, а затем и Албания выйдут из-под сталинского влияния и пойдут своим путём).

Из Восточной Европы (главным образом из Германии) войска не были выведены, наоборот, по договорённости с германскими коммунистами, они там должны оставаться как гарант спокойствия и стабильности во всей Европе.

Разумеется, расползание коммунизма по Европе не устраивало ни Европейскую лигу Наций, ни США. И 5 марта 1946 года английский премьер Черчилль своей речью в Фултоне (штат Миссури) стал инициатором похода против коммунизма, то есть против СССР и всей его политики, была развязана «холодная война». Причём она распространялась также и на все те страны, которые Сталин начал строить по распоряжению системы Коминформа, и она как бы подменяла собой упразднённый в 1943 году Коминтерн. В Коминформ, созданный в 1947 году, входили также компартии Италии и Франции.

В результате действий Сталина на мировой арене как в Европе, так и в Азии, и расширения территории СССР, бывшие союзники по антигитлеровской коалиции наращивали гонку вооружений...

Но это на мировой арене. А что происходило внутри страны?..

За короткий срок Сталин мобилизовал народ и восстановил все города и посёлки, сёла и деревни, которые были разрушены и сожжены за годы войны. В срочном порядке надо было возрождать экономику, ведь розничные и коммерческие цены ещё с довоенных пор бешено росли, а за годы войны подскочили в десятки раз. Также выросла инфляция, и в результате обесценивания денег это привело к бешеному росту цен на всё и вся. Понимая в каких тяжёлых условиях оказался народ, Сталин ещё в 1946 году объявил о первом снижении цен. Хотя ещё в 1944 году, скажем, мясо подешевело с 320 рублей за килограмм до 150. Тогда же вниз пошли и розничные цены. Однако эти меры не могли ни наполнить рынок продовольствием и товарами хотя бы первой необходимости, ни повысить покупательскую способность населения. А если вспоминали, то единственно, как росли цены в середине и в конце 30-х годов. Так что эти понижения цен не очень заметно облегчали жизнь народа.

И Сталину ничего не оставалось, как принять предложение своего зама Георгия Максимилиановича Маленкова проводить поэтапное снижение цен, или провести деноминацию денежной массы. И тот верил, что только эти меры хорошо скажутся на всей экономике.

После совещания Правительства Сталин велел тому остаться. Маленков сначала стоял посреди просторного кремлёвского кабинета. Сталин рукой указал своему заму сесть.

– Вы это мне говорите, Георгий? – переспросил Сталин.

– Да, я за поэтапное снижение и укрепление рубля, Иосиф Виссарионович! – подтвердил Маленков, чувствуя, как он весь напрягается и лишь водил глазами за неспешными передвижениями вождя по большому кабинету, устланному коврами дорожками. Видя, что вождь не остановился, он продолжал: – Это облегчит жизнь народа, который выиграл под вашим гениальным руководством войну с фашизмом.

– Вот будет пленум, ты там и скажи, что тебе на это ответят старшие товарищи! – слегка усмехнулся Сталин, впрочем, улыбка только тронула его уголки губ. А глаза выражали суровость и жёсткость, затем и всё лицо посуровело. – Ты хорошо наладил самолётостроение. Это

твоя заслуга... а моя только отчасти. Так что роль моя в разгроме Германии тобой преувеличена. Хорошо руководить не нужно никакого гения! Народ сплотился вокруг партии и победил! Я везде не мог успевать. Мне в своё время подсказал Берия, что ты хороший политик и организатор. И я ему поверил... Но я знаю, что вы были и остались друзьями... Я с Кировым тоже дружил, он для меня был как брат. А мои враги его убили. А это значит, и в меня стреляли. Что я должен был делать с ними, смотреть на них и любоваться? Все передо мной на вытяжку, все умные, но... трусливые. Зато за глаза поносили! Я должен был за это терпеть, или заговора ждать? А вот о тебе ещё когда Лаврентий говорил, что ты смутьянов одёргивал и спуска им не давал... Мне это понравилось...

– Товарищ Сталин, мы отвлеклись от темы, – напомнил Маленков, весь покраснев от скрываемого напряжения, так как у всякого, кто общался с вождём, это отнимало много душевных сил.

– Почему мне так говоришь? Такой ты смелый! – Сталин покачал головой, держа курительную трубку за чубук щепотью и плавно водил руку слева направо. Глаза его ещё больше сощурились. – Я тебя за твою смелость в Ташкент направляю, – воздев руку с зажатой трубкой, вдруг сказал вождь. Он понимал, что Маленкова не зря обвиняли в неудачах по испытанию новых самолётов. И впервые об этом он узнал от своего сына Василия, невзлюбившего главного куратора самолётостроения. И считал, что его нельзя было назначать надсмотрщиком ракетных разработок. Но Сталин сберёг своего верного создателя системы кадрового резерва управленцев, поскольку ни один так уверенно не исполнял все его поручения. Зато пострадал маршал авиации Новиков. Сейчас его седая голова с зачёсанными к вискам волосами чуть была приподнята. Сталин продолжал: – Там наладишь партийную работу и кадровый резерв, найдёшь себе замену и вернёшься. Даю тебе на это год. Мы так решили с Хрущёвым и с товарищами. А с Ждановым ти напрасно враждуешь, ти же знаешь какие мы с ним соратники. А ти на него бочку катишь! Зачем? Вот поедешь в Ташкент и там подумай, надо ли?.. Ти думаешь, я на него ставлю, как на преемника?

– Нет, я такого ничего не думаю! – испуганно проговорил Маленков, часто моргая. – Я готов выполнить ваше любое поручение, и уверенно отвечаю – есть, товарищ, Сталин. Можно идти отправляться?

– Пока нет, в Ташкент успеешь... Ты сначала нам рассчитай, как мы должны опустить цены и провести деноминацию, чтобы при этом обеспечить покупательскую способность народа?.. Если не можешь, тогда попрошу Вознесенского...

– Слушаюсь! Я могу... с ним только посоветоваться...

– Хорошо, советуйся. И не забывай «дело авиаторов», а то мог бы сейчас со мной не разговаривать. Я исходил из того, что человек не может не ошибаться. Но мы умеем прощать хороших специалистов. А ты хороший специалист! А теперь ступайте, – с этими словами Сталин вложил трубку в рот, но она уже потухла, что стало ему понятно при его попытке раскурить её движениями губ. Он провожал суровым взглядом своего заместителя, которого тайно боялся за его решительность в сложных ситуациях. Напористость Маленкова на всех постах, которые он занимал, Сталину нравилась, он весьма логично мыслил, пытался войти к нему в доверие своей расторопностью и даже некоторой услужливостью и покорностью. Но такие качества, – Сталин знал – приобретали довольно быстро все те, с которыми ему приходилось работать. Поэтому не исключением был и Маленков, хотя от многих его выдвиженцев он отличался не только образованностью, но и смекалистым умом. Вождь помнил, ему предложил его Каганович, когда нуждался в хороших управленцах. Тот начинал в войсках комиссаром и показал себя как разбирающийся в людях военачальник, так как он умел подбирать кадры на разные должности. В Центральном комитете появлялись такие его выдвиженцы, как Брежнев, Подгорный, Косыгин, Громыко и многие другие. Но так ли это?..

Сталин одобрял его работу. А теперь ему надоел со своей «сионистской» женой Полиной Жемчужниковой не один Вячеслав Молотов, но также и Анастас Микоян, Лазарь Каганович. Их пора отдалить от себя, а на их место поставить молодёжь, с которой ему будет легче работать. Они не знают ничего о подробностях репрессий, развязанных против его, Сталина, врагов. Если бы не он их, тогда бы они его и всех тех, с кем он сейчас работал. Это Сталин понял, когда полностью изучил историю Парижской революции, когда первые коммунары боролись за власть и пали все от неё до одного. Выходило, революция пожирала своих сыновей и бойцов. А Иван Грозный? Он стал для него кумиром? Нет, только как исторический пример укрепления своей абсолютной власти. И потому Сталин изучал все обстоятельства его жизни и всё самое лучшее из того, что делал этот тиран, брал себе на вооружение...

Партийную демократию, которую Ленин считал необходимой при партийном строительстве и создания предпосылок для установления здоровой внутривнутрипартийной атмосферы, Сталин всегда отрицал, так как она, на его взгляд, расшатывала партийную дисциплину, когда мнения, взгляды однопартийцев не совпадали с генеральной линией партии...

На этот счёт Сталин не смел спорить даже с Лениным, которого он никогда бы ни за что не переубедил и не заставил бы встать на его, Сталина, точку зрения, так как Ленин был для него всегда непререкаемым авторитетом в партии, и что порой его очень раздражало, вызывало зависть и ревность к его авторитету. Тем не менее, в отличие от Сталина, Лев Бронштейн (Троцкий) позволял себе спорить с вождём пролетариата. Хотя таковым его сделали соратники по борьбе, поскольку Ленин боролся с режимом не только ради освобождения рабочих и крестьян от гнёта капиталистов и помещиков, он хотел изменить политическую систему меньшинства большинством. И для достижения своей главной цели пытался использовать народ, поставив на первое место диктатуру пролетариата. Но сам-то Ленин был из привилегированного сословия, в его правительстве не было ни одного рабочего, чтобы полноправно называть свою власть диктатурой рабочих и крестьян.

Сталин это хорошо понимал, и когда из-за болезни Ленина стал генеральным секретарём ВКП (б), он приступил к окружению себя в первую очередь ленинцами, так как Троцкий, Зиновьев, Каменев не были полностью его соратниками и единомышленниками... Впрочем, Зиновьев, например, не всегда верил Троцкому, а одно время он даже поддерживал Сталина.

Спустя годы, став генералиссимусом, он не любил вспоминать то время, когда ниспровергал и уничтожал своих противников, и тем самым прекратил всякую полемику о партийной демократии. Всякое иное мнение, кроме того, что он думал, им не признавалось. «У партийцев должно быть одно мнение, мнение вождя, – говорил он, – и его выражают только коммунисты»...

Когда Г. М. Маленков представил Сталину приблизительный план наращивания производства товаров для народа и снижения цен на них, а также план проведения деноминации с первого января 1948 года, Сталин при нём пробежал глазами всё, что там было кратко изложено, пыхнул трубкой, и, выпуская кольца дыма, сказал:

– Это ты тут хорошо написал, но ми денежную реформу объявим раньше. И снижение цен проведём в несколько этапов. Пусть наши люди думают, что мы о них заботимся, а не о себе.

– Но мы, товарищ Сталин, на этом немало потеряем. Мне говорят, реформу провести, а цены не трогать, то есть снизить, но не подгонять под новый курс рубля...

– Георгий, это так могут говорить враги! – Сталин поднялся и стал ходить. Маленков тоже встал, и было видно, что он ростом выше вождя и заметно шире в плечах. – Ты мне назови их, – и он сурово, жёстко посмотрел тому в глаза и продолжал: – Снижение цен приведёт не к падению экономики. А к её повышению у населения покупательской способности. Ты почему так не подумал, а я должен за тебя думать...

– Я назову: наша молодёжь! Она не понимает. Ну и Молотов, Каганович, Микоян... Они устали от власти и так говорят...

– А почему не называешь Вознесенского? Ты был должен его назвать в первую очередь. А ты мне подсовываешь стариков! С Вознесенским ты в противостоянии, а почему-то жалеешь своего противника. А Николай Алексеевич мне прямо сказал, за что я его и уважаю, твоя программа дилетантская, она не отвечает современному этапу экономики. Он мне представил свой план восстановления народного хозяйства. И я отдал... – Сталин помолчал и уверенно, даже с каким-то вызовом, глядя в упор на Маленкова, договорил: – Ему отдаю пальму первенства. А ты поезжай в Ташкент... Экономист из тебя никудышный... У нас незаменимых нет...

Сталин остановился вполоборота, держа руку в полусогнутом состоянии, из щепоти торчала трубка и он так зорко глянул на Маленкова, что у того по спине побежали холодные мурашки, а сердце похолодело и за грудиной что-то тяжело заворчалось.

– А эти старые перхуны пойдут в отставку. Они мне надоели, чувствую – играют на руку Западу. Молотов был в США. Его там приняли с помпой! К чему бы это? Неужели он думает, что я уже из ума выжил, когда заговорил о понижении цен? Экономике, как сказал товарищ Вознесенский, будет тяжело. Зато народу станет легко! Они думают, я на старости лет стал сентиментальным? Ни один из них не будет моим преемником, а дело идёт как раз к этому... Я тебя и всех пошлю по стране с миссией – узнать о наших резервах и ресурсах экономики. Говоришь, мы снижением цен понесём убытки? Тогда что предлагаешь сделать, чтобы этого не случилось?

– Неустанно производить больше товаров, чтобы не было дефицита, ни в чём недостатка. В село должна поступать новая техника. Убрать посредника – МТС. И поднять налог за счёт увеличения доходов населения, полностью перевести на денежную оплату труда, упразднить трудодни. Ко мне стекается информация: колхозники больше работают на себя, чем в колхозе, трудодни выхаживают не все, чтобы на своей усадьбе произвести продукцию и продать на рынке, чтобы получить деньги...

Сталин, наклонив голову к ковровой дорожке, молча расхаживал, изредка поднося трубку ко рту, задумчиво выпускал из ноздрей дым и продолжал ходить слегка в раскачку, что говорило о наступившем головокружении.

– Это всё у тебя? – остановился он. – Но мы это тоже знаем, мне Хрущёв и Булганин советуют тоже снизить расходы на аппарат, а ты как считаешь, надо ли их слушать или... дулю им показать? – и Сталин ткнул в Маленкова трубкой.

Маленков впервые не мог ответить вождю; он растерялся оттого, что с Булганиным и Хрущёвым они говорили именно об этом...

Потом за поздним ужином на даче в Кунцево, куда съезжались все члены политбюро, Сталин, выпил полбокала вина. И Хрущёв, и Булганин, и Маленков, и Каганович, и Микоян пили в честь вождя за здоровье и многие лета. Сталин молча слушал льстивые тосты и грустно усмехался в усы. Сейчас он подумал о Берии, который почему-то в последнее время норовил избегать этих ужинов, ссылаясь на свою занятость. Но и то было правдой, так как Лаврентию Павловичу Сталин доверил курировать все ядерные разработки, надо было создать как можно скорей, во что бы то ни стало атомную бомбу. Хотя работы проводились в нескольких направлениях... А Королёву, под кураторством Маленкова, было поручено конструировать космические летательные аппараты и ракетоносители. Но космос Сталина, можно сказать, по большому счёту, пока не заботил. Хотя понимал, как важно эту новейшую отрасль наладить. И вместе с тем он не представлял, зачем надо было находиться в глубинах космоса, не противник же там? А вот на Земле их, врагов, полно. Одни США чего стоят! И вот Берия днём и ночью не выходил из лаборатории, выезжал на полигон, где проводил пробные испытания, пока маломощных, ядерных зарядов. И потому Берия за непочтение его, Сталина, вождь пока прощал. Он был первым из наркомов карательных ведомств, кто избежал репрессий. И не потому, что считался его, Сталина, близким по крови, просто Берия прослыл умным организатором, и за что бы не брался, у него всё получалось... И то, что он уходил из под его личного контроля, Сталина

это и заботило. Ведь и вся охрана была под его кураторством, и как было не тревожиться. Поэтому надо было что-то срочно предпринимать...

Однако Сталин не признавался себе в том, что боялся Берии, и только по этой причине он и перевёл его из силового ведомства, назначив главным куратором атомных разработок. Впрочем, не только из-за своего страха он отнял у Берии пост председателя МГБ, к нему стекались многочисленные жалобы от женщин, которых Берия принуждал к сожительству. Этого Сталин не мог ему простить. Он сам имел только одну любовницу, но после самоубийства жены Надежды Аллилуевой, Сталин больше не женился. Хотя подхалимы, да и тот же Берия, подсовывали женщин и даже совсем молоденьких. А Берия набрался наглости, стал соблазнять его, Сталина, медсестру Валентину Истомину, а потом и опорочил? Этого вождь уж никак не мог терпеть. Она ему сама признавалась, как Берия склонял её к близости. Вот тогда Сталин и принял решение убрать Берию из Кремля, чтобы его духу здесь и близко не было.

Но была ещё и другая, не менее существенной, чем эта причина отстранения и удаления Берии от «партийного двора». Сталин боялся заговора, который Берия, возглавляя МГБ, мог организовать против него. Потому Лаврентия надо было отстранить, и случай представился, когда поручил Берии кураторство ядерной и космической программ. Но и кто лучше Берии мог справиться с важной государственной задачей по созданию атомного щита. Маленков? Но он тоже при не менее важном деле. Думал поставить его на место Берии во главе госбезопасности. Однако передумал. Хотя он всегда придерживался принципа, что у нас нет незаменимых. На сей счёт он хотел было посоветоваться с Жуковым, что тот думает о Берии. Однако в последний момент Сталин передумал, так как Жукова он так же побаивался, если даже не больше, причём Георгий Константинович для него всегда представлял загадку. Хотя Жуков, что касалось военных операций, никогда не криводушничал, а всегда говорил довольно взвешенно и убедительно. Но Жуков был намного нравственней Берии, который прославился любовными похождениями. Впрочем, оба по этой части были хороши! А всё равно Берия своей жестокостью всех заткнул за пояс. Но и эти женщины далеко не все против своей воли были совращены Лаврентием. Ему докладывали, как тот удовлетворял их желания – заполучить хорошее местечко то ли для себя, то ли для своих мужей. Поэтому Сталину своеволие Берии всегда претило...

Вождь нечасто вспоминал, как во время отдыха на юге его жена Надежда Аллилуева просила, чтобы Берия не бывал у них дома, которого органически не переносила за одно то, как тот сверлил её линзами пенсне, отчего ей казалось, будто он её раздевал змеиным взглядом. Но ей всегда приходило на ум одно и то же, что этот человек что-то затевает плохое против их семьи, или сам доверил ему наблюдение за ней? И когда Берия брал дочь Светлану на руки, Надежда гневно полыхала глазами. «Иосиф, я этого не могу вынести, ты же посмотри, как он её держит? Это же вампир, бес, он надорвёт Светлане здоровье». «И что ты такое говоришь, у тебя нервы расстроились, пойдёшь да поспи. Я тут рядом работаю, а Берия у меня под наблюдением. Не бойся, иди, иди, Надя». И она уходила. Но с каждым появлением этого человека у них на даче, Надежда менялась в лице. Почему она думала так бездоказательно, что Берия ненадёжный человек? Эти подозрения жены у него вызвали недоумение, и в то же время он думал, что Надя хотела его с ним рассорить, так как в то время Сталин уже начинал не доверять не одним своим противникам, но и своей жене. А к тому было серьёзное основание, ведь она пыталась раскрыть ему глаза на то, что происходило в стране. Народ живёт в страшной нищете, цены растут, а улучшение жизни не наблюдалось, наоборот, коллективизация породила голод и нищету. И её обвинениями его политического курса он был очень огорчён, что Надежда совсем не понимает его конечной цели. Он растолковывал, что крестьянам вредно давать самостоятельно распоряжаться результатами своего труда, поскольку страна так никогда не получит от них в достатке хлеба и продовольствия. Народ надо держать в узде и постоянно его понукать, чтобы служил партии и государству, а не своей кубышке. К нему иногда прихо-

дила догадка того, почему Надя покончила с собой. Неужели она боялась идейно разойтись с ним и тогда могла встать к нему в оппозицию. А он бы этого не выдержал и занёс её в личные враги. И то предсмертное письмо, которое она оставила его в этом убеждало. Он был так на неё обижен, что смерть жены принял за предательство и удар в спину. «Надя не простила той моей фразы на банкете по случаю годовщины октябрьской революции: «Эй, ты, пей». Он и сам не знал, как вырвались эти слова. Хотя он лукавил; ему не нравилось то, как она порой истерично ограждала его от Берии. И когда она говорила, что Лаврентий оказывал на него влияние, как демон и может внушить ему, что она, жена, его личный враг. И тогда ему ничего не стоит упечь её в лагерь. Но самое опасное было в том, что Надя, которую он считал самым близким другом, уже не такими преданными глазами смотрела на него, и он боялся с женой духовного разрыва...

В то время Берия был нужен Сталину, так как ещё при Ягоде зрел заговор, а при Ежове мог вот-вот осуществиться, об этом ему докладывали люди Берии. Так что только при Лаврентии он почувствовал себя несколько спокойным. И ему одно сильно не понравилось, когда Берия стал усердно выпускать из лагерей якобы безвинно посаженных Ежовым политзаключённых. Он ему сам подсказал разобраться, всех ли заговорщиков расстрелял Ежов, которых к уничтожению готовил ещё Ягода? Тогда ему Власик говорил, что Ежов для чего-то сохранял их в живых. Берия каким-то образом узнал об этом и пошёл на опережение, то есть избавился от них и доложил Сталину. Неужели Лаврентий его прослушивал? А ведь он лично исполнял его поручения по разоблачению последышей «заговорщиков Тухачевского»...

Когда Берия пришёл к власти в карательном органе партии, Сталин поставил перед ним задачу – выпустить из лагерей до двухсот тысяч неправоммерно арестованных Ягодой и Ежовым, чтобы очиститься самому и показать народу, что партия восстановила справедливость и социалистическую законность...

И вот в Кунцево, глядя на членов политбюро с саркастической улыбкой, Сталин старался на время забыть о Берии. Хотя в такие минуты, думая, что Лаврентий всё равно от него никуда не убежит, любил над своими соратниками подшучивать, а то от души и посмеяться. Он даже не гнушался поиздеваться над Хрущёвым, когда заставлял Хрущёва прихоти ради залезать под стол и оттуда издавать то ли собачий лай, то ли кукареканье, а то и заблеять козлом.

Между прочим, в такие минуты Сталин инстинктивно ненавидел Хрущёва за его неуёмный темперамент, который он проявлял особенно, когда возглавлял Московский горком партии. «Ты лучше козлом поблей и попрыгай, – про себя думал Сталин, – мне твоя самостоятельность нэ нужна. Я должен тебе подсказывать и тобой управлять. А тебе остаётся лишь слушать меня!»

Сталин настолько входил в роль шутника, что Хрущёву ничего не оставалось, как самому прикидываться шутом и тогда не один Иосиф Виссарионович покатывался со смеху, но и все участники дачных ночных застолий...

Глава четвёртая

Но хозяин Кунцевской дачи далеко не над всеми гостями так куражился, как он вытворял это над Хрущёвым. И тот, испытывая страх, охотно подыгрывал диктатору, за что Иосиф Виссарионович, как это ни странно, жаловал того своим особым вниманием, поручая важные партийные мероприятия, так как Никита Сергеевич мог произносить речи зажигательно, и при этом каждый раз цитировал самого вождя.

Но больше всех от Сталина доставалось грубыми подшучиваниями обыкновенно тем, кому хозяин не очень доверял. А кому совсем не доверял, тех в его окружении давно уже не было. Одним из первых поплатился, и кто больше кого бы то ни было спорил с ним, кто имел целую систему своих воззрений, кто считался теоретиком и стратегом партии, кто создал,

наконец, Красную армию – был Лев Троцкий. А ведь Красную армию они строили вместе. Но Ленин отдал все лавры Льву, за что Сталин втайне ненавидел и того, и другого. После смерти Ленина Троцкий мечтал сесть на его место. Но он не имел большинства, и Сталин переиграл того. И хорошо понимал: приди тот к власти, он бы не церемонился с ним, Сталиным, и устранил бы в два счёта. Не зря же против него организовал и направлял оппозицию. И Каменев, и Зиновьев были готовы присягнуть Троцкому, если бы он, Сталин, дрогнул. Но тогда все они просчитались. Уже спустя годы, переоценивая свои действия, Иосиф Виссарионович ни на секунду не пожалел, что устранил явных противников, в том числе и Бухарина, со своего пути. Николай Иванович шатался между Троцким и Сталиным. И выступал против отмены нэпа и насильственной коллективизации. Сталин не терпел его за одно то, что Ленин в своём письме к съезду окрестил того «любимцем партии». И прочил его в руководители партии и правительства. А ведь этот выскочка только и кричал на каждом углу: «Развивайтесь и обогащайтесь!» «Он поддерживал мелкобуржуазные ценности. И потому мне такой соратник, любимец Ленина, не нужен, – думал тогда Сталин, – но пока пусть поработает. Я ему докажу, что колхозы, а не ленинская кооперация необходимы стране». И как он мог сохранить «ленинскую гвардию», которая только и мечтала, как насадить ему ленинский стиль руководства. А с таким подходом получилась не партия единомышленников, а партия анархистов, и все бы поступали как в басне Крылова рак, щука и лебедь...

Возле Бухарина тогда толпились и М.П.Томский, и А. И. Рыков, и Ф.Ф.Раскольников. Это было уже опасно одним тем, что Николая Ивановича любила молодёжь. А Г.Е.Зиновьев всех их ненавидел, и Сталин против них того использовал. А когда Зиновьев снова сошёлся со своим противником Каменевым, Сталин был взбешён. Его терпение лопнуло, вот они и сложили головы...

Как бы Сталин не презирал Бухарина, его интеллект и ум ему были тогда на руку. Ведь само окружение «вождя народов» по своему облику уже сложилось. И все в отдельности они представляли собой не соратников, а закоренелых партократов, которые стояли на консервативных позициях. Но при этом надо сказать, что и Каганович, и Микоян сумели так себя поставить, что даже при наличии своего мнения, которое каждое по-своему хоть и не совпадало с его позицией, они всё равно разделяли и всем сердцем поддерживали политику Сталина, которого воспринимали как вождя-богоносца. И чтобы он не говорил, они выслушивали его в безропотном молчании, и, как некоторые историки считают, благодаря этому и уцелели. Но разве могло так быть, если известно, что Сталин ценил и уважал самостоятельно мыслящих людей, которые имели выработанное мировоззрение и собственные взгляды? Впрочем, умение ценить позицию, ум, самостоятельность к нему придёт позже, когда его партийный деспотизм воспитает у «соратников» безропотную покорность, и он тогда пожалеет, что не знает истинную позицию любого из своего окружения. Но это приведёт его к пониманию того, что он сам создал предпосылки к возникающей опасности, намного позже. И вот оно после войны и наступило...

Как бы на самом деле эта пятёрка не относилась к хозяину, Сталин точно знал – они есть ступени его трона, по которым он пока уверенно шагает, не опасаясь оступиться. Убрав с дороги всех тех, кто до конца не разделял его линию руководства, однако с годами Сталин настолько уверился в своём могуществе, что и сам стал себя считать самым верным и последовательным ленинцем, причём даже непогрешимым. А все те жертвы, которые исчислялись сотнями тысяч, были также оправданы целесообразностью его выработанной политики. Хотя последователем Ленина он никогда не был. Если некоторые историки думают, что Сталин принял Россию с сохой, а оставил наследникам (хотя их никогда в помине не было, он их не наметал, просто это молва их создавала) с атомной бомбой и ракетами, то это не результат его тридцатилетнего правления, а всего лишь ответы на вызовы времени. И будь на его месте хоть тот же Бухарин или Вознесенский, или даже Киров, то они бы делали то же самое, но только другими методами...

Сталина считают гениальным руководителем, но такой набор средств, как интрига, шантаж, подстава, провокация, какими он пользовался в достижении своих целей, не имеет себе равных даже в мире. Может быть, создание тоталитарного режима, и выражает его «гениальность»? Но ещё Чингисхан почти по той же схеме построил свою Золотую Орду, когда дисциплина в войсках против провинившихся насаждалась жестокими пытками. То же самое вытворяли Иван Грозный и Пётр I, биографии которых Сталин пристально изучал, и недаром одними из первых фильмов были сняты о диктаторах – это «Иван Грозный» и «Пётр I».

Так что система подавления страхом своих подданных не требует никакой гениальности. Хотя в большей степени это относится к изощрённости и гибкости ума. Проводя коллективизацию, выбив под корень лучший цвет крестьянства, Сталин добил и уничтожил сельскую общину, поскольку деревня веками держалась на своих корнях и всегда существовала на принципах самоуправления. Но как раз такая самостоятельность крестьян правящему режиму большевиков была не нужна.

И в результате партийного диктата сложилась колхозная деревня, но вековые традиции пахарей и сеятелей навсегда были подорваны. В войну на оккупированных территориях, если верить советской пропаганде, колхозы были распущены и вновь их организовали сразу после изгнания врага. Хотя в действительности немцы поддерживали идею колхозов и старались делать всё, чтобы они работали и кормили немецкую армию. Когда Сталину об этом доложили, он приказал всех председателей и старост отдать под военный трибунал. Но чем это обернулось, мы увидели на страницах предыдущих книг¹.

Если некоторые историки считают, что война изменила мировоззрение Сталина в сторону гуманизации общества, то в этом они глубоко заблуждаются. На оккупированных врагом землях колхозы, как и сами деревни и сёла, были разорены до основания. Казалось бы, надо было сделать колхозникам налоговые послабления, но нет, наоборот, их необоснованно в несколько раз увеличили. А всё оттого, что страна остро нуждалась в продовольствии. Огромная армия партийной и чиновной бюрократии заботилась исключительно о себе и только в последнюю очередь о городском населении, которое получало далеко не всё самое лучшее. Необходимо было наполнять магазины продуктами, прилавки которых за годы войны опустели.

И не успели отменить карточки, как после засухи опять грянул голод, и вновь резко ограничили продажу продуктов. А первое снижение цен, как выше уже было сказано, вождь и сам понимал, что оно ненамного облегчало жизнь народа. Но он надеялся, что в своей массе малограмотный народ не разбирается в экономике и давно забыл, какие были довоенные цены. А ведь Сталин и рассчитывал на зыбкую память народа, и потому понижение цен воспримет, как его несомненное благодеяние. И он оказался прав, поскольку и поныне в памяти народа он остался благодетелем. Так что, каким бы Сталин ни был тираном, он отдавал отчёт тому, что в коллективизацию почти полностью раскрестьянили деревню, разорил миллионы дворов, а кулаков, середняков и несговорчивых единоличников отправил на стройки социализма...

«Если они дёшево не захотели отдать хлеб государству, – думал тогда Сталин, – а хотели только наживаться за счёт государства, то этого мы не могли им позволить. Личные интересы не должны быть выше государственных! Все князья и цари на Руси это хорошо понимали и потому крестьян, этих смердов вонючих, держали в чёрных рубашках, не давали им спуска. Кто говорил, что колхозы приравниваются к крепостному праву: Бухарин или Рыков? А вот Троцкий был готов продолжать военный коммунизм. Но мы ему не дали. Это уже средневековым пахло, Троцкий метил крестьян в рабов обратить, мы заставили мужиков и баб коллективно работать, как было у них в общине. А Столыпин ещё раньше нас выгонял крестьян из общины, давал деньги и чтобы от своих деревень ехали подальше на отруб. Ленин боялся Столыпина-националиста, который замахивался на серьёзные реформы. До него мало

¹ *Речь идёт о романах «Пущенные по миру», «Беглая Русь», «В каждом доме война». (Прим. Авт.)

кто на них решался пойти. И вот, когда его избрали премьером вместо Горемыкина, мы обсуждали с Лениным, как его убрать. А то стал мешать своими успехами революционному подъёму масс. Подавил революцию эсеров. На него покушались не раз, но мой главный соперник всех переиграл... Помещики были тоже против реформ Столыпина, мы бы его не поддержали, не одобрили. А тогда бы власти нам никогда не видать...

Троцкий, этот каналья, искры метал, когда уезжал на Украину. Ленин, говорят, и приказал Лейбе найти подходящего в своих кругах человека. И кто-то предложил дурака Богрова, который боялся царя и его премьера, что начнут притеснять евреев, как отец царя Николая-кровавого. Хотя тот ни в кого не стрелял, и опять эти эсеры свинью подстроили Николаю, когда собрали толпу во главе пьяницы и авантюриста попа Гапона. Троцкий тогда доказывал, что это не он сделал, а сионисты, которые его, Троцкого, ненавидели. И оклеветали отщепенцем. Впрочем, они всех евреев-большевиков так и окрестили – отщепенцы. А я всегда считал, что этот поклёп для отвода глаз, а сионисты и революционеры одного поля ягода. Говорили, что Троцкого за Столыпина и ещё каких-то генералов сослали в Сибирь, откуда ему всегда удавалось бежать. Собственно, мне в этом тоже везло – пять раз бежал с помощью товарищей. Хотя я никому не доверял. Только на себя располагал. И вот уже почти полвека миновало, а всё кажется, что это было как в дурном сне...».

Иосиф Виссарионович на склоне лет нет-нет да подумывал о мемуарах, но сразу после войны садиться за них ещё было недосуг, так как на повестке дня стояла неотложная работа. Да и какой историк не возразит, дескать, Сталин никогда не собирался писать мемуары, поскольку понимал, чего ему предстояло коснуться, то есть никак нельзя было обойти тему борьбы за абсолютную власть и того, как эти люди его преследовали в мыслях и во сне, и потому он должен был их физически уничтожить. А как ему хотелось, однако, оправдаться в своих ненаписанных воспоминаниях, и поскольку их нельзя было оформить на бумаге, он их исключительно мысленно только и проговаривал, анализировал события, которые даже не все войдут в учебники истории. И так исключительно хотелось одному ему, поскольку правду народу нельзя доверять. Но он представлял, когда-нибудь о нём напишут и о том, чего вообще не было. Хотя вместе с тем тогда он не предполагал, что будет твориться за его спиной, поскольку был почти полностью убеждён: политический заговор при его жизни почти невозможен, не каждый из приближённых покусится на его власть, не рискуя своей жизнью. А, тем не менее, этим утверждением он как раз себя и обманывал, поскольку больше всего боялся заговора и продолжал от себя это скрывать, что в дальнейшем сыграет с ним роковую роль, когда станет терять бдительность. И он так и не поймёт, какую штуку с ним сыграет надвинувшаяся старость, которую всячески старался не признавать, отодвигать от себя...

А тогда, после войны, не зря он подключил Берия к организации восстановления народного хозяйства, уничтоженного войной. План по восстановлению был предложен Н.А.Вознесенским, к которому – Сталин знал – Берия относился с ревностью и даже с боязнью, так как Николай Алексеевич, хоть и не был боязливым, к нему всегда относился настороженно. Но свои выводы вслух не проговаривал, считая Берия авантюристом. Однажды Сталин, дорожа прямой Вознесенского, строго спросил у него:

– Товарищ Вознесенский, как вы относитесь к товарищу Берии?

– Может быть, хорошо бы относился, если бы Лаврентий Павлович не был в душе авантюристом. Но я знаю, как он ко мне присматривается, будто что-то хочет спросить, но не решается...

– Но мы ему напомним, чтоб уважал и не мешал работать...

– Товарищ Сталин, не нужно, а то Лаврентий Павлович подумает, что я на него вам жаловался.

– Ничего, всё будет хорошо, вот увидите.

– Я тоже так думаю.

Сталин внимательно посмотрел на Вознесенского, молча кивнул и велел тому идти, а сам стал раскуривать трубку. Именно после этого обмена мнениями Сталин и снял Берия с поста министра МГБ и поручил курировать атомную промышленность. Мнение Вознесенского по личности Берии для Сталина сыграло как последняя капля для смещения его и поручения ему ответственного дела, с которым лучше его никто бы не справился, и даже Жуков, которому, правда, это дело он не предлагал. Но Сталин никогда никого просто так не снимал и не назначал заново, о чём будет сказано ниже...

Берия с порученным делом справился за два с половиной года. А после гражданской Троцкому и Дзержинскому на это потребовалось шесть лет. К тому же Дзержинский не выдержал колоссальной нагрузки, отчитался на съезде и умер в 1926 году...

После войны Сталин почувствовал страшную усталость и душевное опустошение. Он испугался, что стал сдавать, но, должно быть, сказалось напряжение военных лет, спал совсем мало, а курил много. И Сталин, чувствуя зябкость ног и рук, подумывал бросить совсем курить, на что решился впервые в своей жизни. Но окончательно это получилось только через два года. Он как-то глянул на себя в зеркало, чего делал редко, и его взгляд тотчас выхватил не бледность щёк, а их подозрительную под глазами желтизну, а вокруг глазного яблока тёмные фиолетовые круги и сеточка прорезавшихся глубоких морщин как трещины на запечённом яблоке. Словом, цвет жёлтого лица, морщины, тёмные круги и всё чаще повторяющаяся зябкость рук и ног даже в тёплом кабинете, как никогда Сталина серьёзно насторожили. Да ещё мучило головокружение, вот оттого и стал он носить присланную братом Валентины Истоминой (только им он и доверял) овчинную тужурку, которую надевал, когда не ожидался приём и снимал, когда кому-то назначалась аудиенция. Он охотно принимал дельные предложения Маленкова, Булганина, Хрущёва. А последнего почему-то с самого начала, когда жена Надежда Сергеевна обрисовала его мужу как простого общительного, стал даже обожать. А всё потому, что Сталин хорошо разбирался в людях, и считал, что этот шут не способен против него организовать заговор. И он с удовлетворением отмечал рабскую покорность в глазах этой троицы. Он полагал, что ни один из них не смог бы успешно управлять страной так, как он, и потому не справятся с его системой управления. Но в этом он не спешил им признаться и намеренно оттягивал, выжидал, как они себя поведут дальше?

И не исключено, что уже тогда Сталина не могло не волновать своё здоровье, и было поразительно, что он не счёл нужным сообщать об этом своим лечащим врачам, и в том числе товарищам по партии и членам Политбюро. Хотя по уставу должен был поставить их в известность. Но как раз это признание, что он сдаёт, его пугало больше всякой оппозиции. О состоянии своего здоровья он никогда не докладывал своим лечащим врачам. Он настолько боялся отравления, что не принимал без консультаций с Валентиной Истоминой выписанных таблеток и лекарств. И просил её выезжать с ним в аптеку, он тогда переодевался в старую одежду простого старика и они не на машине, а шли пешком из Кремля, о чём знала только личная охрана... Это называлось хождение в народ, хотя этот факт некоторые историки считают выдуман антисталинистами...

Со дня смерти пролетарского вождя Сталин боялся врачей как огня, ведь кто-кто, а он точно знал, что ускорило кончину Ленина. До него слухи доходили, что это сделал он, Сталин, дескать, не мог простить того, кому Ленин завещал передать его власть генсека партии ВПК (б), чем, собственно, и посеял среди соратников по партии затянувшуюся вражду. А потом, когда он стал во главе партии и правительства, завещание Ленина и раскололо партию. И создались ему две оппозиции: одна во главе Троцкого, вторая во главе Бухарина, к тому же Зиновьев, Каменев со своими сторонниками объединились так же против него, Сталина, и одно время метались между ними, не зная к кому примкнуть. И даже на какой-то миг встали к нему в оппозицию, и к этим двум группам Троцкого и Бухарина. Впрочем, больше они симпатизировали Троцкому как в его лучшие политические годы. Но бывало, выступали и против его оголтелой

«перманентной революции». Хотя были не против того, что революцию можно было экспортировать в страны Европы и Америки. Но они хорошо знали, что там по вопросу революции, их соплеменники к единому мнению не сходились...

Сталин был всегда в курсе еврейского разногласия, оно происходило не только в мире, но и внутри большевистской партии, и что он использовал в своих целях. Он и сам искусственно ссорил между собой всех своих противников. Ведь еврейская сплочённость у него всегда вызывала большую тревогу, ведь благодаря этому они и смогли взять власть в России в купе с иностранными интервентами...

В первом правительстве евреев было большинство. Поэтому надо было исправить ситуацию, расколоть их единство и постепенно вытеснить из правительства.

Вот почему Сталин не терпел, когда партийные вожди женились на еврейках, как это сделал Вячеслав Молотов, Иосифу Виссарионовичу кто-то донёс, что Полина Жемчужникова по линии международного антифашистского еврейского комитета сотрудничает с международным сионизмом и встречалась с Голдой Меир. Сталин пришёл в бешенство, вызвал министра иностранных дел Вячеслава Михайловича. А тот, как увидел устремлённый на него долгий жёсткий взгляд хозяина, так внутри у него всё похолодело и дрогнуло, забилося сердце, лицо покраснело. Ведь обычно Сталин встречал его с добродушием, глаза мягко светились, но что же теперь случилось?

– Вызывали, Иосиф Виссарионович? – строго спросил Молотов.

– А тебе ещё нэ верится? Садись, в твоих ногах тэперь я знаю точно – правды нет! – Сталин ткнул в его сторону чубуком трубки. – Ты скажи, кому сегодня можно верить, как сэбе? Выходит – некому? – Хотя Сталин тогда уже всё реже курил, но всё равно с трубкой не расставался, чем демонстрировал, что со здоровьем у него пока всё в порядке. И сейчас он развёл в стороны руки и тут же их свёл, присел на край стула сбоку Молотова и спросил: – Ты часто видишь свою Полину?

Разумеется, Вячеслав Михайлович сейчас ожидал всё, что угодно, но не этот странный вопрос. О жёнах своих соратников Сталин ни у кого не интересовался, а тут вдруг заговорил. Значит, неспроста, думал Молотов, но его лицо было настолько каменно-непроницаемым, что было невозможно понять, какие чувства теснились у него в душе. Молотов давно научился говорить кратко, но исчерпывающе точно, как робот-автомат.

– Мы с ней видимся каждый день!

– И ты всё знаешь, чем она занимается, с кем встречается?

– Так точно!

– Тогда ты не знаешь, а почему? Да, помню твой визит в США в 1946 году. Я беру все основания утверждать, что тебя там завербовали наши бывшие союзники! Почему? Тебя там хорошо приняли, я бы сказал – слишком хорошо! Меня так не встречал Рузвельт ни в Тегеране, ни в Ялте. Сдержанно они вели себя, я бы сказал – почтительно и только. А тебя в объятиях сжимали. Почему? А Трумэн... говорят, твоей женой интересовался... Полина и Голда Меир – эта связка мне не нравится. Мировой сионизм – это не наша политика! Полина заходит далеко. Вредная эта политика – сионизма! Так что, я советую тебе с Полиной развэстись...

– Слушаюсь! – Молотов привстал и снова сел. – Иосиф Виссарионович, могу я высказать своё мнение?

– Что ты хочешь сказать, ми знаем; ти хочешь её защитить! Тогда уходи с поста и становись мировым адвокатом, – Сталин так зорко и холодно посмотрел, и Молотов под его взглядом неприятно поёжился. Но он опять взял себя в руки, взглянул и сухо заговорил:

– Приём в США проходил согласно протоколу, как того требовало...

– Я тебе ещё не выдвинул обвинение, – перебил Сталин ровным тоном. – Я пока тебя предупредил. Это касается всех вас – старых большевиков. Хочешь сказать, и меня тоже? Но я никуда не выезжаю. Врачи советуют больше отдыхать, посещать южные курорты, здравницы.

Это хорошо? Хорошо! Но кто за вами будет смотреть? Думают, Сталин стареет, рычаги управления шатаются в его руках. Да, у нас есть хорошая молодёжь! Вот, например, Вознесенский, Попков, Родионов, Кузнецов и кто там ещё в очередь уже становится? Мне так говорят. А я этим шептунам вроде того же Маленкова, Хрущёва, Булганина, Берии не хочу верить. Они имеют цель – рассорить меня с молодёжью. А я ссориться не буду. Хрущёву только бы паниковать, а сам он только на то и годится, что быков и коров сводить вместе! Мне Ленин не доверял в управлении не государством, а партией. Ленин её расшатывал своим демократическим централизмом, а я цементом её скрепил. Вот я уже старый, ушёл бы, уступил бы нашей талантливой молодёжи управление партией. Но уверен – завалят всё дело... Вознесенский высоко ценит партию, но он великий экономист, увлечён идеей политической экономики социализма и забудет о партии, выпустит уздечку и её понесёт по ухабам и все шишки набьют. Я его воодушевил на написание политэкономии. Я и сам имею на неё виды. Да всё никак не могу собраться. Вот поеду на юг и там засяду!

– Вам не надо никуда уходить! Вы незаменимы на любом посту, – подхватил Молотов. – Я бы и сам был рад уйти...

– А что мешает? Полина у тебя в советниках? Мы её у тебя заберём. Кто её сделал государственным деятелем, поставил во главе еврейского антифашистского комитета? Кстати, фашизм разбит. А комитет действует! Фашистских преступников мы и без него повесим. А комитет разгоним...

Молотов был немало удивлён, Сталин до этого всегда мало говорил, он и сам учился у него не многословию. А теперь его будто подменили? Вячеслав Михайлович это связывал со снятием Берии с поста председателя МГБ, поскольку Сталин боялся, что тот мог его прослушивать. Но он не был уверен в том же, что этого не будет делать и его соратник Виктор Абакумов, а впоследствии и преемник С. Игнатьев...

Однако Сталин просто так не бросал слова на ветер, Полина Жемчужникова была исключена из партии, Молотов развёлся с ней, не прекращая в душе её дорожить. Говорили, что он тогда впервые заплакал, так как знал, что жена хоть ни в чём и не виновата, но всё равно не избежит ареста, что, впрочем, через год и произошло. Тем не менее за это Молотов не возненавидел Сталина, он остался ему верен, несмотря на то, что был снят с поста министра иностранных дел. А его место занял – А. Я. Вышинский – бывший эсер и соратник Керенского...

Глава пятая

После того дня, как Фадей Ермолаев на подворье Волковых учинил самостоятельный обыск, не прошло и трёх дней, как поздним вечером, выйдя на дорогу, возле двора лавочницы, он увидел свет автомобильных фар. Фадей жадно затянулся горькой махоркой, скрученной козьей ножкой и, не спуская глаз, смотрел и смотрел в заветном направлении и думал, что же там сейчас могло происходить? «Ох, и хитрюга же Фаинка, – думал он, затягиваясь сигаркой, глотая до одури горький дым, – нешто надула меня, есть у неё ещё схоронка? Чую – есть! А то бы разве ходили к ней наши начальники? Городского покроя баба, всё знает, окаянная! Чем-то Домну мне напоминает, одёжка на ней вся фасонистая, вся опрятная, это, поди, не моя замарашка, Фёкла. Пойду, прогуляюсь, гляди, что угляжу и тогда...».

Но он не договорил. В это время из темноты вышла чья-то женская фигура.

– Дорка, это ты чи, что ли? – спросил удивлённо, с протягом он.

– А то кто же, я батя! – отозвалась дочь. – Меня всё выглядываешь иль слизнуть куда хочешь? – спросила насмешливо, даже с какой-то вызывающей бойкостью.

– Да ты во то не выдумывай, чего, куда и ради кого! Ты же ранёхонько не заявлялась, вот и спросил. Я это так... курю. Смотрю, откуда пойдёт холод. А ты бы сваму Ивану сказала, чтобы на растопку соломы привёз.

– Батя, а тебе чего делать? Возилку выпроси, нагреби скока надо, да и все дела!

– Дак на машине быстрее. Ты меня не учи, а то заставлю саму с матерью, нашли моду мне ума вставлять. А сами замарахи! – сердито, разобижено, проговорил отец.

Дора больше его не стала выслушивать, за ней щёлкнула с лязгом щеколда входной двери в хату и она скрылась в коридоре, точно в тёмной пасти огромного зверя, какой ему сейчас представлялась крытая чаканом крыша.

Фадей от досады ещё разок глубоко затянулся самосадом, потом бросил окурочку сигарки в сторону, несколько искр брызнули и тут же погасли и он нехотя, словно раздумывая – идти или не идти – сделал несколько шагов. И вот он зашагал по уже хорошо укатанной грунтовой дороге, шагал размашисто, уверенно. Воздух пах стылой землёй и от балки веяло сухой полыньёй, чередой и репейником, который называли по-своему – репяхом. Было тихо, правда, откуда-то тянуло дымком перегоревшего бурьяна и доносился ленивый лай собак. На тёмно-сером небе – ни звёздочки.

В хатах кое-где ещё светили керосиновые лампы. Фадей вышагивал, но уже не спеша, фары машины потухли, дорога уже шла неровная, местами после дождей образовались колеи. В октябре стояла в основном тёплая и сухая погода. Зато в ноябре прошли дожди, под конец даже выпали заморозки. И земля вновь схватилась задубелой крепью. С деревьев листья давно облетели, в палисадниках у всех в основном росли акации. А садов почти ни у кого в ту пору ещё не было. До войны Полосухины, Глаукины да Половинкины были стали разводить фруктовые деревья, а тут тебе из района уполномоченный и описал все деревья. Говорили, дескать, для социалистического учёта, а потом на них прислали самообложение. Хотя деревца только начали тянуться кверху. Хозяева уж и не знали, что им делать с садом. Но раз записали, не спешили пустить их, неокрепших, на растопку. Потом грянула война, не до садов стало. А после войны опять пришли с описью всех построек, деревьев, скота, птицы. Люди уже думали, не будут облагать налогом, но не тут-то было, в несколько раз подняли в денежном выражении...

Фадей отвлёкся от того, о чём думал, так как увидел полуторку, стоявшую перед самым двором Фаины Волковой. Он осторожно подошёл к машине, однако в кабине водителя не было, тогда Фадей встал на подножку и заглянул в кузов, но там было пусто, лишь пахло бензином да пылью, да зерном или половой. Но на этом Фадей не успокоился и пошагал ко двору Волковых, в хате которых горел в дальней комнате свет «керосинки». Но в окнах, которые выходили на улицу, из-за плотно задёрнутых цветных занавесок он ничего не сумел разглядеть, что там происходило, какой мог состояться важный разговор между хозяйкой и гостем? К тому же на дверном проёме также висели длинные до пола шторы. Тем не менее, он видел передвигающуюся тень женщины: это была сама Фаина Николаевна. А потом женская тень исчезла, и только сквозь ткань штор сеялся мутно-жёлтый свет.

Фадей решил посмотреть со двора, куда выходило одно окно, и только он вошёл в калитку, сделанную из штакетника, как у соседей Верстовых вдруг раздался громкий лай собаки. Фадей замер, злобно в досаде сплюнул и не знал, что теперь ему делать. Но желание подсмотреть, какого гостя принимала хозяйка, было настолько велико, что он стал пробираться пригнувшись вдоль хаты к дальнему окну передней комнаты. Собака Верстовых сидела на цепи и всё громче, всё настойчивей лаяла.

«Ах, ты чертовка проклятая, да чтоб ты слюной захлебнулась!» – проговорил в сердцах про себя Фадей. Между тем азарт шпиона отчаянно толкал его вперёд. Вот уже до окна осталось сделать несколько шагов, и в этот момент дверь хаты Верстовых вдруг скрипнула, и тут же послышался приглушённый бас невнятно говорящего старого хозяина:

– И ты чево, Шарик, разорался? Какого вора учуял? – это был сам Селиван Егорович, отец Тимофея Верстова. Он был такой же крупный, широкой кости, что и сын. Но о них будет рассказано в потоке нашей хроники. А пока ограничимся некоторыми замечаниями. После войны

с ногами Тимофея что-то случилось, и тогда отец Селиван поехал проведать сына. Агапка, жена его, не ладила со свёкром ещё на родине в селе Сумской области. Но с его переездом была вынуждена смириться. Свекровь умерла от истощения ещё в войну, но родня ещё там осталась...

Фадей как только услышал голос Селивана, присел на корточки и тотчас превратился в каменное древнее изваяние. Этот дед, хотя весь седой, но с виду был ещё крепким. Он занимался тем, что ходил по балкам рубить на растопку хворост, за что на него покрикивали бабы, так как старик смахивал топором кусты тёрня, шиповника, боярышника, барбариса, айвы, чего они себе не позволяли. И Корсаков лично приезжал к Верстовым и предупредил старика, что его ожидает за уничтожение полезных ягод. И тогда стали поговаривать, мол, Селиван прислушался и теперь уходил далеко в степь и приносил на себе две больших вязанки хвороста, которые могли занять всю возилку с её широкими перилами. Так что поселчане неподдельно дивились его выносливости, а невестка Агапка, когда слышала восхищённые отзывы об её свёкре, бросила горячно, что лично слышала Фёкла. А потом ему, Фадёю, со смехом рассказывала.

– Ух, полоумная, Агапка, то ругается со свёкром, а то вон как защищает, – она покачала головой. – Говорит, вы только бы завидовали, и больше мне не смейте так говорить. Хотите своей чёрной завистью свалить его? Вот вам – не видели! Своих мужиков гоняйте. А на моих рот не разевайте!

– Правильно баба сказала, вам бы только чужую удаль замечать. А своих не видите, – заметил тогда серьёзно Фадей.

С появлением хозяина собака умолкла и только заискивающе повизгивала.

– Ну всё, всё, хорошо служишь, шмыгай в будку, покормлю завтра. Еды самим нема. Так что, помолчи. Ворам всё равно незачем шататься по чужим дворам. А то смотри, как бы тебя, собачья душа, не утащили, – проговорил с добродушной суровостью хозяин и скрылся в дверях, и опять с подвывом она закрылась, а пёс заскулил и скоро замолчал.

Фадей воспользовался заминкой пса и быстро очутился возле окна, и тут же собачий лай опять зазвенел отчаянно, надрывно в стылом воздухе. «Да чтоб ты окошел!» – выругался Фадей, приподнимаясь с присядок. И Фадей, как глянул в окно, так почти тут же столкнулся глаза в глаза с председателем Гаврилой Корсаковым, тот мгновенно в оторопи, а скорее всего, в недоумении замер. Фадей почувствовал в груди страшные удары сердца с болью отдававшиеся в рёбра, причём как раз там, где сидел вражеский осколок. И ему вдвойне стало страшно, как бы он не стронулся с места, тогда на месте погибнет. Он быстро осмотрел стол и тут же упал на холодную землю, точно сражённый вражеской пулей. А может, осколком, мелькнула страшная догадка, но нет, пока, слава богу, ещё жив. Фадей, елозя животом по шершавой земле, полз к забору, слыша непрерывное тьяканье собаки. И тут снова послышался досадный голос хозяина:

– И что же ты думаешь, своим лаем заработаешь жрачку? Никого тут нет! На улице стоит грузовик, а ты думаешь, хлеб привёз? А правда, чёго он тут стоит? – Селиван пошёл к калитке. Где-то на краю улицы перекликались собаки. А в стороне города небо ближе к горизонту матово-жёлтым светилось.

Селиван постоял, справил малую нужду и пошагал грузной фигурой обратно в хату, больше не обращая внимания на лай собаки. Фадей привстал с холодной земли, которая пахла пылью и навозом. Он опрометью побежал к калитке, очутившись, не помня себя, вскоре на улице, так как в коридоре Волковых звякнула металлическая щеколда. И послышались приглушённые женский и мужской голоса. Но Фадей смекнул, что Фаина Николаевна о чём-то договаривалась с Корсаковым, а затем он быстро вышел из калитки и также быстро пошагал к машине. А собака в безудержном лае прямо-таки рвалась с цепи. Он стал вертушкой заводить

мотор и тот вскоре загудел. Корсаков сел в кабину. Вот ярко полыхнули фары, вот машина резко, надрывно газанула и тронулась в путь.

«Ишь ты, мать твою, председатель сам чинно гоняет грузовик, – то ли восторгался, то ли изумлялся Фадей, сидя под забором двора Ильи Климова, который купил хату у брата Гурия Треухова, недавно уехавшего из посёлка навсегда, прожившего тут всего какой-то год. Об этом Фадей думал, когда бойко шагал домой, где он рассказал жене Фёкле о своём ночном приключении, которое представлял себе как вылазку во вражеский стан.

– Ты подумай, такой сурьёзный мужчина, а туда же себе в блуд! – поразились Фёкла. – А Костя-то что, вон же блаженный? Рази при нём они могли? Можат, ты врёшь, Фадей?

– Дак его там и близко не было! Значит, дрыг, парень! А ты меня всё чихвостишь, вона чего делает Гаврила! – Фадей визгливо засмеялся.

– И нешто он тебя взаправду узрел? – восхищённая рассказом мужа, переспросила жена, желая ещё раз услышать. – Как ты сказал: глаза в глаза столкнулись? А-ха-ха, батюшки! Это же он тебя из пастухов телят выгонит! – спохватившись, напомнила она.

– Да и что из того! Ты только языком бабам не полощи, и не мели что зря. Я-то запросто умолчу!

– Ой, да ладно, буду молчать... А чего Гаврюшка на машине прикатил к ней? Может, что ей сгрузил, ты чи, не видел, а про это молчишь?

– Как «не видел», заглядывал в кузов – пустой! Может, раньше, ещё до моего прихода? Файку надо прижучить, с ним вместе и жульничает. Селеван Верстов и тот караулил, знамо до меня учуял нечистого, дважды из хаты на лай кобеля выходил. Так что, ежели не ты да я, то он разнесёт по посёлку. Его невестка не хуже тебя языком полощет...

Дора к приходу отца уже спала, натянув на голову ватное в цветном пододеяльнике одеяло, так как в хате было нежарко. Углём топили два раза в неделю. Иногда и ночью слышалось утробное мычание коров. Вот и сейчас из сарая Фадей с женой услышал как мычала отчаянно их корова. Кормить почти было нечем. Многим в посёлке приходилось запаривать соломенную полову, посыпать её для запаха жменей макухи и скармливать скотине. А некоторым хозяевам приходилось даже забивать коров, к примеру, у Бедкиных оказалась яловая. Но если бы и не яловая, то и тогда пустили бы под нож, так как кормить было нечем, а морить скотину голодом это было сверх всяких сил.

– И что же нам делать? – всплеснула Фёкла натруженными руками.

– Может, до весны как-нибудь дотянем? – и Фадей пятернёй провёл по выбеленным раньше времени тёмно-русые волосы. – А ежели нет, тогда придётся под нож.

– Это называется, ты выход нашёл, кто тебя назовёт в своём уме? Красотке скоро телиться, – заверещала жена, притопнув ногой, обутой в шерстяной чувак.

– Дак молчи тогда. Люди режут, а нам рази лучше животину замучить голодом?

– Какие люди? Бедкин, говорят, уже полкоровы пропил. Первый алкоголик в посёлке и ты с ним равняешься? Вот только тронь Красотку, я тебя самого пушу под нож! – пригрозила серьёзно Фёкла.

– Бешеная! Что тебе ещё сказать? – бросил он, доставая с кислым огорчённым видом кисет.

Фадей скрутил сигарку козьей ножкой, стал прикуривать.

– Ступай на двор и там дыми да послушай Красоткины голодные мыки! Сердцем мается, а дымить тебе край надо, – она отчаянно покачала головой. – Осколок стронется, что тогда делать, а?

Фадей махнул рукой с видом человека обречённого и быстро пошagal из горницы в тёмный коридор, на ходу зажигая спичку, и небольшое пламя враз раздвинуло тёмное облако, точно перед ним распахнулся чёрный овчинный тулуп...

Глава шестая

Под самый Новый год снег выпал чистый, глубокий, пушистый. В сером воздухе кружили последние снежинки, как мелко нарезанная фольга; дул пронизывающий холодный ветер. Пахло перегоревшими кизяками, хворостом, каменным углём. Люди, кто на быках, кто на лошадях везли, а кто и на себе несли солому от дальней прошлогодней скирды. И старались уберечь, удержать скотину и живность от падежа. К подворью Потапа Бедкина почти каждый день тянулись люди, чтобы купить кусок говядины. Его жена, Пульхерия, сухощавая, по-вологодски окающая, с мелким ещё нестарым лицом, всякий раз, как Потап шёл с кем-то из покупателей к сараю, истошно кричала из коридора:

– Ирод ты, проклятый, своих детей хочешь уморить! И сколько ж можно! А вам не стыдно, люди, хотя бы денегу несли. А то зельём его ублажаете!

– Умолкни, Пулька, и нашим тут всем хватит! Ты видишь, какая стоит погода, мясо испортится, хоть я и засолил, сколько надо, а то и это может пропасть, – махал он яростно рукой. Потап был тоже подстать жене – поджарый, с ввалившимися щеками, рано постаревший с тёмно-русыми волосами с сильной проседью особенно на висках.

– Терешина Мария тоже корову извела. А чего-то к ней не идут...

– Дура ты, у Машки ящурная, люди боятся! – отвечал низким охрипшим голосом Потап.

– Хорошо... а Зябликова Катька с Федькой расстались с коровой, да мясо не раздавали как ты. А у них и малых деток-то нет! А у нас – трое! Ирод ты, проклятый.

В трудный год корова Зябликовых так же, как и у некоторых хозяев, оказалась яловой. Хотя была ещё нестарая. Ласточка к тому году хозяевам восемь телят принесла. А завели её ещё перед самой войной. И вот пришлось пустить на мясо, для чего Фёдор Савельевич пригласил Мартына Кораблёва и его сына Кондрата. Сам хозяин, не любивший кровопускание, отстранился, зато средний сын Борис, которому уже шёл двадцать первый год вызвался в подсобники, на что ни мать, ни отец не стали возражать. Мужчина должен выполнять и такую работу. Екатерина украдкой плакала, жалко было Ласточку. И она думала, настанет ли когда такое время, чтобы коров-кормилиц резать было тяжким грехом. Ещё девушкой Екатерина слышала предсмертного блеяния овец, которых резал брат Егор, и всякий раз от убийства животных ей становилось не по себе. Но истребление парнокопытных, к сожалению, не запрещала Библия, и вовсе не считала это преступлением, так как Бог создал разную живность для человека. И всё-таки ей всё рано было жалко домашних животных, диких зверей и птиц, ведь они тоже имели право на жизнь. А Бог, выходит, это право отнимал, что было трудно постичь сердобольному человеку. Но те, которые истребляли не только домашних животных, считали, дескать, чего тужить, ведь как распорядился Бог, как он установил такой порядок, значит, так тому и быть. И потому им трудно было постичь, что люди истребляли всё живое ради одного того, чтобы самим выжить. Этого они натерпелись в голод пятнадцать лет назад и больше года жили тогда буквально впроголодь. Тогда всех кур, петухов извели, корову продали, чтобы в три дорога в городе покупать хлеб, муку.

Вот и сейчас неужели опять повторяется то же самое, а ведь колхоз сдал государству всё зерно, а себе оставил только на семена. И сторожили его Василий Треухов да Прон Овечкин; из-за последнего Гаврила Корсаков попросил Фёдора Зябликова наняться пасти частных коров в паре с Андреем Перцевым, который тоже на войне потерял руку по локоть...

И вот поговаривали, будто семенное зерно потихоньку убывает, точно его кто-то просеивает сквозь решето. Молодой бригадир Назар Костылёв не стал жаловаться председателю на сторожей, его же тогда обвинит, дескать, плохо контролирует, попустил, вот все и тянут. Однако до Корсакова слух всё рано просочился, и тогда Гаврила Харлампиевич, сохраняя спо-

койствие, велел обоим сторожам идти дежурить на коровник и свиарник. А на ток отправил на пересменку Зябликова и Перцева.

Между прочим, Корсаков ценил Фёдора Савельевича за безупречную честность, да и Андрей Николаевич был спокойный, прямодушный. К тому же между собой они превосходно ладили. Однако Назар Макарович как-то подсказал председателю, что те, как Прон и Василий уж очень сговорчивые, потому и ладят. Если что, один другого обязательно покроет и оправдает. Потому их следует распаровать.

– Ох, Назар Макарович, и молод ты, а всё хочешь своим аршином мерить, – сказал Корсаков. В своё время он поставил парня бригадиром исключительно из уважения к его отцу. – Я, конечно, ценю тебя за находчивость, но пусть они пока работают, как я их расставил.

– Так Овечкин первый зерно утянет. У него на физиономии написано, что он очень хитрый, изворотливый... Его надо поставить с Зябликовым...

– А кто не хитрый? Возле тебя, я смотрю, ошиваются и Панкрат Полосухин, и его братец Давид, и Кондрат Кораблёв, и девки тоже крутятся. Я же тебе ничего не говорю. Смотри, чтобы Мотя не обижалась...

– Я на них не обращаю внимания. Работу просят полегче, на птичник все хотят. Я же не отстраню свою ради них?..

– Надо бы на бухгалтера послать способную к счёту деву. Подумай, кого бы ты предложил? Может, свою? Она у тебя умница. Алёшка Жернов хоть и справляется, но ещё нужен на ток один счетовод...

– Нет, Гаврила Харлапиевич, Мотя пусть остаётся при своём деле. А то вон, поговаривают, что скоро наш колхоз мишкинским отдадут, что на это скажете?

– Я ещё не буду об этом говорить открыто. Ежели Прищурин молчит, значит, нечего пустословить. Об укрупнении колхозов разговоры ходили ещё год назад. У нас три бригады, а у мишкинских хутор большой да соседние хутора, по одну сторону Малый Мишкин и по другую – Александровка. У них одних пастбищ в несколько раз больше наших... Но нам-то они зачем, у нас своей земли... А я так думаю: чем больше колхозов, тем трудней ими управлять, поэтому выиграют не колхозники, а начальство. Они делают себе жизнь легче, мать их так. Значит, и председателей станет меньше, а кем мы с тобой станем?

– Вы правы, эх мать твою! – Назар чесал затылок, глаза бессмысленно моргали, словно у него отняли способность мыслить и он позавидовал председателю, что тому пришла такая догадка.

– Но ты смотри, что я тебе сказал, держи за зубами..., – предупредил Корсаков и пошагал своей дорогой. А Назар всё чесал озадачено затылок, к нему дошло: его могут лишить бригадирства... – но дальше он не стал размышлять.

Как бы там народ ни судил, ни рядил, будет ли укрепление колхозов, в районе уже точно знали, что укрепление колхозов не миновать: это необходимая стадия развития села. Укрепление преподносили не как укрупнение, чтобы не будоражить народ, а как обеспечение села интеллигенцией: высокообразованными агрономами, зоотехниками, организаторами сельского производства, врачами, учителями. По этому поводу в Москве даже состоялся Пленум партии «О мерах по ликвидации последствий разрухи народного хозяйства на территориях, которые во время войны попали в зону оккупации». И одним из основных вопросов стояло укрепление колхозов и создание новых совхозов, направленных на резкое увеличение выращивания хлеба, что и связывалось как с укреплением колхозов обученными специалистами, так и с поднятием целинных земель не только в диких степях Оренбургской области, Алтайском крае, Восточной Сибири, за Уралом, но также и в степях Казахстана и на Дальнем Востоке.

Партия велела поднимать, кроме целинных так же и пустующие земли во всех регионах, которые были оккупированы в Великую Отечественную войну. В результате этого тысячи гек-

таров были брошены из-за нехватки техники и людей, так как почти всё мужское население было призвано на фронт.

Укрепление колхозов, как считали партийные функционеры, должно было увеличить расходы на поставки селу техники, горючего. Эти меры предполагали также ускорить освоение брошенных за годы войны земель и тех диких угодий, которые из-за нехватки тракторов, плугов, борон, культиваторов, сеялок не могли быть обработаны и засеяны.

Ещё в 1947 году из областного центра во все районы области пришло постановление, чтобы с такого-то числа и года осуществить в короткий срок это самое пресловутое укрепление колхозов, которое, забегаая наперёд, можно уверенно сказать, ненамного повысило и урожайность. Разве что, улучшилась обработка почвы, и увеличились пахотные угодья. А значит, и обеспечило хлебосдачу, так как произошло всего лишь соединение земель. Впрочем, на первых порах соседние колхозы, слившись в одно хозяйство (а то и три в один), только условно усилили свой технический и людской потенциал. А на самом деле результат остался тот же. В те времена о классе единоличника уже редко поминали, так как селяне по всей стране давно стали единым классом колхозников. И потом вдруг было объявлено – разукрупнить колхозы.

Однако нарождалось такое новое явление как производственник не только в хуторе Большой Мишкин, они появлялись по всей стране, если город был рядом. И вот здесь они работали в Новочеркасске и Ростове на стройках крупных заводов. К примеру, на Ростсельмаше к концу 1950 года уже выпускали обновлённый комбайн «Сталинец», и с каждым годом намечалось производство увеличивать. А для этого нужны были специалисты. Но сельским жителям уйти тогда в город ещё было не так-то просто. Однако молодёжь приходилось посылать на обучение разным профессиям в ремесленные училища, а после получения аттестатов, как правило, выпускников направляли на стройки и заводы. Особенно острую потребность в молодых рабочих кадрах испытывали новые заводы, производственные площади которых продолжали расширяться...

Но мы несколько забежали вперёд, так как к весне 1948 года не только в посёлке Новом засушливое лето 1946—1947 годов для людей впоследствии обернулось голодом, но и для многих регионов страны. И поэтому первая кампания уже не укрепления, скоро была заменена на укрупнение колхозов. Но сообщения о тысячах и десятках тысяч смертей от голода по всей стране, на время остановили эту кампанию. Сталин и слышать не хотел о голоде, он говорил о вредительстве и саботаже, что кому-то очень выгодно, чтобы село терпело бедствия. «А нас вынуждают объявить новые реформы на селе, чтобы дать зелёную улицу частному производству продуктов, чтобы подорвать нашу политику развития колхозного движения. Значит, на селе ещё живуч вирус частнособственнической психологии. А в городе мелкобуржуазные элементы организуют спекуляцию. Ми понижаем цены, о народе заботимся, а нам палки в колёса! Я предлагаю товарищу Маленкову поехать по сельским житницам и посмотреть, что там делается. А товарищу Хрущёву ми поручаем изучить, что мешает развитию колхозов и совхозов, почему имел место голод, когда его не должно быть? Мне пишут труженики, что зерно всех видов продаём за границу, когда сами ещё не накормили село. Надо и с этим разобратся! Патоличев мне подсказывает: надо провести укрупнение колхозов, поскольку мелкие колхозы не поддаются управлению. Товарищу Маленкову ми поручаем изучить это предложение. Если оно действительно сулит хорошие результаты, почему бы не провести укрупнение?»

Политики того времени находили причины голода не только в засухе, но и в том, что ещё не все колхозы после войны смогли встать крепко на ноги. Однако тогда мало кто мог не только знать, но и догадываться, что наша страна заключила торговые соглашения, по которым только одной Франции было экспортировано миллионы тонн зерна. Между прочим, СССР во все времена своего существования продавал зерно на мировом рынке и в то же время в отдельные периоды своей истории также закупал зерно золотом. Не в этом ли уже тогда вставала насущная необходимость распашки новых земель, как неизбежность развития сельского хозяйства?

Хотя беспрецедентная кампания по освоению целинных земель в то время ещё только витала в головах некоторых политиков. И может быть, она бы началась раньше, если бы Сталин был моложе и не был бы тогда фанатически озабочен укреплением обороноспособности страны, чтобы избежать третьей мировой войны, призрак которой уже витал. И кое-где враги проверяли крепость наших границ, устраивая провокации. Но была ещё и другая существенная причина того, что в послевоенный период внутренние проблемы борьбой за власть правительством были оттеснены, к чему мы скоро обратимся...

Глава седьмая

В голодную годину, которая опустошительно прокатилась по всей России, в посёлке Новом неожиданно умер Фадей Ермолаев; ещё накануне, за месяц до своей кончины, хоть и был в похмелье, он просил милости божьей пожить ещё, чтобы увидеть взрослого сыночка Колю, которого жена Фёкла родила два года назад. Она не раз со страдательным укором ему выговаривала: «Зачем куришь, окаянный, всю хату дымом табачным закоптил, нешто ты думаешь, что эта табачная горечь тебе на пользу пойдёт, а не ты ли, Фадеюшка, должен не забывать, что с проклятушей войны под сердцем носишь смертельный осколок?..»

Фадей же в другой раз под её причитанья, выпьет, бывало, и начнёт вспоминать, как под Ржевом день и ночь шли непрерывные жестокие бои, что казалось, небо и земля сливались в одно целое. Сначала немцы лезли танками и набрасывались бомбардировочной авиацией, затем наши яростно атаквали. Четыре крупных операции провели с большими между собой промежутками с начала 1942 года по апрель 1943-го, потеряв убитыми и ранеными в общей сложности более полутора миллиона человек только на Ржевском выступе, где трупы лежали в два-три слоя. И когда немцы обстреливали из мортир и бомбили, приходилось прятаться за этими трупами, которые зимой вместо брёвен складывали, чтобы прятаться за ними от артиллерийских и бомбовых взрывов. Но они падали поленьями на оборонявшихся наших солдат. А летом стояла страшная зловонная вонь, ползали по трупам мухи, кишели сгустками черви. И как взрыв, так и летели вместе с землёй на солдат...

За четырнадцать месяцев самого продолжительного сражения бои не велись всего два или три раза по месяцу-полтора. А в остальное время бои почти не прекращались. Грохотали с двух сторон наступающих и обороняющихся орудийные залпы, а замолкали лишь на какой-то час, а потом с новой силой возобновлялась страшная пальба артиллерийская; и гудела и вздрагивала политая кровью родная земля.

А командование на место тысячи и тысячи убитых бросало в бои всё новые и новые воинские подразделения, а то и целые дивизии, чтобы враг не сломил оборонительные рубежи и не остановил наступление. В одном из боёв Фадея и ранило, говорили, вражеские снайперы били наверняка. Но кто тогда мог разобрать, откуда именно вёлся ураганный огонь. Фадей лишь помнил, как будто чья-то невидимая рука схватила его за шиворот и сильно отбросила назад, что он больше ничего не помнил, чувствуя, как кровь лилась из раны, и он вдыхал железисто-солончатый её запах, от которого поднималась к горлу тошнота. А потом потерял сознание, хотя до этого мимо него бежали, бежали солдаты и он, помутневшим взором, только видел мелькание подошв кирзовых сапог и его было чуть не задевали. В какой-то момент он сквозь туманное сознание услышал девичий голос, с трудом открыл глаза и увидел в военной форме приятное юное лицо. И тут же она радостно кому-то сказала: «Живой, кажется, он живой!» Этот голос для него прозвучал сродни родному, и потом его положили на носилки и понесли двое санитаров...

В полевом госпитале он очнулся, увидел себя всего забинтованного вокруг грудной клетки. Но той хорошенькой санитарки или медсестры он больше не видел. В том полевом госпитале он тогда провалялся больше месяца и ещё столько же в тылу. Надо было делать

операцию, но консилиум военных врачей на это почему-то не решился, и только при выписке ему объяснили, что врачи опасались, как бы осколок не оторвался раньше времени и не зажал левый клапан предсердия. А потом снова попал на фронт. Хотя должны были подчистую комиссовать, постеснялся напомнить о тяжёлом ранении...

Под Ржевом, говорили, в боях полегло с осени 1941 по апрель 1943 года почти два миллиона человек, да не меньше и с немецкой стороны. Немцев и русских по всему выступу лежало горы трупов. Фадей был один из счастливцев, которого смерть оббежала стороной. Командовали теми фронтами генералы Конев и Жуков, и с честью, но ценой больших потерь, отстояли рубежи. А какие лютые морозы свирепствовали подряд две зимы...

И вот почти через шесть лет вражеский осколок достал Фадея. Врачи в своё время так и не решились делать операцию, ведь проклятый застрял в каком-то миллиметре от главной сердечной аорты. Если бы попытались вынуть, то могли задеть её, и это могло бы вызвать массивную кровопотерю. И Фадей знал, что каждый миг для него мог стать последним.

Весной решил вскопать латку земли под высадку овощей, работал в напряжении и, видно, осколок задел аорту и он скончался на месте. Лопата осталась торчать в сыром грунте. Дочь Дора вышла на двор и не тут же увидела отца, лежавшего на холодной земле, и подняла отчаянный крик. Из хаты выбежала Фёкла и они вдвоём кое-как подняли бедолагу, внесли в хату. Но он уже стал остывать...

А через два дня Фадея похоронили. Каким бы он ни был для своих, собралось проводить фронтовика в последний путь (не считая детворы) чуть ли не всё взрослое население посёлка. И отдали бывшему солдату-фронтовику последние почести. Пришла и Домна Ермилова, на которую Фёкла держала обиду ещё с довоенной поры за то, что впутала в свои шашни Фадея и на весь колхоз опозорила их семью. Но на похоронах она будто и не замечала Домну, пребывая в личном горе, только теперь она оглушительно понимала, что у неё больше нет мужа и в этом сравнилась с нею, Домной, а не тогда, когда спутался со срамной и бесстыжей бабой. Но в тот скорбный день она об этом не думала, в тот момент её занимало одно: как Фадей, ещё живя на родине, в одном из сёл Липецкой области впервые сподобился за ней, Фёклой, ухаживать. Он был тогда бедовый, любил повеселиться, не без озорства, и потому его приставания к ней она сначала воспринимала несерьёзно. Но когда принёс полевые цветы, у неё тотчас на сердце потеплело и с того раза они стали встречаться. Правда, она стеснялась посторонних, и лукаво, не без кокетства, увлекала его за околицу села...

И вот на момент смерти, шёл Фадею только сорок пятый год; ещё бы жить да жить. И чего ему взбрело вскапывать землю? Да та же нужда, что и других посельчан, переживших голодную зиму, выгнала на огороды. Если бы она, Фёкла, увидела то, чем он занялся, то бы вырвала у него лопату, а дочери бы тут же её живо всучила. Но теперь только в пустой след её и приходилось отчитывать, что Дорка вовремя не беспокоилась...

И так совпало, в день похорон Фадея Фетинья Семанцова родила дома сына Мишу. В посёлке поговаривали, мол, девять месяцев назад у неё останавливались солдаты, которые по округе собирали битую военную технику. Однажды встретилась с ней в магазине, и Фёкла невольно ревниво покосилась на её живот, а когда пришла домой, вдруг брякнула Фадею:

– Не ты ли с ней путался?

– О ком ты говоришь?

– А то ты не знаешь, да о Фетинье же...

– И что, кроме меня нешто больше некому? Но почему она тебя так интересуется? – спросил тогда Фадей, как-то озорно усмехнувшись.

– Да то интересуется, что ты и есть кобель для всех! – отчаянно, с подвывом надрывным, воскликнула жена, чувствуя, как злоба ревности обволокла её, как кокон и не отпускала.

– Будет тебе всех кобелей на меня вешать, – отшутился Фадей.

Но при людях Фёкла не собиралась порочить мужа. А дома просто от ревности стала его донимать, да и лишь потом пожалела. Ведь она сама что-то такое же про солдат слыхала. А кто-то из острых баб на язык, даже зятя её соседки прилепили, дескать, Герасим и обрюхатил тещу...

Фёкла теперь, когда не стало мужа, пожалела, что уличала Фадея в грехе. Ведь с осколком под сердцем он был уже не тот, что раньше, когда путался с Домной. Но проклятая ревность порой вопреки здоровой логике ожесточает человека. Вот так и у неё порой ненависть бурливым огнём в груди клокотала. На похоронах мужа она даже видела Фаину Николаевну и невольно подивилась. Это ни к ней ли Фадей ходил искать спрятанное ею продовольствие? И вот она пришла, взгляд её был донельзя непривычно хмурым и строгим. А то, бывало, смотрела как-то просветлённо, точно ни на секунду счастье её не покидало. Да то и не отпускало, что возле неё крутился бригадир Гаврила Харлампиевич, которого Фёкла уважала и побаивалась. Ведь иной раз из колхоза приносила вязку сена, а то жменю-другую зерна. А когда летом многих баб посылали убирать арбузы и дыни, то с молчаливого одобрения бригадира все брали по паре кавунов. Фёкла же несла домой почему-то и тряслась как осина на ветру...

Почти каждый день Корсаков снаряжал Фаину Волкову на грузовой машине в райпо. Может, гляди, и там что-то выдадут? У жителей между тем давно закончились скудные запасы картошки. Всё лето в поиске полезных трав люди излазили все балки, из которых готовили на зиму салаты. А теперь весной эти яства пошли в ход. Ведь в тот голодный год капуста, помидоры, огурцы и картошка почти не уродились. И понятно, что под засолку бочки стояли пустые, а что удалось собрать – засолили в эмалированные кастрюли и вёдра. И люди, понимая нужду каждого, делились последними продуктами с другими, у которых и того не было. В те времена народ ещё не утратил чувство локтя, люди умели сострадать, понимая, что по трудодням в ту осень не выдали – ни масла подсолнечного, ни овса, ни зерна. И даже нечем было выплачивать продналог. И надо ли говорить, что мало у кого сохранились прошлогодние запасы. Зато на кормление скотине получали по три воза соломы. В прошлую осень в поиске шиповника, тёрна и айвы люди излазили все окрестности и дальние балки...

Председатель Гаврила Корсаков придержал сдачу хлеба государству, несмотря на то что плановая поставка того года была сорвана. Он ездил на совещание в район, где изложил первому секретарю Прищурину сложную ситуацию, грозившую населению посёлка голодом. Нужно было немедленно спасать народ от голодной смерти, иначе на будущий год некому будет пахать и сеять. Но и в других колхозах и совхозах дела обстояли ничем не лучше. Однако государство не оказало колхозникам продовольственную помощь, чтобы избежать смертельного голода. Да и помогало ли оно когда-нибудь серьёзно, если его назначение только забирать всё подчистую? Корсаков же, сдав большую часть урожая, оставил не только на семена, но и на прокорм людям, о чём честно и заявил Прищурину: «Ежели я содеял преступление, снимайте, арестуйте, но народ надо спасать»? И тут, как говорится, в пользу колхозников сошлись мнения самого председателя и гуманность первого секретаря Прищурина, взявшего его сторону, рискуя своей должностью, а может быть, и жизнью. А уж как он там будет сам отчитываться перед обкомом, это уже его дело...

Глава восьмая

Голод 1947 года, вызванный страшной засухой, напомнил Сталину начало коллективизации, когда через три года после её объявления, разразился голодомор. Но себя в этом он не винил, он был уверен, что имелись тайные силы, которые вредили ему. И эти силы вождь связывал с внутренним чуждым элементом, который вместе с ним и проводил коллективизацию в стране. Тогда и сильной засухи не было, но и большого урожая тоже не собрали. Но Сталин это связывал с началом в деревне продовольственного кризиса, который вовсе не был

вызван коллективизацией, а в первую очередь бойкотом, саботажем самих крестьян – этого недобитого кулачья и всеми его прихвостнями, так как нарочно увиливали от трудовой повинности. А то, что колхозам было велено сдавать хлеб и другую продукцию по заниженным ценам госпоставок – это в расчёт вождем не бралось. Ведь отработав сезон на обобществлённых землях за трудодни, колхозникам на них выдавать было нечего. И это, как известно, и привело к голоду.

На этот раз он охватил не одни те области, которые попали в оккупационную зону. И они не успели восстановить в полном объёме поголовье скота, свиней, овец, птицы. Но главное для всей этой колхозной и частной живности не было в достатке кормов, так как на солнцепёке погорели травы. А злаковые озимые частично вымерзли, яровые же даже не успели пройти вегетацию, не успели околоситься, как на корню засыхали от зноя. Сталину, разумеется, докладывали о тяжёлом положении во многих житницах страны. В 1941 году в колхозах при МТС были восстановлены политотделы, которые упразднили ещё в 1934 году. На заседании Политбюро Сталин это решение объяснял так:

– В 33-м году мы создали политотделы, чтобы пресекать бунтарские настроения. Кто сегодня помнит, сколько крестьяне тогда подняли восстаний? Уверен, никто не помнит! Правильно, плохое нельзя помнить долго, а то память не безмерна. Но я вам зачитаю несколько цифр, – Сталин взял со стола листок, который ему подготовил Поскрёбышев. – Итак, товарищи, в январе 1930-го по всей стране крестьяне бунтовали более 400 раз, в феврале – 1048, а в марте того же года – 6528 бунтов. Мы им вернули обновлённую общину, а они пошли на нас с кольями. Но всё дело было вовсе не в нас, а в местном вредительском руководстве. От успехов у них головы закружились, но моя статья их остудила, и крестьяне побежали из колхозов. И не просто побежали, они на радостях громили и растаскивали колхозное имущество. В конце года они выступили – 13755 раз. Три миллиона человек бунтовало. Разве мы могли сидеть, сложа руки, когда мужицкое отродье убивало председателей? Нет, не могли, и мы расстреляли из самых заводил 20201. Но мы ещё больше сослали в лагеря и на вольное поселение, там они построили колхозы и они сдэлались передовыми. Через четыре года мы эти политотделы распустили. Думаете, больше не стало саботажников? Нет, конечно! Но всех не пересажаете. Мы этих скотов заставляли работать на местах. Я когда-то говорил: пока существуют кулаки, будет процветать и саботаж. Они кочевали и кочуют по всей стране. Сколько мер не принимали, а они всё равно кочуют! Всех расстрелять, посадить, опасно! Некому будет работать...

Сталин, как и Ленин, не любил русского мужика. Для него, мужика, авторитета вождей как бы не существовало. А если бы это было не так, он бы никогда не бунтовал. Для мужика нет ничего дороже, кроме матушки-земли. Она для него всё! А вождь для него есть враг, который отобрал землю и снова, как и тысячу лет назад, вместо обещанной свободы и земли, поставил в общественное ярмо. Сколько Сталин ни пытался разобраться, что представляла собой сельская община, и какие традиции она наследовала из прошлых веков, ему так и не удалось это сделать. Хотя он не очень-то и пробовал в ней разобраться. Он боялся такого понятия как самоуправление, так как Сталин лишь одно уяснил: если мужика не подчинить интересам государства, страна не будет с хлебом, а значит, останется и без промышленности. Поэтому ни о каком самоуправлении не могло идти речи, мужик для него – инструмент достижения великой цели. А самоуправление могло восстановить вековые традиции сбережения крестьянских корней. Но от понимания этого Сталин не был не то что бы далёк, он догадывался, что это не приведёт к нужному результату, то есть подчинения деревни интересам партии. И после войны Сталин не пошёл ни на какие изменения в сельском хозяйстве, чтобы колхозникам стало жить легче. Он даже не ввёл вместо трудодней оплату труда реальным рублём. И не сделав этого, вождь совершил ещё одну ошибку, которая вела к распаду деревни и стала толчком к послевоенному массовому бегству людей из колхозов в города. Выходило по-сталински: всю

жизнь колхозники должны были пахать землю и даже не мечтать о пенсионном обеспечении... На тот период это был уже второй просчёт Сталина.

Он принял лишь относительно правильное, как он думал, решение – присоединение к передовым колхозам отсталых хозяйств. И против этого уже никто не мог выступить, так как к тому времени оппозиция номинально уже не существовала. Хотя некоторые историки думают по-другому, дескать, идею укрупнения Сталину подсказал сначала Маленков, а потом и Хрущёв. Кстати, у последнего в голове носился вообще сумасшедший план реформирования не только сельского хозяйства, но и территориального устройства деревни. Хотя Никита Сергеевич отдавал себе отчёт, что при жизни Сталина его план ни за что не осуществится. Именно у Хрущёва вызревала идея реформирования сельского хозяйства, но она мало чем отличалась от того, как на тот момент складывалась ситуация. Он знал позицию Маленкова об улучшении положения в колхозах и совхозах. Надо было повысить закупочные цены, освободить колхозников от непосильных налогов, которые удушали частные подворья. Но Сталин, как уже было сказано, даже в этом ничего не хотел менять, поскольку считал себя знатоком психологии русского мужика. Он полагал, стоило отпустить вожжи, как мужик почувствует себя свободным и станет опять диктовать свою волю, как это уже было в конце 20-х годов. Деревня тогда окрепла, создался класс зажиточных, и он не хотел отдавать хлеб по низким ценам. Вот тогда Сталин раз и навсегда, как он думал, поставил в зависимость мужика от государства, лишив его всего, что он наживал в годы единоличной жизни.

И хорошо усвоив горький опыт 20-х годов, Сталин категорически отвергал все послабления, которые предлагались для села. Не побоюсь повториться, Сталин, ненавидя русского мужика, был убеждён, что, он, мужик, в любых условиях всё равно выживет. Однако, когда из-за неурожая 1946 года по стране грянул голод, Сталин разрешил выделить голодающим районам зерна, но и то, не для прокорма, а на посевную. В тот год отмечались многие случаи воровства не только из колхозных закромов, но и с ферм, свиноводов, птичников. А указ о хищениях никто не отменял. И милиция, госбезопасность не сидели, сложа руки.

– Мы, не будем расхитителей освобождать по амнистии, мы будем их сажать, сажать и ещё раз сажать! – говорил Сталин, отправляясь на юг по рекомендации врачей отдыхать, и в Сочи находился с августа по январь.

...Пока вождь укреплял здоровье, Георгий Маленков, Николай Булганин, Семён Игнатьев подготовили докладную записку о том, что заместитель председателя совета министров Н.А.Вознесенский, первый секретарь Ленинградского обкома КПСС А. А. Кузнецов возглавили контрреволюционную организацию, цель которой – свержение советской власти и реставрация капитализма. После Игнатьев тайно докладывал Н. С. Хрущёву о результатах совещания. Никита Сергеевич в своих пространственных мемуарах ни разу не обмолвился о том, как группа Маленкова, Булганина решила путём клеветнического вымысла обвинить Кузнецова и Вознесенского в антигосударственной деятельности. Причём они всячески стремились в этом уверить и вожда...

Знал ли Сталин, находясь на отдыхе, о том, что в его отсутствие происходило в Москве и Ленинграде, если учитывать то, что Сталин, как большой стратег, понимал всю опасность того, что замыслили молодые по сравнению с ним члены Политбюро?

С годами Сталин, безусловно, понемногу терял бдительность: была уже не та цепкая память, не те аналитические способности, которыми он обладал в более молодые и поздние годы. Хотя по свидетельству его близкого окружения, он обладал феноменальной памятью и мог помнить все подробности давно минувшего. Тем не менее действовала осведомительно-доносительная система. И она, разумеется, срабатывала бы ещё безупречнее, если бы его соратники не делали всё, чтобы Сталин не получал проблемную информацию, в чём больше всех был заинтересован Л. П. Берия. Собственно, это ему и было поручено Хрущёвым, Маленковым и Булганиным. И все они вместе почти в одинаковой степени боялись больше всего

вовсе не Сталина, а Берию, и, зная, что он им необходим, использовали его, пока он был им нужен для отстранения Сталина от власти.

На тот момент вождь народов правил страной более двадцати восьми лет. Так что ему пора было уходить на покой, решили каждый в отдельности из будущих заговорщиков. И чтобы вождя постепенно отлучать от управления страной, ему подавали исключительно положительную информацию, которая стекалась с бескрайних просторов страны, причём и о нём самом – верном и последовательном продолжателе дела великого Ленина, верном сыне своего народа. Сталин не читал такие панегирики, даже иной раз раздражался. «Неужели у нас всё хорошо и вообще нет никаких проблем, больших задач текущего дня? – думал про себя вождь. – Я им всыплю перца, ишь, вздумали лить елей на рану, славословить научились! А социализм без меня не могли построить! Мне ещё сэмьдесят лет нет, а они раньше времени челом бьют! Какой я верный сын своего народа?! Я уже забыл, когда был в своём селе Гори. Я не уже сын русского народа, а был им всегда, как узнал о путешественнике Пржевальском... Меня воспитала в духе сознательности и верности делу... Ленина—Сталина – партия! А то так бы и бегал по тюрьмам за ограбление банков. Вай-вай, нэужели это я бандитизмом занимался? Был даже гангстером! Да, народу за тридцать лет моего правления ушло в землю много... Но разве только по моей воле? За мной все подписывали расстрельные списки: и Молотов, и Каганович, и Микоян, и Хрущёв, и Ворошилов, и Будённый. Да что там, даже мой секретарь и тот вызвался поставить свою резолюцию, когда моя рука не стала слушаться меня. А что мне Берия о нём шептал – документы государственной важности пропали? Говорит, были послы иностранных держав – США, Англии, Франции, Германии. Вот им он их передал за доллары. Допросил его сам, мордой по столу. А потом Поскрёбышев глядел в глаза испуганно на своего хозяина, как преданный из преданных псов. Я хочу ему верить, что Берия всё бессовестно врёт. А куда ж тогда документы пропали? Да может, сам Берия и украл, чтобы свалить на Поскрёбышева?...» – Сталин прервал мысль. Ему доложили, что турецкий самолёт пролетел недалеко от наших воздушных рубежей.

– Вы хотите сказать – это прилетел турок, зная, что я здесь? – вождь уставился на генерала Власика.

– Никак нет, товарищ, Сталин! Нам сообщили, что молодой пилот увлёкся! Нервы захотел себе пощекотать! – ответил начальник охраны.

– А если мы так сделаем? Посадим неопытного лётчика и к ним направим? Они взвоят, а США объявят, что мы провоцируем конфликт? Нет, скажут, ищут повод для военного конфликта! Хотят, чтобы мы открыли огонь? Авиация поднималась?

– Так точно! Но стрелять нельзя!

– Правильно мыслишь, генерал-лейтенант. Они взвоят, да и обрадуются, что мы клюнули. А надо было бы его перехватить! И посадить и отдать под суд, как шпиона. Ну ладно, ступай себе, я здесь похожу...

Сталин остановился у окна, из которого сквозь гардину просматривалась веранда, а за нею было видно море: «Неужели я старею? – спросил он у себя. – Корабль показался, – продолжал он смотреть в окно. – Вот сейчас направит жерло пушки и бабахнет сюда. – И на миг в воображении мелькнуло настороженное лицо Берии, – этот человек чёрт и дьявол! Я его позвал в Москву, он убрал Ежова, а Ежов Ягоду. А Берию Абакумов не убрал. Почему? Неужели он меня не понял? Но зато снял подхалима Игнатьева и хотел арестовать Жюкова, а я ему дулю показал, чтоб народного полководца не трогал, а если бы Жюкова расстреляли, чтобы тогда думали обо мне? Победителя расстрелял! А мне этого позора не нужно было. Вот он бы и убрал Берию. Как я этого проворонил!? А уже сколько лет прошло как Берию убрали по „его просьбе“ из госбезопасности? Пять? Шесть лет? А он всё равно имеет туда доступ, или секретные лаборатории курирует?...»

Но сейчас Сталин совсем забыл, что тогда, в мае сорок пятого, когда американский президент Гарри Трумэн радостно сообщил об успешном испытании атомной бомбы, Сталин на миг потерял дар речи, вспомнив, что забыл о ядерных разработках, выпустил эту программу из внимания. А ведь ещё в 1943 году он поручал Берии начать секретные разработки, но Берия его предупреждал, если союзники узнают, это нехорошо скажется на наших с ними отношениях, упрекнут в тайных кознях. А получилось наоборот, американцы опередили, тайно похитили технологии у немцев и союзников не поставили в известность. Сталин уже не раз винил себя за то, что поддавался влиянию Берии. А этот плут уже знал это и пользовался его внушаемостью сильной личности. Хотя этого не было, просто он прислушивался к его мнению. Но выходит, в тот раз не нужно было это делать, а поступить по-своему. Тогда не отстал бы от американцев по ядерной программе. Вот и пришлось из Потсдама срочно связаться с Берией, чтобы немедленно брал на себя все разработки по новому оружию, а свои дела передал Абакумову или Игнатьеву. Берия выбрал первого. Позже пленум официально назначил Л.П.Берию ответственным за всю работу, от которой зависела судьба большой державы.

«Вот почему Берия уцелел, он мне был нужен, а теперь я подозреваю, что Лаврентий, — думал Сталин, — хочет, чтобы я сделал его своим наследником? Берия на двадцать лет моложе меня. Почему бы ему не стать моим преемником? Но такого головореза, если поставить, то кто тогда меня назовёт умным? Народ не оценит. Палач-грузин, да ещё второй, ему не нужен. И тогда меня будут считать палачом. Нет, такой сценарий не пройдёт! Я Вознесенского оставлю после себя или Кузнецова. Нет, лучше Вознесенского, он умный, молодой и обещающий экономист, образован. Молодой академик будет управлять страной, когда это в истории было? Никогда! По его программе мы быстро после войны вышли из разрухи, когда западные буржуазные идеологи нам предрекали долгий путь восстановления. Ни в чём плохом Вознесенский не замечен. Маленков тоже хороший организатор. Но он беспощадный. Ленин меня таким считал, что я нетерпим. Когда идёт борьба за власть, за жизнь, кто утерпит таких оголтелых, как Троцкий и всю его борзую свору? Никто! А Вознесенского народ примет и потом оценит моё решение. Но я ещё уходить не собираюсь! И мемуары не буду писать. Все и так знают, какая велась за жизнь и партию суровая борьба...».

Глава девятая

Эта одиозная четвёртка собиралась встретиться с того часа, как жарким августовским вечером в очередной раз в южном направлении проводила И.В.Сталина на отдых. Иначе это не могло случиться, поскольку на север или восток, он не выезжал, или на том же вражеском и некогда союзном Западе он никогда не отдыхал. Разве что в таких случаях он иногда шутил, как в тот прощальный вечер:

— Почему меня на юг тянет? Думаете, только из-за того, что я родился в солнечной Грузии? Нет, товарищи. На сэвере, в Восточной Сибири, я не раз отдыхал, это когда меня в ссылку отправляли! Я убегу, а меня туда опять запирали... Из вас, молодых, кто может этим похвастаться? — Сталин иронично обвёл всех взглядом, пригладил пальцами свои усы и продолжал, видя, как Маленков, будто стыдливо опустил глаза. Хрущёв тоже смотрел себе под ноги. Булганин и Берия быстро переглянулись и про себя заулыбались. Хотя их сытые, гладко выбритые физиономии, хранили деланное суровое спокойствие. Каганович, Микоян, Молотов смотрели слегка подобострастно и улыбались сдержанно, при этом делая вид, что им было весьма интересно слушать остроумие вождя. Хотя Сталин на эту троицу не посмотрел, поскольку для него они были скучными, как прочитанная книга. Зато четвёртка молодцев, не считая остальную свиту из партаппарата, вызывала у него неподдельный интерес. Во-первых, они оставались за него, во-вторых, они, именно они: ни Каганович, ни Молотов, ни тем более Микоян, не подсказывали ему, с какой стороны надо ожидать опасность возможного контрреволюционного

переворота. И они имели в виду ни кого-нибудь, а Н.А.Вознесенского, Кузнецова, Родионова, Попкова. Но сейчас Сталин нарочно досказал свою мысль, продолжая рассматривать четвёртку прощупывающим взглядом.

– И что я этим вам хочу сказать? Никто из вас не был на отдыхе в Сибири, а я был! Поэтому вы поедете в Сибирь, а я на юг. А Маленкова я посылаю в Ташкент. Нет, ты, Георгий, где был?

– В Узбекской республике, товарищ Сталин, – по-военному быстро отрапортовал Маленков.

– Хорошо, а теперь побудь в Казахстане. Мне Мэкита подсказал, там надо будет зэмли целинные поднимать. Так Мэкита Сергеевич? – повернулся вполупорот к Хрущёву Сталин, глянув на того больше, чем сурово. Хотя тот всегда у него вызывал своим круглым лицом и лысеющей головой невольную улыбку. Но сейчас он оставался без его присмотра. И тому надо было взглядом, пробирающим до костей, внушить прилежное послушание...

– Да, товарищ Сталин, я вам говорил именно так! Залежные земли конские табуны да сайгаки утрамбовали за века, превратив в камень.

– А ты, Георгий, пока займись там, нет, не зэмлёй, а партийной работой. И почишь там этим степнякам перья, а то совсем от нас отбиваются. Ты понимаешь, как надо чистить? Вот и хорошо! Ты это хорошо умеешь. И здесь это тоже помни...

– Слушаюсь! Так и будет сделано, товарищ Сталин!

– А Вознесенского нет среди вас?

– Вы ему поручили написать книгу по экономике, – подсказал Вячеслав Михайлович Молотов, искательно глядя на вождя, и сейчас присущая ему строгость сменилась улыбкой. Хотя знал, что вождь об этом того не просил, просто хотелось угодить. Да и помнил ли он всё, что кому-либо поручал? Но Сталин даже не посмотрел на Молотова, а взглянул на Маленкова так выразительно, что тому показалось, будто тот сжался в плечах и сделался меньше ростом. Однако в тот момент Сталин не заметил, как на него сбоку осторожно смотрели Берия и Хрущёв.

По взгляду вождя Маленков тотчас понял, что в Казахстан ему ехать незачем, лучше бы туда отправиться Хрущёву. Но Сталин, как того и ожидал Маленков, не проронил ни слова: он слегка поднял руку, помахал и стал подниматься в правительственный вагон по устланным ковровой дорожкой ступенькам. На перроне, кроме войск оцепления и провожающих, из гражданских лиц никого не было.

– Ты, Лаврентий..., – на последней ступеньке, при входе в вагон, Сталин остановился, обернулся, нашёл глазами Берию и продолжал: – ко мне приедешь и всё доложишь!

– Хорошо, товарищ Сталин! С Валентиной я приеду. Вы её оставили на этот раз, она к своим поехала, чтобы я отвёз её и назад привёз после всей проверки, я помню...

Сталин помахал рукой медленно и вошёл в вагон...

Именно этот момент проводов на юг Сталин вспоминал не раз, пока отдыхал на специально сделанной для него даче в горах с видом на снежные вершины главного Кавказского хребта.

А четвёрка незаметно отделится ото всех провожающих и рассредоточится по своим машинам, чтобы через час собраться для обсуждения совместных действий против более молодой партийной группы Н. Вознесенского и А. Кузнецова... И это, к сожалению, скоро произойдёт...

Но опасаясь прослушки, которую Сталин мог организовать на время своего отсутствия (хотя он это делал постоянно), они даже боялись уединиться в Подмосковье, где-нибудь в лесу. Однако Берия предложил сателлитам на Садовой свой внушительный двухэтажный особняк...

– У меня они не посмеют прослушивать, – заговорил Лаврентий Павлович, блестя стёклами пенсне, что казалось, он не без злобности алчно смеялся.

– Лаврентий, мы знаем, ты у нас самоуверенный, – сказал Хрущёв. – Один Вышинский что прокурор, что министр, у него и Абакумов по верёвочке ходит. Один иголка – другой нитка. Это связка, тандем! А наш Сёмочка Игнатьев как мальчишка, все его пинают, но мы его не дадим в обиду.

– Нет, ну вот чего вы разговорились здесь, посреди дороги? – возвысил тон Маленков. – Чтобы нас видели вместе? Хозяину всё равно доложат. Надо сообщаться по парам. Я с Лаврентием Павловичем, а ты, Николай, с Никитой Сергеевичем.

– Поедем ко мне или не поедем? – быстро проговорил Берия, обращаясь к Маленкову.

– Ну да ладно уж! – махнул рукой Хрущёв. – Можем и к тебе! Дача твоя точно без прослушки? А может, пока мы тут тары-бары, а там связисты у тебя поработали, – рассмеялся Хрущёв, добродушно глянув на Берию, вспомнив, как хозяин персонально пригласил того приехать и всё доложить...

На эту реплику никто не ответил, а Лаврентий Павлович подобострастно улыбнулся на какую-то долю секунды, так как намёк «шута горохового» он воспринял однозначно. А в следующий миг Берия так сурово посмотрел на Хрущёва, что тот нахмурился и несколько лихорадочно взирал то на Булганина, то на Маленкова. Нет, первый его не очень волновал, а вот Маленков, который рьяно развернул деятельность по оттеснению Сталина от власти, вызывал у него ревность и беспокойство. К тому же Маленков, как и Булганин, моложе его совсем ненамного, и они ровесники. Берия тоже, но этот всех моложе и, похоже, поэтому по праву считал себя единственной кандидатурой, чтобы в будущем безраздельно возглавить правительство и повести страну вперёд. Но Хрущёв, отличавшийся наблюдательностью, замечал то, как Сталин смотрел на Берию, то есть совсем не так, когда останавливал взгляд на Вознесенском, которого уважал за его всестороннюю образованность и честный взгляд. Только Вознесенского Сталин слушал внимательно, видя в нём само воплощение совестливости и порядочности; он уважал его и за то, что Николай Алексеевич никогда не рассуждал вслух без надобности о политике. Да, глаза Сталина при взгляде на своего заместителя лучились особым светом почтительности. И Хрущёву, видевшему это, в душе делалось не по себе; он чувствовал в сердце ноющую ревность, которую всегда испытывал к этому выдержанному внешне спокойному человеку, далёкому от закулисных аппаратных противоборств. Причём вполне искренне, но про себя злился, когда однажды услышал от Вознесенского такие слова, которые вызвали у него лютое возмущение, а может, ту же самую ревность, что Сталин не смотрел на него, Хрущёва, точно так, как воспринимал вождь самым серьёзным образом Вознесенского? А слова того были такие: «Вы знаете, Никита Сергеевич, я работаю ради воплощения идей в жизнь Иосифа Виссарионовича, и ему верю, и никто из нас не может его заменить: «Правильно, Николай Алексеевич, мы его и не будем просить уйти, да это и недопустимо! – ответил Хрущёв. – Он же, помните, хотел уйти сам? Но мы этого не позволили. Да, его никто не заменит, как он руководит у всех мороз по коже. Только ты, как его любимец, не скажи, не передай ему мои слова. Пока не хочу быть расстрелянным, – и Хрущёв по-бесовски рассмеялся.

А Вознесенский растерянно пожал плечами, смущённо, застенчиво улыбнулся и пошёл прочь. «Вот чудак, фанатик, – подумал тогда Хрущёв. – Плохо, что у нас так поставлено, что никого нельзя заменить. А я бы правил демократично».

Не зря, неверное, о Вознесенском ходил слух, что его боялись коллеги и старались обходить стороной его кабинет, поскольку он был на коротке с вождём и никто не знал, а только мог догадываться, о чём между ними проходили беседы...

– Ну, так чего притихли? – спросил Хрущёв. – Едем, или тут будем решать?

– Ко мне на дачу! – предложил вторично Берия. – У меня Семёна и близко нет. А вот Абакумов...

– Давай тогда по машинам, да чтобы хвоста не привели! А что Абакумов?

– А кто нас будет прослушивать? – вставил до этого молчавший Маленков. – Я им обоим не доверяю. Но Игнатьев нам ближе по духу. Кстати, Лаврентий, а хозяин думает, что ты Абакумову сочувствуешь по делу врачей?..

– Вздор! С Виктором я и близко не знаюсь. Ты же, Георгий, и ставил его, а ко мне впредь не подходи с такими подозрениями. Не я разгонял еврейский комитет, а ваш Игнатьев, когда Абакумова не было в Москве, – резко проговорил Берия, глаза его, если бы не очки, было бы видно, как огненно сверкали.

Когда не последовало ответа, Берия молча смерил всех колючим взглядом и пошагал, косолапя, к машине. Причём все трое послушно пошли следом, не глядя друг на друга.

«А чего ради он к нам клеится, сам хозяина боится, а клеится, не иначе будет ему на нас депеши клепать» – думал мрачно о Берии Хрущёв, садясь в правительственную машину, где уже сидел Булганин.

Глава десятая

Дача Берии, однако, никого не привлекала. В пути все отrekliсь от неё. И тогда Лаврентий Павлович повёз своих «соратников» в известный сегодня особняк на Малой Никитинской в центре Москвы, те это встретили обыкновенно. Его жена, Нино Теймуразовна Гегечкория, проживала тогда за городом, у сына Серго...

Этот особняк был большой, с множеством комнат и обширной территорией, который находился под круглосуточной охраной. В одной из комнат пребывала молодая домработница, одна из тех соискательниц «тёплого местечка». Через комнаты этой квартиры, как пишут некоторые историки, их прошло более двухсот, хотя точно не могли установить, сколько же на самом деле Лаврентий Павлович обесчестил, а потом по просьбе самых сговорчивых или по своей барственности, снисходительно находил им место работы в каком-нибудь престижном ведомстве... Причём о бериевском особняке до сих пор слышны зловещие легенды. А в его окрестностях даже находят якобы тайные захоронения тех женщин и девушек, которые не должны были знать, что происходило в его стенах, пока Берия жил в нём...

Однако сегодня находятся историки, которые очищают Берия, что не было у него столько женщин и вообще он не шпион, а душка и вовсе не злодей-душегуб, который мечтал исключительно о перестройке экономики и реформах...

Но вернёмся к той реальности. Одна из его соискательниц была выше среднего роста, с хорошей фигурой, миловидная, (а Берия был знаток женской красоты) Дарья Михайловна, в прошлом библиотекарь, а теперь его домоправительница.

– Найдите мне хорошую работу, – попросила она, когда Лаврентий Павлович спросил, что она ждёт от него, за доставленное ему удовольствие, какой милости?

Познакомился он с ней в библиотеке, когда выбирали книги по управлению экономикой при плановом производстве и распределении. И на его предложение – провести с ним вечер, Дарья Михайловна ответила согласием. Когда он за ней приехал к закрытию библиотеки, впрочем, стоял за углом, и она подошла, он открыл дверцу чёрной машины, спросил:

– Замужем?

– Да, ой, нет, была! – растерянно ответила женщина.

– Так замужем, или была? – уточнил Берия. И при этом так пронзительно и холодноглянул, что у неё по телу пробежали мурашки. Дарья Михайловна смутилась, покраснела, вспомнив со страхом, какой Берия занимал пост восемь лет. Она испугалась, что солгала. И тогда призналась, что замужем уже семь лет, у неё трое детей. А муж мастер строительно-ремонтного участка. Дарья Михайловна была импульсивная, заводная и такие люди, каким был Лаврентий Павлович, вызывали у неё огромное любопытство.

По Москве к тому же ходили слухи о его бесчисленных увлечениях женщинами, а у неё, влюбчивой, мужчины вызывали животный интерес. Но свой порок она скрывала от мужа, который был донельзя раздражительный, но при ней вёл себя покорно, так как любил её за неподдельное обаяние, чем она ловко умела управлять.

Когда Берия привёз к себе Дарью Михайловну, то первым делом отправил домой свою прежнюю домработницу – престарелую деву. Тогда такие ещё были в Москве. И Берия её не трогал из тех соображений, что не хотел, чтобы о нём думали дурно. Хотя вовсе не это его останавливало (ведь слухи всё равно ходили), а то, что домработница по своей натуре не испытывала к нему желания. Берия, это обстоятельство настолько злило, что он чуть было её не отправил в лагерь, как он не раз делал в отношении тех актрис, студенток, которые не разделяли его страсть и отказывали ему в своём расположении. Но в отношении домработницы от этого шага его удерживало одно: она умела хорошо готовить, убирать, содержала в идеальной чистоте огромный особняк и даже со вкусом обставила его комнаты. Правда, она не заходила на половину его жены Нино, которую видела редко...

Берия издавна считал себя эстетом, часто посещал театры. Из артисток у него перебивало тут довольно много, но далеко не все уступали его плотской страсти, за что изгонялись из театра или вообще бесследно исчезали...

Так что предшественницу Дарьи Михайловны Берия послал секретаршей к одному из своих заместителей, о котором та верноподданнически докладывала. Причём в бытность его наркомом НКВД Лаврентий Павлович из своих любовниц-ставленниц делал их осведомительницами.

Когда Дарья Михайловна попросила Берия в награду приискать ей приличную должность, Лаврентий Павлович, смеясь, сказал:

– Душечка-Дашечка, у меня дома уже три года заведует кухней, прачкой, уборкой одна старая мымра. Я её выгоню, а тебя поставлю. Хочешь?

– Ой, ну что вы, я так рада! А библиотека у вас есть?

– Не бойся, без книг не будешь сидеть! Я по твоим глазам вижу, сколько я буду тебе платить, так?

Дарья Михайловна подобострастно, трогательно волнуясь, кивнула.

– Вот и отлично, платить буду хорошо! А твоего мужа до прораба повышу. Он и не узнает, за что!

– Ой, спасибо! У нас три сына!.. – дала понять, чтобы их тоже обласкал вниманием...

И вот Дарья Михайловна не успела открыть дверь своему покровителю, как Берия с порога быстро скомандовал:

– Так, Дашута, можешь уходить до утра! К мужу поезжай! Командировка твоя пока закончилась. По детям соскучилась?

– А что с ними произошло?

– Поезжай! Тогда узнаешь. Ты слыхала, что тебе велено? Уматывай да живей! Мне ты сегодня не нужна!

– Мне надо собраться...

– Пулей, пулей! А то в лагерную пыль превращу!

Дарья Михайловна, суматошно переодеваясь для улицы, ничего другого не могла подумать, как то, что Лаврентий Павлович отказывается от неё в пользу новой любовницы. Хотя за два года её нахождения у него сколько раз бывало, когда он привозил сюда молодых девушек и женщин. И при ней развлекался с ними и даже заставлял их себя раздевать, не стыдясь ни любовниц, ни её. Однажды Лаврентий Павлович послал её на кремлёвскую квартиру Сталина к Валентине Истоминой передать той букет роз, с вложенной в него запиской.

– А меня не пропустит комендант Кремля, – сказала Дарья Михайловна.

– Ты скажи, от кого, и тогда он тебя пропустит, а тебе пропуск... свой, – Берия усмехнулся нагло, самоуверенно, глядя на растерянную женщину.

– Лаврентий Павлович, не посылайте. Не надо, я очень боюсь!

– Кого, меня? Или?.. Если я тебя посылаю, ты не должна бояться. А, что я тебе говорю: не должна помнить и тут же карошо забыть! Мы все стареем, и он тоже, ничего не узнает. Мне сказали, что его нет дома. А это мне говорят мои люди...

И Дарья Михайловна исполнила его прихоть, поехала на служебной машине Берии, водитель которого без слов последовал по указанному адресу. И просила Истомину дать ему письменный ответ...

Это было вскоре после того, как Берия провёл на Семипалатинском полигоне первое испытание атомной бомбы, подготовка которой к производству заняла всего четыре года от Потсдамской конференции, на которой Сталин узнал от президента США Гария Трумэна, что американцы уже создали мощное оружие и взорвали в пустыне в предместье Аламогодо...

В этот период Сталин представил Берии неограниченные полномочия с единственной целью: чтобы бомба была во что бы ни стало! И потому Л. П. Берия в государстве считался, чуть ли ни вторым после Сталина лицом. Хотя вторая роль по разработке нового оружия была вручена Г. М. Маленкову, и между ними велась негласная борьба, несмотря на то что Маленков тогда занимал пост первого заместителя председателя Правительства И. В. Сталина. Однако Маленков пытался ограничить влияние Берии на Сталина, выставляя того, чуть ли не врагом самого вождя. Сколько раз тогда личный секретарь Сталина А. Н. Поскрёбышев, понимая, для чего рвётся к хозяину Берия, сначала звонил Маленкову, чтобы пока тот его немедленно принял. Поскрёбышева Берия возненавидел ещё раньше того, как стал работать в наркомате госбезопасности. А когда стал наркомом, он пытался подорвать ему доверие со стороны Сталина, который говорил несколько иронично:

– Лаврентий, ох, и мнительный ты, как поработал на мусовитскую контрразведку. Мы тогда поверили тебе, что ты не запятнал доверие партии. Мы, думаешь, поверили товарищам Давуду Гуссейнову и Касуму Измайлову, а Мирза что-то писал о тебе невнятное. Но мы ему вразумили и подсказали, как надо верить своим партийцам. А что ты мне говоришь о Поскрёбышеве? Какой он шпион? Английский или сионистский? Не верю я!

– Я всегда был вам верен. Всем сердцем! Я не хочу, чтобы когда-нибудь ваше место заняли Маленков, Булганин, Хрущёв. Вы должны продолжать своё дело, и только вы, товарищ Сталин. Я вам это сколько уже твержу, только вы!

– Мы давно с тобой условились на «ты», а ты опять мне выкаешь? Но ничего... Кого ты назвал – не будут державой управлять, мне дороже них всех Вознесенский... – Сталин, сказав это, тут же зорко, пронизательно посмотрел на Берия, которому из всего окружения, что касалось захвата власти, не доверял ему первому. И потому пока не рассматривал его, как своего возможного преемника. Хотя, когда он думал об этом, у него душа мрачнела, так как не верил, что кто-нибудь из его окружения смог бы так же хорошо управлять страной, как он, великий Сталин! Но вслух при любом члене Политбюро он не мог так величать себя. И когда на партийных съездах, или пленумах, весь зал скандировал и исступлённо кричал: «Да здравствует великий вождь и учитель Сталин! – он выслушивал и пытался проникнуть в то, насколько эти возгласы были свободными, искренними, не по принуждению, и тогда поднимал кверху руку, чтобы зал затих. Но крики, возгласы и овации какое-то время ещё продолжались. Ему это не могло не льстить. Хотя Сталин понимал, что все эти возгласы, здравицы, слетали с их уст не столько из-за животного страха, а вполне искренне, они ему верили, что и впрямь проводит мудрую политику. Сознать это было и приятно, что он такой великий, и в то же время досадно, что сама по себе борьба за власть с обеих сторон сопровождалась страхом. Но кто мог подумать, что он, как и все, тоже их всех боялся.

Берия в любой момент мог позвонить Сталину. Но он знал, что даже верховная связь могла прослушиваться, и это знал на своём опыте, не только наркома госбезопасности, но и когда возглавил оборонный комплекс. Первым долгом необходимо было прослушивать всех специалистов от науки, начиная с младших научных сотрудников и заканчивая Курчатовым и Королёвым. Особенно Берия ненавидел П. Капицу, который не любил, чтобы его работу контролировали. Причём Капица по своей натуре был человек нерасторопный, отчего Берии казалось, что тот нарочно затягивает разработки, а значит, и вредит всему делу. За это и был арестован, хотя Сталин пытался сам разобраться, в свою очередь не доверяя, Берии, который мог всякую неудачу свалить на любого.

Лаврентий Павлович, даже не признаваясь себе, был тайно влюблён Валентину Истому – сестру-хозяйку Сталина. Хотя он, желая её подчинить себе, преследовал другую цель, а именно сделать ту не только своей любовницей, но и осведомительницей, как он поступал со всеми принуждёнными к сожительству женщинами. А точнее сказать, войти к ней в доверие настолько, чтобы она рассказывала ему о том, что говорит ей Сталин, о чём вождь беседует с высокими гостями? Берия лелеял наивную мечту прочитывать мысли хозяина. Хотя понимал, что это невозможно. Сталин не вёл никаких личных записей, тогда как Берия этим не гнушался, поскольку уже якобы найден его дневник. А какой он подлинный или подделанный решать экспертам...

Об устранении вождя Берия сначала думал про себя, потом стал рассуждать вслух о будущем страны с близким другом Г. Маленковым. А через него узнал о настроениях Булганина и Хрущёва. И даже иногда Каганович с Молотовым заглядывали наперёд, когда невольно думали, что никто на этом свете не вечен, и в том числе Сталин, который на одном из заседаний Политбюро заговорил о преемнике. И все знали, что это он сделал под хмурое настроение. Тогда его слова взволновали всех, и почти каждый в равной мере подумал также и о своём будущем, так как не мыслили себя вне власти. А преемник мог их отстранить в силу разных причин. И, затаив дыхание, все приготовились слушать Сталина. И единодушно пришли к мысли, что хозяин почувствовал приближение своего неминуемого конца, а значит, для них он тоже неминуем...

Но если ему пришла пора заявить о преемнике, то им до этого ещё далеко. Особенно это чувствовали, впрочем, верили в своё крепкое здоровье и Молотов, и Микоян, и Каганович. И, между прочим, как мы знаем, предчувствия их несколько не обманули, так как на десятилетия пережили Сталина. Но Каганович опасался ещё и о тех слухах, будто Вождь задумал ударить не только по «безродным космополитам», но и по еврейскому народу, который собирался выслать на Восток. Эта акция его пугала, сионистские круги связывались с ним через его внуков (а еврейская молодёжь больше старших опасалась этого и потому не молчала). Лазарь Моисеевич просил не паниковать, что слухам вредно верить, а между тем сам боялся, ведь был же недаром отстранён от Сталина. А это указывало, что надо немедленно помешать вождю провести акцию выселения евреев. Ведь, наверное, не зря и военные суетились...

И он позвонил Маленкову, чтобы связаться с Берией и тому, при тайной встрече, тихо сказал: «Надо что-то делать». Берия уставился в болезненные глаза Кагановича и увидел как тот настороженно и тревожно смотрел. Однако Лаврентий Павлович ни слова не произнёс, а только кивнул, как-то суежливо протянул тому руку и резко удалился. Действительно ли была эта встреча или нет, но на это указывают последовавшие обстоятельства. Нам необходимо поспешить к вождю и продолжить его выступление...

– Товарищи, когда-то я вам говорил, – начал чрезвычайно медленно развивать свою мысль Сталин, и по своему обыкновению степенно, – что придёт время, и надо будет говорить о преемнике. Я предлагаю выдвинуть такую личность, которая могла бы руководить государством, как минимум лет двадцать—двадцать пять. Теперь я предложу вам кандидатуру замечательную, хорошо вам известную, которая может и должна возглавить государство после меня,

как вы помните. Что я при этом должен сказать? Как это надо верно понимать? На высокий пост Ленин не предлагал мою кандидатуру. Кого угодно, но только не меня! И что мы сегодня видим? Если б не война, государство ещё бы лучше процветало. Мы всему миру диктуем политику. Значит, Ленин был неправ, отклоняя мою фигуру. Но он и не предложил никого, если не считать того, как он назвал Бухарина любимцем партии. Вот кого он подразумевал на своём месте! Но мы знаем, что из этого вышло. Бухарин расколол партию, создал политическую оппозицию нашему главному курсу. А я сейчас назову своего преемника. Он должен быть хорошо натаскан во всех государственных вопросах. И быть самостоятельным в своих решениях, но очень правильных. Я считаю таким человеком... – Сталин сделал паузу, обвёл всех спокойным взглядом, – Вознесенского, – прибавил он и продолжал: – Экономист он блестящий, государственную экономику знает хорошо, – при этом он коротко взглянул на Маленкова. – Я считаю, что лучше его кандидатуры у нас пока нет.

После выступления Сталина все молчали. А потом хозяин сказал, что больше никого не задерживает. Можно ли слова вождя о будущем преемнике считать сигналом для атаки на Вознесенского, которого боялась не одна четвёртка, а также и все те из аппаратчиков, кто в будущем опасался за свои кресла. Ведь знали заносчивый нрав председателя Госплана, как его особо ценил вождь и вполне мог на него полностью в будущем опираться и видеть в нём преемника. Вот потому они старались избегать с ним общения, так как мог любого из них погубить, зная его нетерпимость ко всякому роду нарушителям государственной дисциплины.

По этому вопросу безоговорочного доверия вождя председателю Госплана историки расходятся в своих мнениях, поскольку дальнейшие события показали, что Вознесенским Сталин не очень дорожил, если после некоторых колебаний всё-таки поверил в те обвинения, которые несколькими ударами уничтожили преемника. И не одного его, а ещё несколько человек во главе с А. А. Кузнецовым, а всего по стране по «ленинградскому делу» было казнено и посажено, как утверждают историки, около пяти тысяч человек...

Глава одиннадцатая

Антон Путилин в посёлок Новый пришёл под вечер, в середине мая. Фёдор Савельевич и Степан Курганов как раз гнали с пастбища колхозных коров. Антон, как старым знакомым, помахал пастухам приветственно рукой и уверенной проступью пошагал в посёлок по балке мимо каменки, где обычно новопоселенцы выламывали ракушечник под закладку фундаментов своих будущих жилищ.

Антон уже давно не писал своей троюродной сестре Анфисе Путилиной, с которой почти два года поддерживал переписку. Он может, и не писал бы ей, если бы его не интересовала Нина Зябликова. Почти в каждом письме Антона беспокоил единственный вопрос, встречается ли с кем-либо любимая им девушка, которая не выходила из головы даже когда в своих странствиях судьба связывала на короткое время со случайными женщинами, которые, однако, ему так самозабвенно не нравились, как Нина. Но уж такое мужское сердце, от скуки, от тоски, он всё равно вступал с ними в связь. А потом легко расставался. Некоторые, правда, пытались продолжить с ним отношения, но он боялся, как бы ни заставили его жениться из-за мнимой беременности, а то могли залететь вовсе не от него. И как намёк следовал, он тут же убегал от них, поскольку с такими знавался и раньше. А при мысли о несговорчивой Нине, у него так тоскливо становилось на сердце, что хотелось тотчас же умчаться на вокзал и уехать к ней немедленно. Но когда он вспоминал, что из-за неё и уехал, он тут же остывал. И тогда поневоле принимал чьё-либо предложение сообразить на троих, чтобы отвлечься от дум о несговорчивой девушке. Но хмель лишь ненадолго отвлекал его от душевного надлома. В такие моменты, он был рад любой женщине, чтобы только забыться от мыслей о Нине.

А дома, в уральской деревне, он подавно не мог оставаться долго, да и боялся, как бы его насильно не загнали в колхоз. Ведь такие случаи бывали, когда людей запугивали недоимками, невыходом трудодней, и за что грозились отдать под суд. Сестра Зина и брат Николай тоже ушли, когда открывался кирпичный завод недалеко от их села. А в колхозе, кроме матери и отца, работали также их другие сородичи. И тогда он решил уехать на Дальний Восток, там окончил курсы электромонтёра и стал на стройке работать дежурным электриком. Жил в рабочем общежитии, где проживало много бывших уголовников и не прекращались пьянки, возникали коллективные драки, и в ход даже пускали ножи. Кто-то из бывших ловил кого-то на воровстве денег и продуктов, но немало стычек происходило также из-за девушек и молодых женщин. Не раз бывало, когда и у Антона чуть ли не силой отбирали деньги, и однажды чуть было не поколотили из-за одной разбитной бабёнки...

Как-то Анфиса написала ему, что Нина уже перестала ходить в клуб. Впрочем, они обе только и знали одну колхозную работу. Хотя для них, перестарок, тут уже не находилось кавалеров. Правда, иногда посылали на коммунистические субботники в Новочеркасск или Ростов на постройку новых цехов для сборки комбайнов. Молодёжь туда собирали разную, бывалые парни набивались в краткосрочные женихи. Но Анфисе и Нине такие и даром были не нужны, тогда лучше совсем не выходить замуж. Хотя лично она на это уже не надеялась, зная свою неспособность понести ребёнка, из-за чего со своей долей уже давно смирилась. Хотя приличных молодых мужчин там было не очень много, а те, что объявлялись, оказывались жена-тыми...

И вот, узнав из письма Анфисы, что Нина всё ещё свободная, Антон сначала поехал к своим, а затем отправился на юг. В Новочеркасске он побывал на кирпичном заводе, где обещали его взять на работу. Правда, по специальности для него не нашлось места, ему предложили временно выгружать кирпич из обжигальных печей. Он дал согласие. И довольный, пошagal по старому ростовскому просёлку, который тут называли шляхом. «Нешто тут шляхтичи ходили? – думал он про себя, шагая по хорошо укатанной дороге, которая изобиловала множеством трещин. – Странно, что так называли дорогу».

Но скоро он отвлёкся от своих мыслей, увидев, как несколько женщин и мужчин в метрах двадцати от дороги высаживали молодые саженцы. Он шёл дальше по грунтовой дороге. И тут его взору открылся изрезанный балками широкий степной простор, где редко росли зелёные деревья или кусты. Зато травы стелились по буграм, увалам и ложбинам, как зелёные пышные ковры, и шли холмами колхозные поля, засеянные кукурузой и пшеницей. Одно поле заканчивалось перед высокими холмистыми увалами, которые круто сползали с бугров в балки. И в одном месте была отвесно срезанная гора в виде гребня, и он был схож с высоким караваем, срез которого желтел сухой глиной. Там с пронзительными свистами постоянно летали щуры, которые насверлили в глиняной стене нор и они напоминали пчелиные соты.

Справа в низинной дали живописной картинкой открывался посёлок Новый. Его единственную улицу посередине пересекала глубокая балка. А позади Антона открывалась окраина хутора Большой Мишкин. Два года назад по этой дороге он уходил с Афоней – внуком картёжной гадалки, о котором только сейчас вспомнил. Но чем ближе подходил к посёлку, который лежал среди зелёных холмистых полей, тем мысли бывшего фронтовика упирались в вопрос: как примет его Нина?

...И когда уже шагал по улице, Антон заметил, как в некоторых дворах по обе стороны балки стояли новые свежевыбеленные хаты. Впрочем, вся улица была нарядна и торжественна, точно посёлок подготовился к встречи с ним, Антоном. И от этого чувства у него на душе было необычайно радостно. И этот нарядный вид подворий ему как будто внушал, что встреча с Ниной обязательно состоится. Антон свернул на дамбу пруда, чтобы по ней перейти на ту сторону улицы, где жили Зябликовы.

В объёмном фанерном чемодане он привёз все свои пожитки. За изгородью из жердей жёлтой акации, под соломенной крышей стояла старая хата, в десяти метрах новая, а чуть от неё в стороне – сарай и курник. К этому часу солнце уже село, но весенние сумерки ещё не торопились накрыть все окрестности, которые ещё хорошо было видно, как они зазывно зеленели травами. И здесь, на улице, пышным ковром стелился спорыш, и островками росла молодая сизая полынь, которая источала горьковатый аромат.

Двор, кроме бедных строений, выглядел голым, сада ещё не было, хоть и негусто, земля уже там зеленела кустиками картошки и другими огородными культурами. Перед хатой в струнку стояли молодые акации, за те два года, которые он тут отсутствовал, они заметно подросли. На одном дереве, возле скворечника, сидел на стволе скворец и пощёлкивал чёрным клювом, точно с кем-то переговаривался. «Вот и я прилетел к своей скворушке, – подумал не без юмора Антон. – Как-то на этот раз меня встретит Нина? Ох, уж и гордячка! Разве нельзя вести себя по-простому?»

– Эй, хозяйка! – воскликнул бедово Антон, держась правой рукой за калитку из штакетника. Между сараем, курником и хатой он увидел мать Нины. Екатерина Власьевна ещё с прошлого раза оставила у него о себе хорошее мнение. И Антон сожалел, что её дочь была не такая покладистая, какой ему запомнилась мать. Иметь добрую тещу почитается за счастье. Нину он нигде не увидел. Наверно, была на колхозном телятнике.

Соседка Зябликовых, Прасковья Дмитрукова, откуда-то появилась на своём подворье и с интересом из-под ладони, приставленной ко лбу, смотрела на парня.

– А кого тебе надо? – спросила она, принимая его за чужого человека. У них уже поговаривали о случаях воровства коров, птицы, поросят. Председатель Корсаков грешил не только на залётных чужаков, но и подозревал кого-то из своих. А на собрании он всем дал понять, что если кто-то попадётся, тому не будет пощады.

– Молодую Зябликову, – не задумываясь, Антон ответил приподнято, даже резко, поставив чемодан не на землю, а на траву. – А в огороде, наверное, небось, то была мать, я не ошибся?

– Да, вона и есть, а тебе Нинка нужна? Моя Машка за ейного жониха вышла. А вона с носом осталась, – засмеялась Прасковья, которая враждовала с Зябликовыми из-за ничтожных случаев, но больше из-за кур, которые забредали на её огород. И однажды младшая дочь Брана запустила по ним палкой, перебив одной лапку...

– А что так? – спросил Антон, шагнув ко двору Дмитруковых.

– Да то самое, гордячка твоя Нинка. Алёшка разглядев её хорошо и к моей перешов. А вона, Нинка, топери в девках ходэ. В войну люди кажут, був у неё охфицерик, так не пришов апосля. На самолёте от него восточку получила, што женився. Вот таки дела у неё... Никому она не нужна, хотя на мордашку гарная...

Лживая критика соседки Нины Антону пришлось не по душе; ему казалось, что Прасковья, (хотя её имя он не помнил), пыталась внушить всю её никчёмность, чтобы и он, как и её зять Алёшка, отвернулся от Нины. «Нет, я не буду её слушать, – подумал Антон. – Лучше пойду к своим, а потом припожалую. Значит, Нинка была на своём телятнике». И с этими словами Антон поднял чемодан.

– Тётка, пойду, извини, некогда тебя слушать, – проговорил парень и пошёл на дорогу, при этом чувствуя, как женщина пристально смотрела на него. Но этим созерцанием она нисколько его не смущала...

Антон был чуть выше среднего роста, грудь выставлял несколько вперёд; он шагал быстро, поглядывая на ухоженные сельские дворы. От рождения он страдал некоторой близорукостью, любую работу, связанную с ремонтом электролиний или электрооборудования, Антон без очков уже не мог выполнять. И порой стеснялся их надевать, если кто-либо из девушек находился рядом. Антон был не худой и неполный. По улице уже степенно вышагали

коровы, издавая мычание, другие ещё щипали траву по краю балки и затем спускались вниз, к ручью. Раза два его перегораживали лопатами бабы и мужики, присланные молодым бригадиром Назаром Костылёвым. Но пруд, наполненный до краёв водой, простоял только до первого весеннего паводка. А потом талой водой, мчавшейся по балке, плотину разорвало, то же самое во второй раз произошло ранней весной. И сейчас, глядя вдаль балки, Антон видел следы прорванной плотины.

Несколько женщин шли с бригады, но ни одну Антон не знал, впрочем, кроме своих родственников да Нины и Герасима Клеймёнова. Так что по большому счёту он ещё ни с кем тут хорошо не познакомился. Они с любопытством посмотрели на поравнявшегося с ними парня и между собой заговорили о нём, гадая, к кому же приехал этот молодец?..

У Путилиных дома была невестка Ксения и Аглая, повязанная белой косынкой на тёмной с редкой сединой голове. Тётка сидела на лавочке перед двором и внимательно смотрела на того, кто с чемоданом в руке шагал по пыльной дороге.

– Здорово живёте, тётя Аглая! – подойдя к ней, воскликнул звонко приезжий.

– Ой, Антоша, ты, што ли объявился?! – возгласила удивлённо Аглая, всплеснув руками, быстро вставая. – А ну, давай живее рассказывай: что дома? Дядьку... Тараса моего случайно там не увидел? Ой, да куда там, вряд ли, – махнула обречённо она рукой, – небось, сгинул, это я так... всё надеюсь на чудо...

– Да, это я! – громогласно проговорил Антон, ставя на лавку чемодан. – Ух, как упарился, идти жарко, – он достал вышитый сестрой Зиной носовой платочек, который в старину именovali утиральником. Вытер лицо, лоб, шею, опять лицо и засунул обратно в карман брюк.

– Ты что, не услышал, что у тебя спросила? – она подошла к дальнему племяннику по мужу. Тарас и Захар были двоюродными братьями. Но отец Антона жил победней, и потому Тарас, бывало, стеснялся своего незажиточного брата, который рано приохотился к спиртному – ещё с тех пор, как его отец стал возчиком спирта. А ведь у богатого купца, получившего дворянское звание, он был приказчиком. Хотя в народном сознании так и остался купцом, выходцем из крестьян-промышленников...

Дед Антона рано спился, и в буквальном смысле, сгорел от спирта. Захар слыл безалаберным, матюгался при детях, а жену поколачивал; гулял от неё почти в открытую, а та, безответная, даже не могла об этом заикнуться. И вот его потомок снова стоял перед Аглаей. Антон слегка обнял тётку, быстро чмокнул в прохладную щёку. Аглая на вид была ещё крепкая, лицо красное с рыжеватыми под маленькими узковатыми глазами веснушками.

– А что ты спросила? – рассеянно переспросил племянник.

– Ты хоть был дома?

– А как же, всех повидал и к вам. Там скучно!

– Анфиса тебе писала, баяла, к океану уезжал?

– Хо-хо! Да когда это было! Два месяца после того с матерью и отцом жил. Зинка, моя сестра, такую ещё помнишь?

– А моих не видел? – напомнила Аглая.

– А, вот сейчас вспомнил! Вы угадали! Нет, из ваших и вашего... не видел. И никто про него ничего не говорил. Все молчат, знамо боятся...

– А ты жониться сюда приехал? – произнесла она по-уральски нараспев, ударяя на букву «о».

– Сестра на дорожку платок вышила, – Антон достал из кармана, и помахал им, как веером и опять спрятал. – Да, хотел бы, чтобы тут была невеста. Зинка мне переказала платок Нинке подарить и, мол, скажи, что от сестры. И тогда она пойдёт за меня. Это правда?

– А это как ты сумеешь...

– Гордея и Анфисы нет?

– Она на птичнике, Гордей на ферме от доярок молоко принимает. А Ксения с мальцом. Вот, я уже бабка... Ты-то как к нам, надолго?

– Я к Нинке по приглашению Анфисы. Она написала, что её подруга свободна, меня ждёт, – последнее Антон нарочно соврал, только бы тётка не думала, что он надолго у них поселится.

– Ты думаешь, такая гордячка за тебя пойдёт?

– А что нужно сделать, чтобы дала согласие?

– Веди себя примерно, с душой к ней и только без зелья!..

Антон сел на лавку и тупо молчал. А тётка научала его, каким образом это достигается...

Вечером, когда все собрались, устроили вечеринку. На этот раз, как уже было больше двух лет назад, Нину не стали звать. У Никона с Мартой было уже трое детей, и ходила четвёртым. В те годы молодые и не очень молодые бабы рожали почти каждый год, правда, иные через два-три года.

И Корсаков думал о строительстве вместительных детских ясель, так как бабы после родов тогда через месяц-другой уже должны были выходить на наряды. Мало что изменилось со времён крепостного права, когда бабы работали в поле до самых родов и рожали на снопах. Марта Путилина на току и родила под весовой. Хотели везти в город, да не успели – пришло рожать тут же. Да и Виктора Тенина Нюра родила дома, когда с поля пришагала на обед...

В тот вечер Анфиса, как её ни отговаривали, всё-таки пошла к Зябликовым, чтобы поговорить с Ниной. Хотя подвыпивший Антон набивался тоже пойти с ней. Но Гордей осадил его властным окриком:

– Не смей идти, а то перестану тебя уважать!

Антон остановился в растерянности, посмотрел, как уходила Анфиса, и перевёл недоумённый взгляд на троюродного брата, хотел что-то возразить да не нашёлся ответить тому достойно, опустил голову и вернулся, сел за стол. Гордей налил ему и себе, пока Ксения кормила ребёнка, а мать Аглая убирала со стола пустую посуду, покачивая головой, не желая вступать в разговор младшего сына. Хотя они пока молчали, потом выпили. Никона, быстро хмелевшего, увела домой Марта.

Анфиса была уверена, что на этот раз ей удастся уговорить подругу. Нина же от соседки Прасковьи уже знала о приезде Антона и то, как та беседовала с ним, как рьяно нахваливала парня, она думала, что Анфиса, будто с ней сговорилась.

– Не, не, Нина, хороший, красивый! Моя бы меньшая Бранка подошла ему, – говорила так, точно нарочно разжигала у неё честолюбие, и она невольно теперь думала, что с ней сговорились вовсе не Анфиса, а сам Антон, чтобы упоминанием своей дочери пробудить у Нины необузданную ревность.

– Вот и берите его себе, а мне, тётка Прасковья, такого не сватайте! Я и без него живу, – даже с затаённой обидой проговорила девушка, желая немедленно уйти от назойливой соседки. Прасковья стояла возле межевого забора, который прошлым летом поставил отец из плотно сплетённых жердей, чтобы куры не бегали во двор соседей.

– Нина, корова пришла, может, подоишь, а то у меня уже спина колом. Отец пошёл на огород за сорной травой, – пояснила мать.

Нина тотчас обрадовалась, что, наконец, сможет отвязаться от приставучей соседки. И она торопливо пошла в летнюю кухню, которую братья Виктор и Борис поставили два года назад из деревянных столбиков, брусков и жердей, обмазав с помощью сестры тонкие стены с двух сторон замесом из глины и соломы. И сами же сложили печь для выпечки хлеба, на ней варили и обеды. Младший теперь служил в железнодорожных войсках, возле океана, на краю самой большой страны. Нина взяла подойник, пополоскала его, и отправилась доить корову, которая отелилась в марте первым телком.

– Катя, а дочка твоя, ох и дюже сердитая! И чего она такая гордая, ведь парень гарный? – крикнула Прасковья.

– О каком парне вы говорите? – спросила Екатерина.

– А чи ты не знаешь, Антон с Вурала приехав, да тот самый, какой був уже у вас!

– Да вы бы её не задевали, не трогали, – спокойно ответила Екатерина. – Она сама разберётся в себе... – а про себя подумала: «Вот как, значит, Антон приехал, а мне она не сказала. Ну да, она же хвастаться не умеет. Да какое же для неё это хвастовство? И что я такое плету!» И в этот момент она опять почувствовала в самом низу живота острую боль. Она вдруг быстро проходила, а потом с промежутками повторялась. Но она думала, что подстыла. Хотя Фёдор уже сколько раз посылал её в больницу. Но она думала, что это всегда успеется, да и времени нет расхаживать по больницам. Фёдор же вслух нарочно, чтобы жена почувствовала его заботу, вспоминал свою мать, которая никогда не ходила по врачам, а как попала в больницу, испугалась и ушла. Если бы осталась, может, её смогли вылечить.

Когда пришла Анфиса, уже вечерело. Нина только что подоила в сарае при свете керосиновой лампы корову. А потом в кухне процеживала в алюминиевый бидончик, в котором они каждое утро носили в колхозную бригаду сдавать молоко в качестве налога. Чёрный молодой кот тёрся о её ноги с поднятым кверху трубой хвостом. Затем налила в консервную жестяную банку коту Мишке. Кот стал быстро лакать молоко. В это время из хаты вышел приодетый для улицы Борис, от него пахло тройным одеколоном. Он вошёл в кухню, взял со стола бидон с молоком, и стал было пить. Но Нина отняла у брата:

– Боря, ты чего, это же надо отнести в колхоз Гордею, а то ты не знаешь!

– Да я забываю, Нинок. Ну налей мне в кружку, – он осмотрел стол и не нашёл мелкой посуды. – Вот видишь, кружки нет, у нашей хозяйки так всегда...

– Не язви! Трудно принести, хочешь молока, так сходи, ты же не барин, а я тебе не прислуга. А выходит, что прислуга, стираю, глажу вам...

– Ладно, ладно, без твоих разговорчиков, уж схожу, – и брат пошёл за кружкой.

Когда Борис напился молока, вытерев губы носовым платком, он сказал:

– Нинок, там тебя Анфиска ожидает. Не слыхала, Антон приехал!

– Ой, да знаю. Лучше бы не напоминал...

– А что так? Он же герой, вся грудь в орденах и медалях. У наших фронтовиков ни у одного нет Ордена Славы! Ты это отметь для себя, гордиться будешь...

– И что ты понимаешь, герой-герой, а тут вот к нему ничего нет! – сказала сестра, указывая себе на сердце.

– Да лучше ты тут больше не найдёшь!

– Ох, ты какой, почему же Верку Куделину не выбрал, а ухватился за Мирку. И что у неё за имя?

– Она говорила, что это бабка наделила её и Лету древнерусскими именами. Это чтобы не забывали своих корней, чтобы традицию поддерживали. Ну ладно, я побегу...

Когда брат удалился, Нина под рукомойником вымыла с мылом руки, умыла лицо и только тогда вышла к Анфисе.

– Ты же знаешь, к нам Антон приехал, – напомнила та.

От подруги исходил запах самогона, щёки покраснелись. Лампа стояла в кухне на полке, пахло керосином и горячим фитилём, свет от неё падал на двор, где как раз стояли девушки.

– Да, мне сказала наша соседка, – вздохнув, ответила Нина.

– Ты только не бойся, он уже изменился. Стал серьёзный, стал важный.

– Зачем ты меня уговариваешь? Тебе его надо женить, а мне потом что делать?

– Да он хороший, правда! Самое главное, не драчливый. А что любит болтать, так это не большая беда.

Нина не ответила. В ней шла мучительная внутренняя борьба. Прошедшие годы со дня отъезда Антона нисколько не переменили её отношение к нему. Но она уже точно знала, что Дима Чистов никогда больше не вернётся. И тот давний о нём сон, говорил ей об этом же. Может, правда, Антон уже серьёзно взялся за ум, и ему пошли впрок её тогдашние наставления о том, как он должен перевоспитаться? И больше не выпал случай встретить такого человека, который бы был близок её понятиям о мужчине. А ей было так больно на душе оттого, что для неё годы проходили впустую, тогда как другие женщины рожали детей, тем самым исполняя отведённую им природой долю продолжательниц рода человеческого. Вот и её все подруги-ровесницы, кроме Анфисы, вышли замуж. А Нине, так хотелось иметь детей, что они ей даже снились. Нажить же от нелюбимого мужчины противилось всё её существо. Но выхода, похоже, не было, неужели должна покориться судьбе и принять предложение Антона? И тут она вспомнила сон, нет, не тот, а следующий, когда увидела Диму, и он, сказав – «не переживай, к тебе приедет другой» – вдруг пропал.

Нина тогда проснулась и плакала, противясь судьбе. А через какое-то время, быть может, пролетел год, как она увидела седого старца, который гладил её по голове и говорил как-то загадочно: «То будет так: он тебя увидит и скажет: ты мне наречена по велению божьему, ты родишь трёх сыновей, все они отмечены моей великой благодатью. Но одному я отвожу быть летописцем, нет, не моих деяний, а тех людей, у которых доля чужбинная, среди них и ты живёшь. Так не можно тебе, дочь моя, противиться указывающей длани моей, и где будет он, там и тебе быть. А то, что не любовью скрепишься с ним, что тут делать, коли в скрижалях небесных престола моего так совпали судьбы ваши...».

Когда Нина очнулась от сна, она и вспомнить не могла, что ей привиделось; казалось, она слышала голос, а слов не могла разобрать. А потом взглянула в святой угол, увидела икону, на которой был изображён Никола Угодник, а на другой – Богоматерь, на третьей Христос. «Какого же старца я видела?» И ей помимо воли думалось о Николе Угоднике – седовласом старце. Хотя он был на него не очень похож.

Но надо было собираться на работу, и о сне она скоро забыла. И вот, глядя на Анфису, она опять вспомнила сон, и ей почему-то стало страшно оттого, что должна подчиниться судьбе.

– Ладно, Анфиса, можно я подумаю ещё? – ответила она, спустя минуту.

– Подумай, подумай, конечно, и не беда, что ты его не любишь... Завтра мне скажешь о своём решении, а в воскресенье мы придём тебя сватать.

– Ой, да ты что, так скоро?! – всполошилась Нина. А потом вспомнила, как тётка Прасковья уже чуть ли была не готова отдать свою Бранку за «гарного парня». Её Бране уже стукнуло восемнадцать лет. Была она высокая, стройная, как и её сестра, Машка, но только несколько худей. Брана с впалыми щеками, голенастая, бедовая, быстрая в работе, могла запросто уцепиться за Антона. Да, парень был действительно хоть и с грубыми манерами, но внешне недурён собой. И почти лишённый застенчивости, к тому же, как говорила Анфиса, несколько мягкотелый, и такой мог вполне увлечься бедовой Браной, которая превосходно ладила с молодыми парнями. Но Антон был вовсе не юный мальчик, не первой молодости парень, хоть и прошёл войну, но уже выглядел зрелым мужчиной.

И потому, когда подруга хоть сейчас была готова её засватать, даже не дожидаясь воскресенья, Нина почувствовала себя точно перед казнью.

– А чего же мы будем год ждать, когда ты подумаешь и наконец, поймёшь, что от твоего Димки, извини, один прах остался, а ты себя заживо хоронишь?

– И что ты его трогаешь? Я и без тебя это знаю. Но не хочу так быстро, что тогда обо мне люди подумают?

– Поверь: ничего, да ещё позавидуют! Так что я пошла, а завтра к тебе на телятник приду за готовым ответом...

– Да, конечно, – Нина покачала головой, закрыла лицо ладонями. Она сейчас чувствовала, как душа от неизбежного – уходила в пятки, а потом вобрала полную грудь воздуха и выдохнула. От балки сейчас потянуло запахами молодой полыни, чабреца, шалфея. И эти молодые ароматы трав так освежающе на неё подействовали, точно её окатило живительным бальзамом, что невольно подумалось, будто это её так погладил по щекам тот старец из сновидения. Нина тут же отстранила от лица руки, но Анфисы рядом уже не было, она даже не слышала её удалявшиеся шаги. По её губам пробежала улыбка смирения и покорности судьбе...

Глава двенадцатая

Быстротечно летели весенние дни, наступило долгожданное для молодых лето. Так уж получилось не Нина и Антон обручились, а Мира в середине июля расписалась с Борисом в Хотунском сельсовете. А в фотоателье в центре города снялись на память во весь рост. На невесте было белое подвенечное платье до пят, на голове фата, Борис был в чёрном костюме. Заработал он денег на стройках – себе на костюм – невесте на свадебное платье. Правда, только обручальные колечки были из рондоля, похожего на золото.

Свадьбу же сыграли дома в хате Зябликовых, пригласили только соседей Дмитруковых да Волосковых да родню Гревцевых, причём оказалось, что мать Ефима Борецкого Фатеевна (так её звали все) приходилась Анисье двоюродной сестрой. Так что присутствовали полнотелая Фатеевна, Ефим с женой Наташей, которые поженились ещё весной того же года. По-хорошему надо бы было пригласить и Жерновых – Павла Ефимовича, Марфу Никитичну, Алексея, Марию и Настю. Так думала Екатерина Власьева, но Фёдор Савельевич, как и ожидала она, этому воспротивился. Надо было бы его переубедить, что пора бы уже простить бывшему председателю все обиды как того велит христианство, но она боялась его гнева.

О беременности невесты сына узнала не без стыда от самой свахи Анисьи, что, собственно и ускорило свадьбу. А тут ещё два месяца назад была засватана Антоном Нина. Хотели было сыграть им свадьбу, но обстоятельства неожиданно изменились. И пришлось обручение дочери отложить из-за сына. На его свадьбе вместе с Ниной присутствовал и Антон. У Нины за проданное на рынке молоко скопились кое-какие сбережения, да и отец давал на приданое по три рубля из своей пенсии инвалида войны. На эти деньги она собиралась справиться свадебное платье, так как у её будущего мужа денег было немного. Хотя бы хватило на свадебный вечер, но она не хотела шумного гулянья. И вот, находясь в таком настроении, Нина большую часть своего сбережения подарила молодожёнам.

Как ни странно, она осталась весьма довольная неожиданной женитьбой брата. Ведь теперь каждую субботу ей не нужно будет стирать его вещи. Обычно после недельного пребывания в Ростове или Новочеркасске на стройке, Борис привозил сумку грязного белья. А потом гладила его рубашки и брюки, для чего растапливала печь, и даже чистила кремом туфли. И все её заботы Борис воспринимал как должное, будто не он, а она была обязана ухаживать за ним. Но после того, как однажды ещё в войну Нина отчитала братьев за то, что не помогают ни ей, ни матери, она ни разу не упрекнула их серьёзно и не отказывала в стирке. Правда, только однажды слегка пожурила брата, но не пожаловалась матери, что так долго не должно продолжаться: она ему не прислуга и не домработница. Ведь в нашей стране между мужчиной и женщиной провозглашено равноправие. Причём Нине уже приходилось стирать вещи отца и матери в тех случаях, когда у неё вдруг открывалось кровотечение, которое иногда сопровождалось внутренними болями. Екатерина всё собиралась побывать у женского врача. Но посещение всё откладывала и откладывала, поскольку боли и кровотечения проходили сами собой. Правда, она собирала кровоостанавливающие травы и делала из них отвары, а также из крапивы, чабреца, которые бывало, ещё на родине использовала от хворей её мать, Мария Григорьевна...

Но в день свадьбы сына Екатерина забыла о своём недуге. Торжество новобрачных прошло весьма весело. Во дворе поставили столы, которые собрали по соседям. Анистья Гревцева с дочерьми принесла свои. Её старшая дочь Нера год назад вышла замуж за Нила Материна, который год назад отслужил армию и был родом из станицы Грушевской. У них недавно родилась дочь Тоня. Нера была бедовая, любила смеяться, почему-то всякий потешный и даже не потешный случай у неё вызывал безудержный смех. А вот её муж, худощавый, жилистый, иногда выглядел задумчивым. Но и он тоже был не прочь пошутить, правда, сдержанно, точно чего-то боялся. На свадьбе зять поддерживал баб плясовой и пением. И пытался заводить старинные казачьи песни, ему аккомпанировал Леонид Кибиров, который хоть и был татарин, но отлично исполнял на гармошке русские наигрыши, частушки, страдания, старинные думные песни, что делало его русским человеком.

В последнее время Анистья работала со своими дочерьми в овощной бригаде Екатерины. Огородные земли находились за рекой Тузлов, они простирались по равнине почти рядом с хутором Татарка. Ни них выращивали помидоры, капусту, лук, чеснок, свеклу, морковь и другие овощи, пряные приправы пастернак, петрушку. Население хутора также работало в колхозе имени Кирова, но, правда, далеко не всё. Ещё в довоенное время немало ушло на строительство заводов, городских домов, а теперь они трудились на производстве: одни на Паровозостроительном заводе, где после войны, после восстановления уничтоженных немцами цехов, произошёл перевод сразу на производство электровозов. И даже говорили, что через три года уже начали сборку первых электровозов, другие строили первую железнодорожную линию для городского трамвая, третьи жильё, четвёртые новые промышленные цеха.

Леонид Кибиров выучился на тракториста и освоил профессию экскаваторщика. В колхозе, кое-как окончив семилетку, парень принял новый трактор. Он пахал, боронил, культивировал и даже поливал плантации огородной бригады.

Здесь он и заметил среднюю дочь Анисьи Лету, которая была, как и старшая, бедовая, острая на язык. Лета была выше среднего роста, с пухленькими щёчками, серо-голубыми глазами, светло-русыми волосами, и была до того очень милая, что тотчас запала ему в душу. Кибиров по отцу был наполовину татарин, мать русская, рослая женщина несколько медлительная. Муртаз Кибиров до коллективизации разводил лошадей и овец, а потом совместно с Корнеем Свербиным, который яростно сопротивлялся вступать в колхоз. Кибиров его поддерживал, за это их обоих, как зачинщиков бунта, арестовали и увезли в неведомом направлении, но не тронули их семьи. Однако жена Корнея Татьяна, страдавшая сердечной болезнью, неожиданно умерла, так как не выдержала разорения и ареста мужа. Семья же Муртаза Кибирова – сын и две дочери и жена Авелина вступили в колхоз и делали всё то, что от них требовала колхозная власть.

И вот на свадьбе сестры своей невесты Леонид, как мы уже упоминали, рьяно играл на гармошке, Лета перед ним бедово отплясывала барыню. В шутку она почему-то называла жениха муллой, впрочем, может, потому, что он иногда неловко с запинками выговаривал слова.

– Ну, вот подумайте, разве можно что-то понять, какие звуки произносит мулла? – бывало, забавно смеясь, говорила сёстрам Лета и те тоже задорно смеялись. Но вряд ли они точно знали, что мулла – это мусульманский священник, тогда как Леонид ровным счётом не имел ясного понятия ни об одной религии. Впрочем, молодёжь того времени, обучаясь в школе, уже впитывала в сознание материалистическое объяснение мира. Поэтому Леониду не подходило прозвище муллы. Но в обывательском понимании мулла означало смешивание русской и татарской крови. Но что конкретно имела в виду Лета, называя жениха этим словом даже в глаза, она уклонялась от ответа, а то и грубовато отшучивалась:

– Катитесь вы от меня со своими расспросами: мулла он и есть мулла, да ещё и проклятый мулла, потому что татарин! – и девушка покатывалась в смехе, но тут же умолкала. Её

охватывала печаль, на глаза выкатывались слёзы и застывали на ресницах. И вид её был таким жалким, что она казалась мумией, но что с ней происходило, девушка не поясняла. И они только догадывались, что у Леты большое горе. Но сёстры и мать, видя, что она отказывалась отвечать, отстали от неё с надеждой, что придёт день она сама признается...

К Лете же дошёл слух, будто у Леонида, ещё до знакомства с нею, была зазноба. Он склонял её к близости, но она отказывалась, так как твёрдо усвоила, что до свадьбы нельзя вступать в постельные отношения. Видя такое дело, он уходил к своей прежней зазнобе, так как та была доступней. Но такая жена ему была не нужна. И он снова возвращался к Лете, и как та не допытывалась, кто её соперница, как зовут, ухажёр лишь бурчал в ответ что-то невнятное.

– Ну, вот скажи, Лёня, как тебя не обзывать муллой? – возмущалась яростно Лета. – Ты и есть мулла, что-то мусолишь в своей башке татарской.

– А ты не обзывайся! И учти, у меня ты не единственная лапушка, – возвышал тон Кибиров. – Если будешь татаринком обзывать, я тебя брошу. Скоро уйду в армию, и тогда пиши – пропало, – грозился он всерьёз, краснея.

– Может, к ней уйдёшь?

– Да у меня никого уже нет давно! Но ты так пристаёшь, донимаешь, что недолго завести другую...

– Ух, кавалер, для всех нарасхват! А ты знаешь, что я уже по твоей вине залетела? Ты же говорил, что тебе не даю, я уступила, и к чему это привело?

– Да ты что, правда? – протянул Леонид густым глуховатым голосом.

– Правда, Лёничка, я же люблю тебя, – нежно произнесла она.

– Меня осенью в армию призовут, а если не заберут, мы поженимся, – заверил жених, притягивая её к себе. – А у тебя, кроме меня, больше никого не было? – осторожно спросил он.

– За кого ты меня принимаешь? Как ты смеешь меня подозревать! – донельзя возмущённая, она сильно оттолкнула его от себя. – Думаешь, если у тебя, кроме меня кто-то был, то и я такая же? Проклятый ты мулла...

– Нет, нет, Летушка! – с нежной трепетностью забасил парень. – Я это в шутку спросил.

– Ох, как плохо ты думаешь, как ты больно делаешь мне, как ты вообще смеешь так дурно думать обо мне? – сердито проговорила девушка.

– А почему у вас такие необычные имена?

– Наш отец так захотел. У него была книжка древних имён. И в том именнике он выбрал нам имена. Древние славяно-русские имена самые настоящие. А потом, когда пришло на Русь христианство, русским детям стали давать имена святых апостолов – Иван, Тимофей, Пётр, Николай. Их много – христианских и греческих имён перешло к русским. Именослов, святослов. Так что в своём имени я не вижу ничего странного, оно чисто русское... а сейчас, говорят, и еврейские имена вошли в обиход, да и русские стали еврейскими на их лад...

– Ты тоже прочитала эту книгу, как твой отец? И в Бога веришь?

– Мой отец был верующим. А что, мать и сейчас бережёт Библию. Я прочитала её...

– Да, старые люди все религиозные. А мне, что Коран, что Библия – всё равно. Я их не понимаю. Мой отец читал Коран, а толку, упекли на край света. И твой батя в пекле войны сгинул. Не спас боженька...

– Это не его вина, а сатаны. Он ему не подчиняется, в его воинство не вошёл и погиб в своей вере...

Леонид только покачал головой, продолжать бесполезный разговор у него не было желания, так как он был не в состоянии постичь смысл хоть христианской, хоть мусульманской веры. К тому же, как он слышал, Аллах не допускает мусульманам брать в жёны женщину другой веры. Отец же Муртаз Хафизович Кибиров преступил свою веру, взяв в жёны девушку чужой веры. Его мать Алевтина не отреклась же от христианства, оставшись православной. Когда они поженились, во всю уже было распространено гонение против всех религий... Выхо-

дило, что любовь превосходила религиозное сознание, идеология позволяла межнациональные браки...

Но Леонид воспринимал эти понятия довольно смутно. Для него было главное, что в стране продолжалась борьба, изживание суеверий, освобождение от «церковного мракобесия». И эта искусственно созданная антирелигиозная среда сильно влияла на обыденное сознание людей и чтобы свободно вступать в браки, было необязательно менять веру и креститься в другую. Но Леонид не считал себя мусульманином, хотя принадлежал по линии отца к этому некогда могущественному кочевому народу, принявшему в далёкие века мусульманство, отказавшись, как и другие народы, от своей языческой веры. Но теперь все народы навсегда избавлены от религиозного заблуждения.

После свадьбы Миры и Бориса всей роднёй принялись строить молодым хату на краю посёлка. В этом участвовал и Кибиров, который уже точно знал, что осенью женится на Лете. Когда о её беременности узнала Акси́нья, она перекрестилась и заговорила:

– Да что же вы, чертовки, меня все позорите? Нельзя было до свадьбы подождать, да когда же было такое? Ах, ты, подумай! Вот к какой распущенности приводит безбожие! А ты Лёньке-то говорила?

– Сказала ещё во время свадьбы Мирки, – потупив взгляд, ответила дочь.

– Чтобы люди не узнали? Ославили все меня! – она хлопнула себя по бёдрам обеими руками. – Господи, прости меня и моих дурочек! Они по обману бесовскому от тебя откололись. Сколько же будет длиться власть антихриста?

– Да хватит, тебе, мать! А то Марья Овечкина узнает, что ты Богу молишься...

– И что тогда будет? А ничего! Бог он всё видит. И как Марья узнает, ежели мы в хате?

– Да на улице проговоришься!

– Сиди, не умничай, непутёвая! Ох, господи, и что я наговариваю на неё? – Ани́сья троекратно перекрестилась. – А Нерка приходила, – заговорила вновь, – со свекровкой не ладит, язык-то у Нерки что помело – нет никакого удержу.

– Пойду, соберу на огороде помидоры, – сказала, чтобы только отвязаться от матери.

– Уж ступай себе! – бросила мать. – Нет, постой! А свадьбу когда играть собираетесь?

– Осенью, скорее всего – в сентябре.

– А сёдни что? – сосчитала на пальцах. – Вот: через две недели! А ты же говорила – твой мулла спешит уйти в армию? А я что тебе баяла: удрать хочет от тебя... Ну да, ты же с животом, теперь не отвертится. Вот что: надо бы расписаться до свадьбы! А то вспучится живот, тогда люди сразу заподозрят.

– Мам, так Лёнька сам хочет осенью...

– А расписаться – одно другому не мешает. Зови его ко мне. Я ему быстро мозги прочищу! Юбку задирать – мастер? Я ему задам перцу в одно место, – Ани́сья с несколько вытянутым лицом, с опущенными в уголках тонкими губами, морщинистая, загорелая, с тёмными, гладко зачёсанными с проседью волосами, сейчас без платочка, в ситцевой с мелкими цветочками блузке и длинной почти до пят серой юбке, раскраснелась от волнения.

Однако, как того хотела Ани́сья, не получилось, так как Леонид уехал на курсы шофёров, и в городе пробыл больше месяца, когда уже заваяло первыми запахами осени. А потом начались затяжные дожди. Уборка в овощной бригаде пошла насмарку.

Лета как-то пришла в слезах, сказав матери, что Леонида через неделю забирают в армию, и они не успеют расписаться.

– Ой, да что ж ты плачешь, да за это время можно в Москву и обратно приехать, – сказала Ани́сья в сердцах. – Этот твой мулла что-то мудрит. Но я ему помудрю!

– Мам, не надо, я сама его уговорю.

– Я вижу, как он водит тебя за нос! Вот как связываться с татарами...

– Он мулла, а не татарин.

– Выходит, ещё хуже...

И Анисья оказалась права, Леонид до армии не стал расписываться, боясь, что она сама его не дожждётся.

– Может, ты не беременная, – сказал он. – Вот так же, как было у моего друга, нагло женила на себе?..

– А я похожа на обманщицу? Уходи от меня, аборт не сделаю – рожу, ты мне не нужен! – Лета быстро пошла от кавалера, её душили слёзы, обида. Что она теперь скажет матери?

Анисья, узнав, что дочь поссорилась с женихом, решила свезти её в станицу. У старшей дочери она недавно поинтересовалась, есть ли у них в станице Грушевской умелица избавлять от плода чрев? Нера обещала разузнать у станичных баб. Оказывается, по божеским понятиям повитухи только принимают роды, но не удаляют зачатый плод, на что не каждая откликнется. Но есть же повитухи наоборот, такие, как у них Чередничиха? Но к ней Аксинья не думала соваться. А то разнесётся по всей округе лживый слух, что дочь её брошена женихом, а это приравнивается к бесчестию и позору. А в Грушевскую можно – станица большая. И она нашла умелицу, а когда по возвращении из станицы с этой новостью подступилась к дочери, то та на неё замахала руками:

– Уйди, мамка, ты в Бога веришь, а мне такое советуешь? – удивилась в страхе та.

– Дак я знаю, что это грех большой, но я не могу взвалить на себя твой грех. Тебя надо спасти от позора, или чтобы люди узнали, какие вы у меня бесстыдницы? – Аксинья хлопнула себя по бёдрам и с надрывом вздохнула, осознавая всю меру того, что ждало её вместе с дочерью впереди.

– Не беспокойтесь, мамка, буду рожать! Я к его матке пойду и всё объясню...

– И что, она тебя сама в невестки возьмёт? – крикнула отчаянно Аксинья. – И не надейся!..

Алевтина была высокая, но полная. В колхозной бригаде она работала кладовщицей, принимала и отпускала овощи, злаковые. На ней числилась вся материальная часть, и потому Алевтина отвечала за все строения: сараи, амбары, фермы, весовую как в самом хуторе, так и в Хотунке, куда ездила на двуколке, в которую еле-еле влезала и с трудом выбиралась из неё на землю. Она слыхала о дружбе сына с девушкой из степного посёлка. И когда Лета призналась, что беременна, Алевтина спросила:

– И что ты хочешь мне ребёнка отдать? Ты уверена, что отец его мой Лёнька?

– Вы говорите, как и он... – резко проговорила Лета. – У меня других женихов, кроме него, не было! – с обидой вырвалось у пока не состоявшейся невестки.

– А чего он тебя на проводы не позвал? Тебе не кажется это странным? – жёстко спросила она.

– Мы поругались, я ушла, не могла терпеть наговор, будто я от другого нагуляла? На моём месте это ни одной бы не понравилось...

– Ай-я-ай, я спрашивала о тебе, а он рукой махнул. Что это значит?

– Да ничего, он как мулл, объяснять не может...

– И что ты от меня хочешь?

– Я буду рожать, а вы должны увидеть, что ребёнок его. Мать заставляет сделать аборт, а я не хочу...

– Как же я пойму, что от него? – Алевтина вытаращила серые, несколько навывкате глаза, которые чуть ли не выскакивали из орбит от страшного удивления, и хлопнула деланно в ладоши. То, что Лета ей заявляла, она, конечно, понимала. Ребёнок, который родится, должен быть похож на сына. Это можно увидеть почти безошибочно по каким-то особенностям склада лица новорождённого. У Лёньки крупное лицо, скулы торчат, глаза большие, выразительные, губы пухлые, широкие.

– Вы должны мне верить как своему сыну, – жёстко проговорила Лета.

– Лёньке? Да как ему верить, когда он врун, или ничего не говорит? – вскрикнула она.
– Да? Зато я не вру...
– А что же ты, знала, что ему идти в армию, а уступила? Нешто так сильно любила?
– Вот именно! Я не гулящая. Он обещал жениться, в любви верной клялся, я и повила, – Лета заплакала и сквозь слёзы, запинаясь от волнения, продолжала: – Мать боится моего позора, на аборт посылает, а я не хочу. Это же, как можно допустить, это ведь тоже грех?
– И что, я тогда должна тебя с ребёнком принять и скрыть твой позор? Я так тебя поняла? Лета быстро-быстро закивала головой.
– Лёня был на курсах шофёра, а если бы не послали, мы бы поженились. Он вам и этого не говорил?
– Ты думаешь, парни с матерями советуются перед тем, как испортить какую-нибудь девку? – Алевтина зычно, чуть ли не с вызовом засмеялась и тут же вспомнила, что у самой с Муртазом была почти схожая история. Но в отличие от сына, его отец обрадовался её беременности и привёл её к своим родителям и они согласились принять в свой дом её, русскую девушку...
– Я ни какая-нибудь гулящая, а честная девушка! – отрезала Лета. – И не знаю, как это произошло... – она понимала, что лукавила, но другого выхода не видела.
– Ладно, верю. Можешь жить у меня, места теперь много... А с твоей маткой мы, думаю, столкнемся...

И таким образом стала Лета жить в доме своей будущей свекрови. Анисья встретила эту новость положительно, дескать, теперь не будут болтать, что дочка нагуляла, сама не зная от кого. Лета только прибавила для убедительности, что Алевтине с дороги прислал письмо Лёнька, он упросил мать принять Лету на время его службы в армии. Если до войны солдаты служили два года, то теперь уже три. Увеличение срока срочной службы объяснялось приходом в армию нового вооружения, на освоение которого два года было уже недостаточно.

Анисья же, как и всякая грешная баба, распустила слух, будто её среднюю дочь послали на какие-то курсы...

Глава тринадцатая

Вслед за братом Борисом, который стал жить отдельно в построенной хате, поздней осенью Зябликовы выдали замуж Нину за Антона Путилина. На свадьбе были все здешние родственники Антона. Тётка Аглая, Анфиса, Гордей и Никон с жёнами и детьми, братья Нины, Виктор, Борис с женой, сваха Анисья, да все её дочери. Лета, будучи на сносях, пришла одна, так как Леонид служил в армии, были приглашены также и соседи Волосковы и Дмитруковы. Так что свадьба получилась людная, на гармошке играл Гриша Пирогов. А при нём неотлучно была жена Глаша, которая ревностно посматривала на Анфису. Но та вела себя очень достойно. Хотели пригласить Дрона Овечкина, но Нина воспротивилась. Закусок на двух столах в зале хватало разных: и мясо куриное с картошкой, и котлеты из свинины, купленной на базаре, и помидор, и огурцов солёных, и капусты квашённой, и салатов овощных, и колбас двух сортов. Так что наелись, напились самогона и браги, наплясались, напелись частушек и страданий...

На второй день свадьбы пришли только братья Антона да Борис с Мирой. Анисья сказалась больной. Агния присматривала за детьми, а невестки не смогли быть потому, что доили в колхозе коров. А со своими подменщицами договаривались только на один день...

После свадьбы от своих родственников Антон был принят в зятя. Он писал своим, что скоро женится, просил приехать. Но его мать, отец, брат, сестра не смогли из-за трудного материального положения. Но Антон на них не обиделся. А если и обижался, то любил отговариваться: «На обиженных воду возят».

Гордей предлагал ему присматривать за колхозной подстанцией. Но он оказался не таким уж простачком: работать в колхозе электромонтёром отказался, хотя ему предлагали сообща построить хату. Да и электричества в степной бригаде колхоза имени Кирова, кроме дизельной подстанции, проведено ещё не было. Зато на току ленточные транспортёры, веятельные агрегаты, освещение тока и всех колхозных служб по-прежнему снабжались дизельной подстанцией. Но теперь стояла новая, так как старую в войну испортили немцы...

Глядя на то, как она тарахтела, бабы иногда в сердцах бросали:

– Да чтобы она проклятая сгорела! – говорила Ангелина Кораблёва.

– И ты чёго совсем сдурела? – вскидывалась в оторопи на неё Прасковья Дмитрукова. – А як же мы будэмо робыць без механизмов?

– Ничего, лопаты ещё не отменили, а то наше начальство никогда не проведёт в хаты электричество! – отвечала та, не зная правильного произношения мудрёного слова.

– Вот это верно Ангелина подметила, – поддержала Авдотья Треухова. – У Катьки Зябликовой, говорят, зять электрик, вот бы нам и провёл в хаты провода, по которым ба свет побежал.

– А мой, вы что, не видите, кем работает, он в армии служил электриком, – подхватила не без зависти Дарина Шкарина, она была обидчива, самолюбива, заносчива и не хотела, чтобы какой-то придурковатый уралец стал нарасхват. А её мужика как будто в колхозе нет. Остап Шкарин стал подменять Касьяна Глаукина с того дня, как тот зачастил болеть. И Дарина просила Корсакова, чтобы Остапа утвердил из подменщика в постоянного электромеханика. Корсаков не обещал, но его жену успокаивал.

– Дара, как ты так можешь, Касьян ещё, слава богу, живой, а ты его уже будто хоронишь?! Вот начнём электричество тянуть в посёлок, тогда и ему будет работы, что только успевай бегать от двора ко двору.

– Да когда оно придёт, обещать мы все умеем! – махнула рукой женщина, которая поражала своей настырностью хлопотать за мужа, который не собирался вертеться перед бригадиром. Но и жену не осаживал, будто и не слышал, как жена бьётся за него.

И выходило, что Антону Путилину в колхозе работа по специальности не находилась, чем, он собственно, остался доволен, так как ещё задолго до свадьбы облюбовал кирпичный завод, где ему как обещали, так и дали место электромонтёра. С лета он уже работал в городе, решив заработать денег на свадьбу. И после смены по два часа ещё выгружал из обжигальной печи на склад кирпич. А на колхозной дизельной электроподстанции в смену дежурило по одному человеку. Антон как-то разговорился с Остапом и предложил тому уйти на кирпичный завод.

– Ну да, я пойду, а ты на моё место? – сказал Шкарин. – Я слышал, как твой братец с председателем о тебе разговаривали.

– А я им всем сказал: Нинке, теще, тестю и своим, что в колхозе работать не буду! – воскликнул Антон. – Хо-хо, напрасно ты меня заподозрил, что я сяду на твоё место. Чем меньше в колхозе людей, тем он быстрее развалится...

– Ух, ты даёшь, как враг народа рассуждаешь! – воскликнул Остап. – Давай лучше сообразим, ты же на кирпиче деньги зашибаешь, а мне копейки платят да зерном на трудодень.

– А что, я тебя поить должен? Давай, схожу к Фролу, если долг отдашь?

– Да откуда ж у меня деньги? Вот станем с тобой проводить жителям электричество, так и отдам...

– Хо-хо! Когда это будет? – он махнул рукой и ушёл, оставив того ни с чем.

На заводе Антон работал по неделе – смену в первую, смену во вторую и смену в третью. В утреннюю надо было вставать в шесть часов утра, чтобы позавтракать и пешком протопать в один конец семь километров. Скоро он понял, что так долго не находишься, за дорогу терял много сил. Антон написал в профком заявление, чтобы поставили в очередь на получение

квартиры. Однако своё жильё завод почему-то строил не очень активно. Один дом возводил три года. Поэтому ему не обещали дать быстро квартиру. На первый случай хотя бы в общежитии выделили комнату...

Окраина города была изрыта глубокими карьерами, из которых экскаваторами черпали глину на поделку кирпича. Когда Антон шёл на работу, его путь пролегал мимо этих карьеров, которые этакими горными ущельями походили к дачам, где уже заканчивали выработку глины. Самосвалы, поднимая клубы жёлтой пыли, съезжали в карьер по крутому спуску и потом крались по дну, объезжая, как по лабиринту, островки-перемычки и следовали дальше...

Придя с работы из первой смены, Антон ужинал тем, что находил на кухне сам, так как в летнее время никого не было дома. Екатерина в огородной бригаде, куда женщин доставляли на грузовике приспособленном к перевозке людей. А было время, когда в хутор Татарка ездили на быках или лошадях, запряжённых в возилки и брички. Обыкновенно для этого отряжался перевозчик, которым одно время был Пантелей Костылёв, а после его смерти им стал Никита Осташкин, затем Паня Рябинин. А теперь на грузовике в овощную возил Иван Глаукин...

Нина в паре со Стешей Утериной вот уже который год работала на телятнике. Иногда на подмену её посылали на свинарник. Но эта работа ей не нравилась, так как свиньи не вызывали такого умиления, как телята. У неё ни разу не возникало желание перебраться в город на постоянное жительство, поскольку не мыслила своей жизни без природы. Антон как-то сказал с чувством сожаления, что если бы она работала вместе с ним на заводе, то ему бы быстрее дали жильё, и тогда бы они жили в городе. Нина же и думать об этом не хотела, поскольку она боялась городской жизни, где она никого не знает.

– Познакомиться недолго! – отрезал муж.

– Это легко тебе сказать, ты у нас весь свет исколесил, а я не такая.

– Я не по своей воле! – крикнул он. – Это ты меня вынудила, ты не захотела замуж идти...

– Как хорошо было, когда одна жила, – грустно призналась она и тотчас вспомнила Диму Чистова, который говорил, что она предназначена для другой жизни, что она должна учиться. «Вот с ним я была готова уехать хоть на край света, а этот мне неродной, – думала она про себя и слышала в себе чей-то голос: «Ничего, скоро станет родным, уже ничего не изменишь». «Ох, и зачем же мне такое испытание, за что ты меня, Господи, наказываешь?»

И ей хотелось плакать, она представляла образ Димы, но ей это уже давалось всё трудней и трудней, и только о нём жила в сердце память, которая иногда будоражила её, и особенно обострёно, когда Антон поражал её своей холодностью и бездушием. Со дня первого их знакомства она не слышала от него ни одного ласкового слова, тогда как Дима в своё время вызывал у неё нежность и умиление одним своим присутствием, которые разливались по всему её телу горячим кровотоком. Антон же вызывал неприятие и страх оттого, что такие отношения будут продолжаться всю жизнь и это её невероятно пугало. К тому же он стал допытываться, какой был у неё офицер. Чтобы рассеять его подозрения, Нина пыталась отвлекать мужа от ревнивых мыслей. Хотя понимала, что о Диме ему кто-то рассказал, но скоро узнала, от кого он услышал о её отношениях с офицером и как от него на самолёте доставили ей письмо. Но врать она не умела, и сейчас ей пришлось сознаться, но не обо всём, а лишь о том, как у них наметались серьёзные отношения и только...

– А если бы офицер позвал, ты бы уехала с ним?

– Но ты не волнуйся, он уже не позовёт, – грустно ответила она и прибавила: – Кто же меня из колхоза отпустит? – и в этот момент она почувствовала, как к горлу подкатил приступ дурноты, потом подступила тошнота. Нина зажала рот ладонью и выбежала на двор. Антон пошагал следом косолапыми шагами. Нину всегда смешила его походка, но из чувства такта смеяться воздерживалась.

Об их переезде в город, с того раза муж пока не заикался. Антон понимал, что жена в положении, и ей уже нельзя быть на тяжёлой работе вынимательницы кирпича из печей.

Как-то рано утром Нина собиралась на работу и её опять задурнило, Екатерина тогда сказала, что ей уже нельзя поднимать тяжести.

- Тебе надо проситься на лёгкий труд, – посоветовала мать.
- Кто же меня освободит от телят? Мамка, ты же знаешь, там некому работать.
- Я скажу председателю, или Гордею, заведующему фермой.
- Лучше не надо, мне стыдно. Он свою Ксению не освобождал от доярок.
- Я слыхала, что он вместо неё сливал молоко в бидоны.
- Но я же Антона не позову? Ты же знаешь, как он работает...

С первых дней семейной жизни Антон приходил с работы, ужинал и заваливался на кровать. А в это время из огородной приезжала тёща: она слезала через борт грузовика и шла во двор. Екатерина слышала, как безмятежным сном похрапывал зять. Она понимала, что утром он вставал рано, ходьба по четырнадцать километров в день его изрядно утомляла. И когда надо было что-то делать по дому, она боялась его тревожить.

Была уже весна, как раз та пора, когда рассыпанная под кроватями в хате картошка, хорошо проросла и её пора высаживать на приусадебном огороде. Белые и розовые росточки, точно личинки жука, выклюнулись из клубней, застыли каплями воска и пахли терпко и пряно. Екатерина приехала из огородной бригады с такой важной новостью, что даже не знала, как её расценивать: положительно или отрицательно? Этой весной якобы намечалось провести объединение мелких колхозов в одно крупное хозяйство.

Колхоз имени Максима Горького изначально принадлежал Новочеркасскому району, как в своё время и колхоз имени Кирова, но потом его передали Октябрьскому. И вот два колхоза должны были объединиться в один, и тогда он снова вернётся в свой прежний район... Но сейчас Екатерина об этом не стала думать, так как на улице стояла тёплая мартовская погода.

Она посмотрела на спящего в светёлке зятя, как она по старинке называла комнату, которая двумя окнами выходила на улицу и сюда круглый день проникали солнечные лучи. И пошла в переднюю, где всегда стоял полусумрак, так как сюда непосредственно солнце не светило. Сняла старую доху, раскутала тёмный вязанный шерстяной платок, повесила всё это на деревянную с полочкой вешалку на стене. Хата была небольшая, крытая соломой. Ещё до свадьбы дочери, Фёдор собирался построить новую, рядом со старой, привёз из Хотунка лесоматериалы. Бориса попросил сделать дверные, оконные коробки, двойные рамы. Зимой он всё это и смастерил с помощью Антона, который к затее тестя, однако, отнёсся весьма прохладно, так как не собирался жить в посёлке. Фёдор же полагал, что семья дочери будет ещё пополняться ребятишками, и нечего надеяться на городскую квартиру, а самому построиться. Но зять самонадеянно отвечал, что пока обойдётся без своей хаты, он скоро получит в городе жильё.

- И когда же это твоё «скоро» осуществится? – спросил тогда тесть.
- Обещают дать к Новому году!
- И ты так легко веришь? – чуть ли ни раздражённо бросил Фёдор Савельевич. – Квартиру надо заслужить трудом, а ты работаешь без году неделя...
- Нет! Я уже почти год пашу, – обиделся зять, выкрикнув возмущённо.
- Да ну тебя, с твоим городом. Ни огорода, ни коровы, чем детей думаешь кормить?
- Как чем? В магазине продают хлеб, молоко! Цены снижаются, Сталин молодец!
- Федя, не спорь, пусть попробуют городскую жизнь, а потом вернутся, – сказала Екатерина.
- Ой, думаете, мне хочется в город? – бросила Нина.
- Да, Антон, цены снижают. А ты помнишь, какие они были до войны? Хлеб был дешевле, а сейчас дороже, все мясные, колбасные, молочные изделия ещё не подешевели к довоенному уровню, – сказал убеждённо Фёдор Савельевич.

– Так была ещё реформа денег! Сталин стал понижать цены ещё три года назад, – возразил зять, который на работе любил слушать радио, но газеты не читал, полагая, что этим самым только портит зрение, которое и без того у него заметно ухудшилось.

– За войну деньги сильно обесценились, а сейчас пишут, что на мировом валютном рынке рубль укрепился, – сказал тесть.

– Антон, хватит спорить, ты как будто что-то понимаешь в политике, – вмешалась Нина.

– А только твой отец понимает? Я каждый день радио слушаю! – вскрикнул муж, и тут же пришёл в весёлое настроение и продолжал расписывать преимущества городского существования: – Здесь его только провели и оно уже не играет. А в городе жить удобно и поговаривают, что скоро придёт телевидение, в Москве уже вещает и в кино не надо ходить...

Тогда Екатерина всё-таки упростила Фёдора, чтобы он не разругался, лучше прекратить не нужный спор. Нина хоть и не очень хотела уходить с мужем в город, но и не возражала против его желания обосноваться там. И за целеустремлённость она даже стала больше чем до свадьбы уважать его. Правда, всё никак не поворачивался язык называть его мужем и поговаривала только по имени Антон да Антон, а чтобы ласково – Антоша – не получалось, впрочем, даже не пробовала. Но это, пусть и без любви, надо было заслужить. А он к тому же, не принимал никакого участия ни по дому, ни на огороде...

В тот день Нина пришла с колхозного двора на час позже матери, чувствуя во всём теле страшную усталость. Она тоже слышала об укрупнении колхозов не только от отца, постоянно читавшего центральные и областные газеты, но и от мужа. Эта кампания по стране проводилась уже третий год. А до них будто бы только дошла, местное начальство почему-то всё не решалось начать. В газетах о ней писались отчёты на примерах других краёв и областей, где в один колхоз стекались сразу несколько мелких хозяйств. И это объединение в целом сельскому хозяйству якобы уже принесло пользу: увеличились запасы кормов, росло поголовье скота, свиней, птиц, расширялись земельные угодья. И даже стало меньше расходоваться горючее, лучше берегли технику, за качественную вспашку земли активно соревновались механизаторы, а доярки включились в соревнование за увеличение надоев молока на одну корову.

В те времена центральные газеты не могли выступать с критикой укрупнения колхозов, наоборот, они ратовали за образование каких-то аграрных городов. Хоть гигантами было нелегко управлять, зато предлагался современный путь развития села. Однако статья какого-то председателя колхоза предостерегала от переселения людей из удалённых деревень в центральные усадьбы, что было весьма опасно для самого существования деревенского уклада, который можно подорвать основательно. Нина помнила, как отец, прочитав статью в «Правде» секретаря ЦК КПСС Н.С.Хрущёва – «О строительстве и благоустройстве в колхозах» – донельзя возмущался, так как автор предлагал сселять колхозников из удалённых от центральных колхозных усадеб маленьких деревень и переселять их в новые посёлки с клубами, библиотеками, школами, медпунктами, магазинами. Нина думала, что в этом ничего не было плохого: построят новые посёлки. Отцу же было жалко старую деревню, которую можно было спасти от вымирания проведением такой политики, чтобы люди не уезжали из села в город...

Но в то время ещё не знали, как Сталин закрытым письмом, не предназначенным для печати, осудил «кавалерийский подход» некоторых молодых партийных работников, которые предлагали сносить старые деревни и создавать крупные современные деревни-города.

«Я скоро уеду из посёлка, и его никто не снесёт, потому что он ещё молодой, – наивно думала Нина. – И почему Антона так тянет в город, ведь он же деревенский, а строит из себя городского делягу»? Хотя в душе Нина тихо радовалась, что они будут жить в городе, и этим немного гордилась. Сейчас многие люди мечтают перебраться в город, как это сделали в разные годы Городовы, Горобцовы, Пинины и многие другие.

Тем не менее, сдержанная газетная критика несколько не повлияла на слияние мелких колхозов в один. Наоборот они возносили преобразование колхозов в совхозы. Ведь кол-

хозники превращались в рабочих, им выдавались паспорта, выплачивали зарплату деньгами. В совхозах не было трудодней, по которым в колхозе оплачивали труд не деньгами, а только продуктами. И не всегда рассчитывались до конца за трудодни зернобобовыми. С колхозников вдобавок ещё требовали продовольственный или денежный налог. Чтобы рассчитаться с государством, люди продавали зерно, молоко, яйца, мясо. Так что в соседнем районе на основе бывших колхозов создали два совхоза. И люди были счастливы тем, что в город из совхоза было легче уйти и устроиться там на любое предприятие. И не мудрено, что многие поселчане сожалели, если их колхоз останется в прежнем виде, то со временем может соединиться с преуспевающим колхозом имени М. Горького. Сначала некоторые выступили против этого. А когда бывший председатель Макар Костылёв подсказал, что им выгодней соединиться, чем влачить жалкое существование. Ведь их колхоз во всех отношениях маломощный, а мишкинский значительно сильнее, где вовремя расплачиваются по трудодням. И тогда люди притихли, став говорить, что пусть бы быстрее произошло это самое укрупнение колхозов.

Партийные руководители на районных совещаниях критиковали тех, кто выступал против укрупнения, их осуждали за паникёрство. Их тон сводился к одному, дескать, чтобы партия ни делала, она никогда не ошибается. А её решения не подлежат пересмотру и отмене. Да, это действительно было так, партию не интересовало мнение народа, как он в своей массе сам смотрит на проводимую ею линию.

Без уважительной причины люди не могли выйти из колхоза, а когда такие объявлялись, за не выход нормы трудодней, у них отбирали приусадебную землю. Они хотели уехать, но их объявляли нарушителями социалистической законности, которые вели паразитический образ жизни. Но люди не знали всех законов и специальных постановлений, по которым были обречены к выселению в отдалённые районы. О таких смутьянах (а их было несколько десятков тысяч) писали в газетах в назидание другим, чтобы они точно так же не оступались. Сельские люди должны жить и работать там, где их дом и земля. Если нарушаете колхозный устав, если увильживаете от трудовой общественной повинности и жадно работаете на своём огороде, получите налог на строения, землю, животных, птицу и повышенный продналог.

Екатерина с Фёдором уже разговаривали с зятем, который работал в городе и его называли за глаза отходным, чем может вызвать раздражение властей и навлечь на них их гнев, не являясь колхозником, а им это могли поставить на вид?

– Я вам скажу так, – сказал Антон, когда Нина призналась мужу, чем были обеспокоены мать и отец. – Работаю на заводе, а у вас живу временно. И пусть твой батя не боится. Я это всем скажу, а Назару —первому!

– Ох, какой герой! – самолюбиво протянула Нина, которая всё никак не могла привыкнуть к мужу, даже когда была беременна. Он по-прежнему казался ей чужим, потому что к нему не лежала душа. Ей думалось, она краснела, когда вспоминала, как на следующий день сказала Анфисе, что вовсе не она отказалась от прежней любви и не она предала Диму, просто была вынуждена подчиниться обстоятельствам, что для неё сознавать донельзя мучительно.

В тот год весна, казалось, длилась дольше обычного. Антон заявился с букетом сирени, которая хоть и расцвела с запозданием, но цвела с необычайно пышной силой. И принимая от жениха дар, Нина подумала, что отныне её любовь умерла вместе с любимым и больше чем когда-либо понимала, что Антон – ей навязан судьбой, так как отчасти подчинилась вещему сну. К тому же она слышала, будто браки заключаются на небесах, что провидение совсем не случайно сводит молодых. И потому надо не противиться судьбе. Вот только она не понимала, почему Бог избрал её, как проводницу своего замысла.

Но как она могла мириться с тем, что Антон без напоминания не интересуется домашними делами? В тот год у них в первый раз отелилась молодая корова по кличке Лидка и принесла бычка, для которого нужно было смастерить закуток. Когда Нина обратилась к мужу, не может ли он помочь отцу, Антон вдруг вскричал:

– Это не моя корова, а его!

– Почему ты так думаешь? – возмутилась Нина. – Ты у кого живёшь?

– Скоро в город уйду. А если ты останешься. Я без тебя уеду!

– Как тебе не стыдно, ведь отец ничего плохого тебе не сделал. А ты не хочешь ему помочь? У него одна рука. Это же нетрудно понять?

– Ладно, посмотрю. Я устал. В воскресенье... – и отвернулся к стене.

В выходной день Антон спал до обеда, мать и отец были на огороде, они высаживали картошку. В субботу появился крепко выпившим, он был необычайно добрым. Отдал ей аванс четыреста рублей и теперь отсыпался. Нина таких денег в руках ещё не держала, на базаре, если выручала за пять литров молока, живую курицу, или за три десятка яиц, то выходило за всё в несколько раз меньше. Мужу так же, как и её отцу платили пенсию по инвалидности, а сколько – точно не знала, хотя Антон говорил, что всего сто пятьдесят рублей. Но пенсию он ни разу ей не отдавал, считая её неприкосновенной. И она не претендовала на неё, но на что он её тратил, Нина не знала. Правда, с собой он не брал харчи, как это делали у них трактористы, пастухи, кузнецы Иван Горшков и Тихон Кузнецкин. Значит, ходил в столовую или какую-то еду покупал в магазине. Антон вроде бы по характеру был балагур, однако, многое из того, что происходило в смену, он не рассказывал. Обычно делился тем, кто жил в семейном общении, как там обитатели друг друга ревновали, как якобы мужа ревновали его к своим жёнам, ибо хорошо обходился с их женщинами. Нине тоже не нравились такие признания Антона, но этому она не очень придавала большое значение, полагая, что муж нарочно ей врёт, чтобы она, Нина, скорее забыла своего погибшего офицера и переключилась на него, Атона. И правда, она даже не представляла, что его хвастливые рассказы о женщинах у неё станут вызывать какое-то неприятное чувство. «Неужели я начинаю его ревновать? – думала про себя Нина. – Да он и ногтя моего не стоит»!

И вот до сих пор он спал, Нине это уже порядком надоело. «Это называется, он обещал отгородить для телка базок, – думала с внутренним возмущением она. – Вчера ведь лёг непоздно, а будто ночь не спал». И она принялась тормошить мужа. Антон, наконец, открыл глаза и недовольно уставился на жену.

– Чего тебе надо? – спросил громко он.

– Уже скоро вечер. А ты дрыхнешь. Сколько же можно, мне стыдно перед родителями! Кто баз будет делать? Ты же обещал...

– Сделаю... – буркнул он, потягиваясь. – Принеси лучше рассольнику...

– Встань и пей сколько влезет. Он в коридоре дожидается тебя.

Антон уже знал, что жена никогда ему не услужит, он нехотя встал, взял со стула брюки, натянул. И в майке пошёл, слегка пошатываясь, будто всё ещё не протрезвел. От него несло перегаром, который усиливал к нему неприязнь; ей не хотелось вспоминать то, как вчера ночью он приставал к ней, и она должна была уступить ему. Уж неужели только на этом и строится супружеская жизнь?..

Ещё осенью Антон привёз с завода старых досок, обрезки, стружку из столярной мастерской, битый кирпич, чтобы уместить им по двору от сарая к кухне и к хате дорожки. Собираясь также привезти машину песка. Нина радовалась: помогла мужу критика её и родителей обрести усердие. Неужели и впрямь за ум берётся, осознаёт, что у него семья. А зимой привёз две тонны угля, который ему выписали от профкома.

Пока муж не вышел на двор, Нина не торопилась идти на огород, он наконец показался, стал потягиваться, потом пошагал к сараю, плоская крыша которого была крыта давно потемневшей соломой. Здесь были сложены привезённые ещё осенью доски, Антон выбрал подходящие для базка, взял тестев инструмент и взялся за плотническое дело и только тогда Нина пошла к родителям на огород, довольная собой, что заставила мужа работать. Только бы посмел отказаться, больше бы к себе не подпустила...

На огороде каждая минута дорога, а вот уже со всех сторон крались весенние сумерки, а с ними вместе стылая прохлада. Антон пришёл на огород, когда принесённую для посадки картошку закончили. Он с радостью возвестил, что баз для телка смастерил, из-за чего сильно устал и хочет отправиться к Гордею, которого со свадьбы не видел, а это значит с осени. Нина запечалилась, все работают в огородах, все устают, а он опять отлынивает. Мать и отец молчали, Нина махнула обречённо рукой, мол, уходи с глаз долой! И Антон молча пошагал с огорода. Фёдор Савельевич граблями, одной рукой, зажав черенок культей, разравнивал грунт по высаженной картошке.

Нина думала: если Антону и вправду дадут квартиру, она уже с этим в душе соглашалась. Хотя у него ни разу не спрашивала, любит ли он её по-прежнему, как раньше? Сам же он как-то в трезвом виде признавался, но как-то скуп и неуклюж, точно кто-то тянул его за язык. А однажды пришёл с работы под хмельком и ни с того ни с сего сказал:

– Нинка, я тебя люблю глазами! – и полез обнимать и грубо лапать. Она резко оттолкнула его от себя.

– Ты бы руками любил. Да не так... – сказала она.

– Как это руками, а что я делаю? И спим мы очень хорошо!

– Дурак! Я имею в виду совсем не это. Хорошие мужья берут в руки молоток, гвозди, лопату и работают и этим самым доказывают свою любовь, – наверное, эти слова подействовали на него, когда он взялся мастерить базок.

– Я весь день на заводе вкалывал! – ответил он тогда.

– Ах, батюшки! Только будто ты один работаешь, а мы только семечки лузгаем?..

По воскресеньям Антон с того «базного дня», просыпался поздно, завтракал чем-нибудь и уходил к Путилиным, пропадал у них почти до вечера.

Когда он приходил, Нина делала ему замечание, что дома есть мужская работа. Антон отвечал:

– У меня выходной, я отдыхал!

– И Гордей с тобой бездельничал?

– Не приставай, а то уеду...

– Ну и уматывай, не побегу... У людей мужья как мужья. А ты летун...

– У тебя уже живот созрел! Если мы так будем грызться, куда мы придём?

– Я уже вижу, куда мы пришли...

– А ты одна ребёнка вырастишь? – грубо бросил он.

– Чем ты меня пугаешь! Если мы так будем жить, долго я не выдержу твоё домашнее лентяйство. Мне стыдно перед твоими же родственниками. и перед моими – отцом и матерью. Ты часто пьёшь! В посёлке, кроме тебя, ни один не ходит пьяным...

– О, ха-ха! – засмеялся Антон. – А Потап Бедкин? Он набирается до потери сознания! Иду я с работы, а он на лавке сидел и вдруг свалился мордой... Его Пулька подхватила с земли, и как дитя повела во двор. Вот как дорожит! А ты только кричишь на меня! Я фронтовик! Контуженный!

– Да, чем ты спекулируешь? У тебя кричать учусь! Я тебе не Пулька, и подбирать тебя не буду. Ты мне так и не сказал, зачем ходил к Чередничихе?

– Когда?

– Не притворяйся, знаю!

– О, так это было уже давно, спохватилась! Я пришёл от тебя, а её внук догнал и говорит: бабушка зовёт. Я и пошёл. Ты думаешь, я хотел узнать у гадалки, что у тебя было с тем офицером? – засмеялся Антон.

Но Нина больше не стала продолжать разговор, так как с огорода пришли мать и отец. Они между собой тихо разговаривали. Антон же притворился спящим. Нина задумчиво смотрела в окошко, на подоконнике в керамических горшках стояла герань, которая строением

листьев была похожа на калачики, которые летом пышными кустиками росли перед двором и в его укромных местах. В горнице уже было темно, керосиновая лампа была только в передней, но сейчас она была ещё не зажжена. И как хорошо, потому как от неё всегда исходил запах перегоревшего керосина и фитиля. Но вот мать там чиркала спичкой, жёлтое облачко света озарило переднюю, что было видно даже через ситцевые в цветочках шторы и тотчас запахло керосином.

Антон, чтобы приучать её к городскому быту, бывало, говорил, вот, мол, они живут в деревне без радио, без электричества, без душа, без бани, а в городе это всё есть и даже в обиход входит где-то телевидение. Но что из себя оно представляло, Нина пока не знала, и полагала, что Антон просто разжигал её воображение, чтобы она скорее соблазнилась городскими удобствами и легко рассталась со своим отсталым бытом.

Правда, сейчас её волновало вовсе не телевидение и не очень хорошие личные отношения с мужем, а тот слух, будто брат Борис похаживал к Вере Куделиной, которая давно его любит. Об этом она узнала от Стеши Утериной, а та в свою очередь ещё от кого-то. Но в то, что Борис, не успев жениться, изменяет Мире, в это было трудно поверить. Невестка была статная, красивая, а Вера приземистая, с полными короткими ногами, но зато умела вертеть пухлым задом.

Хотя её саму, Нину, тревожила Маша Терешина. Однажды на наряде Брана Дмитрукова разговаривала с ней, и кто-то уверял, что Брана говорила об Антоне, но в связи с чем она приплела его, Нина у Стеши так и не допыталась. Впрочем, ей тогда казалось, что ушлая соседка пыталась посорить её с мужем, так как она порой в шутку бросала, будто с Антоном она не пара: ему нужна стройная, высокая. О том слухе Нина вспомнила, когда спросила у Антона, дескать, неужели Гордей Путилин мог себе позволить полдня бездельничать и пить с ним водку? Причём на этот раз от Антона только пахло водкой, а пьяным он почти не был. Вот и выходило, что Антон долго не находился у своего брата, а значит, занесла его нелёгкая к Терешиной. Маша была стройная девушка, с красивой фигурой, широкими бёдрами. Такой же, говорят, в молодости была и её мать Гертруда, муж которой якобы погиб в конце войны...

Но сейчас Нина не стала изводить себя догадками, предположениями. Чего это ради она должна ревновать, может, Брана нарочно, из чувства зависти распространяет свои измышления, будто Антон в открытую приударял за молодыми незамужними женщинами. Она знала, что у Марии Терешиной когда-то был прикомандированный шофёр, с которым якобы каталась в кабинке...

В посёлок Терешины приехали года за два до начала войны. Эта Маша была тихая, застенчивая, на молодёжные вечёрки почти не хаживала, подруг у неё не было. И вообще, в посёлке Терешины жили как-то незаметно, откуда, из какой земли они приехали, никто толком не знал, не ведал...

Глава четырнадцатая

Летним августовским вечером домработница Берии так и не сумела уговорить Валентину Истомину, чтобы та дала письменный ответ Лаврентию Павловичу о своём согласии на тайное свидание. Этот отказ не был связан с тем, что Истомина должна была отправиться на кунцевскую дачу, куда она обещала приехать по настоянию охраны, чтобы привела дачу в порядок.

С Берией у неё давно начался, нет, вовсе не роман, а настоящая борьба за свою честь. Сталин однажды сделал ему внушение. И тот надолго отстал. А когда он отдыхал на юге, Берия, находясь в последние годы рядом с ним, вновь повёл свою игру искусителя. Хотя Валентина это называла по-другому, а именно сексуальным домогательством неудовлетворённого тщеславия

разбушевавшегося самца, который прославился этим по всей столице. И ему ни от кого никакого укорота не следовало. И когда уже вернулись с юга, он не отставал...

– Скажите своему хозяину, чтобы цветов мне не присылал, – ответила Истомина Дарья Михайловне, которая высоко оценила утончённую красоту сестры-хозяйки вождя. – И записку никакого содержания писать не буду.

– Ой, а что мне делать? Лаврентий Павлович не захочет меня слушать. Он сказал, чтобы без ответа не приезжала...

– Не бойтесь! Я позвоню Иосифу Виссарионовичу. Просто ваш хозяин без чувства меры. Хотя медицина это характеризует однозначно, как большое сексуальное наваждение. Берия – ещё не сильный мира сего. Он просто забывает, кому я служу. Всё, Даша, ступайте к нему с таким моим ответом, а мне уже пора...

Дарья Михайловна немного успокоилась, а в машине вдруг расплакалась, когда представила змеиный взгляд Берии и прокляла тот день, когда согласилась исполнять его прихоти. Хотя тогда это сделала от страха, что такой грозный человек навсегда разлучит с семьёй. И только, когда ему отдалась, тут разыгралось у неё меркантильное чувство – заполучить тёпленькое местечко, которому теперь она была уже не рада...

И вот настал день, когда он выгонял её прочь. Дарья Михайловна расплакалась.

– Чего ревёшь? – бросил Берия. – Я тебе звонил из машины. Ты стол приготовила?

– Да, как вы сказали.

– Вот и хорошо. А теперь свободна... я уже сказал... до утра. Непонятно?

– Понятно, понятно! – она быстро закивала головой и опрометью побежала с тайной радостью из квартиры.

Через час или того меньше в квартиру Берии по одному сходились гости, а именно Маленков, Булганин. Последним появился Хрущёв с видом человека непреодолимой усталости. По правде сказать, Никита Сергеевич не был сторонником заговоров и всяких сговоров. Но ситуация складывалась такая, что по-другому было нельзя поступать, коли вектор будущих событий определил Сталин, которому ни один из них не приглянулся в преемники, так как теперь, похоже, вся их будущность зависела от преемника хозяина.

Четвёртка расположилась в просторной столовой, где был шикарно накрыт стол яствами, приготовленными домработницей.

– А где твои, Лаврентий, домочадцы? – спросил Хрущёв. – Они здесь?

– Никита, не будь наивным, – усмехнулся Берия, снимая пиджак, набросил его на спинку массивного стула с высокой спинкой. – Я обо всём побеспокоился. Тут нас никто не услышит. Я и об этом позаботился. Тут живут все мои люди, проверенные...

– Как ты их проверял? На моей шляпе или на моей походке? – шутливо проговорил Хрущёв.

– Никита, довольно шутовать, давайте лучше о деле! – строго сказал Маленков.

– Ты что-то хочешь сказать о преемнике? – спросил, улыбаясь в усы Булганин, чуть наклонив вперёд голову, точно хотел спрятать свою улыбку в усы.

– Ну что ты, в самом деле! Я уже всё обдумал, – сказал Берия, откупоривая штопором бутылку дорого вина. И все приготовились слушать Лаврентия Павловича.

– И что ты нам предлагаешь? – высокомерно глядя на хозяина квартиры, спросил Маленков. Хотя Георгий Максимилианович уже кое-что слышал от Лаврентия Павловича. Но сейчас сделал вид, что он так же не осведомлён о его плане, как их сподвижники.

– Ну, Лаврентий, давай не тяни! – поторопил нервно Никита Сергеевич.

– Наша задача – подмочить репутацию Николая. Уж слишком он чистенький получается в глазах Кобы. Почему я? А вы его не видите таким, а он для него почти идеал!

– Пятилетки разрабатывал он все, что у него никому не отнять! – протянул Хрущёв. – Кстати, сегодня Молотов на вокзале напомнил хозяину о книге, которую пишет наш кумир. Что это за книга? – и Никита Сергеевич посмотрел на Берия.

– Не переживайте... она давно написана. В сейфе хранится... в Госплане. Я уверен, нам надо проверить, все ли документы там хранятся? – с ядовитой усмешкой продолжал Берия. Однако на счёт написанной книги, он просто бравировал, желая показать себя во всём осведомлённым, хотя ему действительно доставили неверную информацию. В то время книга «Политэкономия коммунизма» была не написана, а лишь эскизно набросана.

– Что ты этим хочешь сказать? – спросил настороженно Хрущёв, пристально, даже сурово глядя на того. Ему было неприятно то, что Берия о книге сказал настолько уверенно, что показалось, он также знает всё о каждом из них. И потому сейчас воспринимался самым опасным после Сталина, ведь все они внутренне были готовы к тому, что вождь в любой момент может найти им замену. И теми, кто могли вполне занять их места, как раз и были Кузнецов, Родионов, Попков, Лазутин и ещё Капустин, которым Сталин уже лично поручал ответственные мероприятия и с ними они блестяще справились.

– Лаврентий нам предлагает получить санкцию от прокурора на проверку! Я так понял тебя? – спросил Маленков.

– Вот-вот, товарищи! – воскликнул Булганин. – Это то, что нам нужно! Есть уже информация: происходит утечка документов... из сейфа Госплана, он при этом в азартном возбуждении потёр ладонь об ладонь. – Мне страшно было слушать Кобу, когда он, говоря о том, что будущее руководство будет молодым, – вспомните, как он посмотрел вовсе не на Никиту, не на Георгия, не на тебя, Лаврентий; но ладно я старше вас, он привёл для примера Алексея Кузнецова. А с ним кто сидел? Попков, Родионов, Лазутин. Вся ленинградская молодёжь. А Кузнецова он не зря ввёл в состав ЦК. Значит, готовит замену, которая может произойти в любой момент...

Надо заметить, Хрущёв из всех сидящих был старше всех, но Булганин нарочно не заострил на этом нюансе внимание. Точно уже тогда чувствовал, что тому предстоит стать во главе государства и тогда он вновь займёт должность министра обороны, откуда его согнал два с лишним года назад Сталин.

– Мы обязаны, мы должны, сыграть на опережение! – подхватил опять Булганин. – С ним должен поговорить Маленков.

– А что, и я могу поговорить, – простодушно сказал Берия, ни на кого не глядя, принимаясь за трапезу.

Они выпивали вино, заедали шашлыками, приготовленными по-кавказски, и продолжали разговор, от которого почти в равной степени леденило у всех под ложечкой, а по спине бежали холодные мурашки. Их лица излучали здоровье пылающим румянцем.

– Это мы и без тебя знаем, Николай! – заговорил, работая челюстями, Маленков и переглянулся с Берия и Хрущёвым, которые сидели напротив Булганина и Маленкова.

– Товарищи, нужна записка, обоснование для принятия решения, – начал горячечно Берия. – Кто может её составить лучше меня? Думаю, вы со мной согласны?

– Ладно, накатай, сколько сможешь! – согласился Георгий Максимилианович, пережёвывая мягкое сочное поджаристое мясо баранины. – Но чтобы он безоговорочно поверил. Его любимец не только простофиля, который, говорят, оставляет сейф открытым, но и сам, пользуясь высочайшим доверием товарища Сталина, передаёт государственной секретности документы зарубежным дипломатам... за... доллары! Кстати, мне Молотов жаловался, что его жена ни за что пострадала...

– Да, да, антисемитизм его у всех в печёнках. Весь еврейский мир на нас косится, – подтвердил Хрущёв. – Этим обстоятельством надо немедленно воспользоваться. Мировое сообщество нас поймёт. Спасём цивилизацию от ядерной чумы! И евреев спасём, он хочет их отпра-

вить из Москвы под сурдинку космополитизма, – и глянул на Берию, видя, как тот неприятно морщился, так как сам боялся попасть под мегрельское дело... Но сейчас Берия медленно ел, он углубился в свои мысли, не желая заострять внимание на речи Хрущёва, который, как, казалось, Лаврентию Павловичу, хотел взять его в союзники на этом деле.

– Что ты молчишь? – спросил Хрущёв.

– Как бы вы не думали, в этой политике я его поддерживаю, – заметил Берия. – Создали для них автономию. А они всё равно здесь везде. Власть им нельзя доверять, – сказал он, хотя знал, что в его роду по материнской линии присутствовал этот род, что он всегда скрывал, и в том числе от Сталина, антисемитизм которого его всегда коробил. И теперь ему казалось, что вождь догадывался о его полном происхождении и потому не называл своим преемником. Но это было, разумеется, совершенно не так, поскольку сам Сталин не видел в нём достойного звания Верховного руководителя. Часто люди переоценивают свои возможности из-за единственного стремления к обретению власти.

После этой встречи у Берии четвёртка заговорщиков ещё встречалась на квартире Булганина. И колесо клеветнического доноительства и репрессий с бешеной скоростью завертелось. Сталин получил донесение о якобы вскрывшихся фактах исчезновения секретных документов из ведомства Госплана, который возглавлял с 1937 года Н.А.Вознесенский. Николаю Алексеевичу было вменено похищение секретных документов, за что он был неожиданно отстранён от работы. Хотя все его сотрудники не верили, чтобы могли пропасть документы, но вступить за своего начальника тогда не каждый решался, боясь попасть под те же обвинения.

Для того, чтобы содержать особо опасных политических преступников, первый заместитель председателя правительства Г.М.Маленков по договорённости с Л.М.Кагановичем в срочном порядке создал тюрьму на пятьдесят человек. Между прочим, Вознесенский был тогда первым замом у Сталина, то есть прямой соперник главного заговорщика. Разумеется, он никак не мог уцелеть. И Сталин, выходит, поверил Маленкову, который во всём поддерживал вождя, ставшего тогда в глазах народа больше и выше руководителя коммунистической партии...

Глава пятнадцатая

Как видим, в последние годы жизни Сталина, дела и проблемы государства как будто бы и продвигались и решались: плавил сталь и чугун, строили новые заводы, наращивались производства по выпуску машин, тракторов, станков, другой необходимой техники, возводились широким фронтом новые дома, причём целыми микрорайонами: выращивали хлеб; страна в поте лица выпускала продовольствие, товары лёгкой промышленности. Словом, созданная вождём система народного хозяйства действовала безотказно, как отлаженный гигантский часовой механизм. Но все в верхах понимали, что наступает время смены власти, о чём уже и сам Сталин заговорил, а значит, чувствует, что вечно ему не быть у руля самого большого государства.

Под конец своей жизни, как уже упоминалось, Сталин постепенно терял бдительность. И хотя говорил о будущем страны, но себя в прежнем качестве там уже не видел. Особенно такие мысли приходили к нему в минуты плохого самочувствия, из-за чего он перенёс первый инфаркт и потому уже тогда реально почувствовал себя невечным. Хотя Валентина Истомина, которой он в минуты хорошего настроения поверял мысли о своей старости, чтобы она подумала и о себе. Но единственной женщине, которой он доверял себя мыть (хотя не любил это делать) под душем, не хотелось и слушать жалобы на старость.

И Валентина старалась не только его успокоить, но и сердечно заверить, что для неё он по-прежнему свеж и молод – даже больше, он божество, на которое была готова молиться.

И даже сама жаловалась на Берию. Причём предостерегала Сталина от его бесовского взгляда, что тот был на всё готов. Хотя чувствовала, хозяина это не очень занимало...

Когда Иосиф Виссарионович собрался в последний раз в жизни съездить по рекомендации врачей на юг, Валентина Истомина была далеко от него, так как Берия, который сам пытался её соблазнить, чтобы удалить от Сталина, привёл факты, будто Валентина была замечена на половине начальника охраны Власика.

Через своих людей Берия добыл документы непомерного расходования рыбных деликатесов. Сталин, который всех призывал к экономии всего и вся, разумеется, поверил Берии. Но Сталин был весьма далёк от того, зачем он это делал. Хотя расход рыбы сверх всякой меры был вполне доказателен.

Сталин не мог простить своему верному охраннику расхищения в особо крупных размерах. Ведь он сажал голодных крестьян за колоски, а тут у него под носом такая растащиловка?! Это его очень оскорбило, а наедине с Власиком он заехал тому по уху, что у того зазвенело в голове.

– Поедешь на Соловки, там будешь рыбу ловить, – сказал Сталин. – Ты всё моё к тебе доверие размазал...

– Иосиф Виссарионович, это неправда, документы были подтасованы, – взволнованно заговорил Николай Сидорович. – Куда я мог деть тонны рыбы?

– Бабам своим раздаривал. Один у меня тоже каялся, а женщин собирал по всей Москве. Кто? Ты его знаешь! Да не ты ли Енукидзе подставил? Тоже на бабах погорел. Все вы личные интересы используете во вред интересам государства!

– Берии нельзя, опасно верить! Он поставит на моё место... своего... Я должен вас давно предупредить, товарищ Сталин. Однажды мне позвонил Александр Николаевич. Он был очень обеспокоен...

– И ты мне это только сейчас говоришь? – Сталин злобно сверкнул глазами, оживился, подошёл к главному охраннику и, глядел тому в зрачки, отчего тот даже не шелохнулся. – Ну и зачем мой клерк Поскрёбышев тебе звонил?

– На тот момент ему стало известно, что Абакумов от имени Берия интересовался списком иностранных послов. Он ему решительно отказал...

– И что ты подумал? Он же не женщина, чтобы ему отказать?..

– Берия занимается не своим делом! А если он на это нацелился, значит, задумал провокацию. Берия, как вы знаете, был в контрразведке и не может не совать свой острый нос в чужие дела...

– А ты, какую провокацию проводишь и с бабами, и с этой рыбой? Тебе не приходило в голову, почему умер внезапно Жданов и ещё несколько наших товарищей? Какие врачи их лечили? А кто ими руководил? Ты! – Сталин ткнул в него пальцем.

– Как вам сказать, – Власик растерялся, глаза забегали. – Комиссия установила... Но это дело в мои обязанности тогда не входило...

– А кто врачей на консилиум вызывал?

– Но это же неправда! Генрих Ягода дружил с семьёй Горького. Вы же помните, как в 1935 году в Сочи, когда мы с вами ехали на яхте, которую подарил вам Ягода? Он сам на допросе признался, что был связан с Троцким...

– Не беспокойся, я этот случай не забыл. Ты меня тогда спас от явного покушения. Но Ягоды больше нет, а ты вот ещё стоишь передо мной... Берия был всегда исполнитель. А может, это я его к Поскрёбышеву подослал? – Сталин злобно усмехнулся. Хотя я верю Александру Николаевичу, доверяю, но и проверять надо. Ты прав, против тебя я Берию не посылал. Но Лаврентий, что мне сказал, Валентину мою ты к себе зазывал...

– Один раз, да... мне показалось, что она... как-то внимательно лекарства перебирала, которые под охраной я привёз...

– Правильно Валуша делала! Тебя проверяла. Ей вот я полностью доверяю...

– Меня? Но вы же знаете, как я к вам относился! Хоть Светлана Иосифовна иногда со мной недружелюбна, но мне она верит. У неё спросите, с какой придирчивостью присматриваюсь к иностранным гостям. Мы их заставляем, чуть ли не донага раздеваться. Берии я никогда не верил, он любого оговорит, чтобы... доверие ваше не уронить. У него на физиономии написано, что он имеет все задатки шарлатана и пройдохи...

– Вот ты это подметил. А почему я ему атомное дело доверил? – лукаво посмотрел Сталин. – Ягода замыслил против нас заговор, а ты теперь, потому что наворовался и боишься, что ми тебя расстреляем...

– Неправда, мне чужды заговоры, я как никто, верно вам служу. Вот у Берии большой опыт шпионской работы. И я знаю, как на него жаловались люди науки, за то, что он даже вмешивается в их семьи... Это я вам говорил, а вы Берию слушали... а он мне говорил, что он за десятерых министров работает, и уже надоедает за них работать...

– Молчи! Я тебе не скажу, кто и что делает за меня. Не только из-за этого я тебя упеку, но я тебе не буду выкладывать государственную тайну. Так что можешь пока идти... Нет, погоди... Готовься к новому назначению...

– За что? – в оторопи протянул Власик.

Но он понял, что хозяин и сам не очень верил в растрату им рыбных деликатесов. Хотя пришлось выслушать крики, унижения. Ему докладывали, как хозяин хлестал по щекам свою сестру-хозяйку, как по столу катал лицом Поскрёбышева.

Между прочим, говорили, якобы досталось и Берии, но тот сквозь линзы круглых очков как ни в чём ни бывало цинично улыбался. И в этом холодном взгляде виделся дьявол, который своим спокойствием убаюкивал; от этой мысли Власик почувствовал на спине холодок. Почему же хозяин продолжал ему всё ещё верить?..

– «За что»? – переспросил задумчиво Сталин. – Ты неискренний человек, спекулировал моим доверием. Мне известно, как ты злоупотреблял своим положением. И тебя даже Жюков боялся, но в страхе я его не видел. Он умеет держаться. А ты пока готовься...

Разве мог тогда Власик предположить, что хозяин назначит проверку его отдела? Хотя он не делал никаких скидок, поблажек главному охраннику, чтобы его не проверяли ревизоры. Этому порядку подчинялся и он, Сталин, правда, ни один ревизор не решился бы заглядывать в его гардероб, не стал бы без высочайшего позволения самого хозяина проверять все его растраты и счета.

Однако на это раз Сталину доложили о том, что бесследно уплыла тысяча консервных банок одной только селёдки.

Безусловно, Сталин был взбешён, он понял, что растащилка могла продолжаться не один год. А значит, проверяющие ревизоры делали вид, что никаких злоупотреблений не обнаруживали. И Сталин приказал учинить проверку главному управляющему.

Не один ревизор был обвинён во взяточничестве и отправлен под суд. Собственно, с хищениями и другими должностными преступлениями Сталин боролся всю жизнь. Но он никогда не думал, что высшая партийная и государственная власть была своими высокими титулами обезопасена от всеядного, добровольного контроля ревизионным управлением...

Тогда впервые с 1945 года, когда Лаврентий Берия, был отстранён от карательного органа госбезопасности, Сталин задумался, почему не справился с хозяйственными, экономическими и прочими преступлениями? После Берии на этом посту были Круглов, Меркулов, Абакумов. А после ареста Абакумова – Игнатъев. Ему как раз от Сталина и досталось. Хозяин пытался найти ему замену, но подходящей кандидатуры не видел. Оставалось вернуть Берию, и он это сделал бы, если бы сам был помоложе, тогда как Лаврентий Павлович был на двадцать лет моложе самого вождя. И это обстоятельство его настораживало, поскольку Берия за восемь лет работы наркомом госбезопасности создал свою систему из своих кадров. Когда в 1951 году

Игнатъев пришёл на смену Абакумову, он испытывал в подборе своих людей немалые затруднения.

Выходило, его предшественники не полностью сменили бериевских назначенцев. И не только не сменили, но чувствовали поддержку своего бывшего начальника...

Вот и получалось, что тот со стороны руководил своим прежним ведомством и делал то, что хотел... И поневоле Игнатъев хмурился, не зная как и кому угодить. Но больше всего он боялся Сталина. Хотя уже знал, что положение в системе исподволь меняли другие люди. И кто они он хорошо знал, и должен был им подчиняться...

После ухода Власика Сталин медленно долго расхаживал по кабинету и думал, мысленно заглядывая в то лето, когда началась война. Тогда он впервые почувствовал личную ответственность за страну, которую, доверием Гитлеру, что не начнёт войну, поставил под удар и всей своей милитаризованной политикой ускорил нападение Германии. Если бы не поделился с военными своими соображениями относительно возможности опередить Гитлера и самому застать того врасплох, нанеся мощный удар новым оружием, которого в тот год было совсем мало — только несколько реактивных установок и которые успешно опробованы на полигоне...

Военные советники не советовали первыми начинать против Германии войну, лучше всего быть готовым к отражению врага, так как советский народ воспитывался в миролюбивой стране, которую, в случае развязывания войны против Германии, станет воспринимать агрессором, что показала война с Финляндией и странами Прибалтики, несмотря на то что она преподносилась, как освободительная с возвратом своих же территорий.

И вот когда война с фашистской Германией и её союзниками началась, Сталин почувствовал себя обманутым Гитлером, который последние годы получал не только стратегическое сырьё (железную руду, лес, цемент, уголь и т.д.) и продовольствие, но проходило сотрудничество и по линии обучения в военных училищах немецких лётчиков. В минуты слабости душевной Сталин думал не без горечи: «Я развязал репрессии против врагов народа, а сам недалёковидной политикой поставил страну в тяжёлое положение. Я должен был решительно отказаться от дальнейшего руководства и пустить себе пулю в лоб, как это сделал мой друг Серго Орджоникидзе, когда я ему сказал: «Не умеешь наладить производство, дисциплину, не установишь, как я, контроль над всеми силами индустриализации, у нас тебе нет места наркома тяжёлой промышленности. Ты наших врагов защищаешь, пришёл ко мне их выгораживать? Зачем, Серго? Подумай, подумай, над моими словами!» «И Серго вместо этого, застрелился, и меня подвёл своими политическим банкротством. Но я не пойду по его пути пораженца и капитулянта. На меня сегодня весь мир смотрит. Меня народ поймёт, и мы вместе одолеем лютого врага».

И теперь, когда уже семь лет шло восстановление послевоенной разрухи и строительство новых гигантов социализма, и страна мирно развивалась, когда внутренние враги были уничтожены, Сталин, однако, не чувствовал себя в полной безопасности, так как ему опять мерещились враги. И потому развязанная новая кампания чисток была начата, в его отсутствие на юге, соратниками, которым не мог не доверять, особенно, когда они представили факты утечки секретной информации, полагая, что они служили не себе, а ему, ратуя за общее дело. И он отдавал отчёт тому, что молодые руководители, которых он прочил в свои преемники, мечтали о создании нового русского государства. Так что Н. Вознесенский, А. Кузнецов, П. Попков, М. Родионов, а вместе с ними по всей стране были расстреляны и осуждены около пяти тысяч человек. И это основной костяк русской партии, о чём Сталин спохватится, когда поймёт, что теперь ему почти не на кого опереться. Он будет сожалеть о том, что поддался подтасованным фактам по обвинению Вознесенского в создании оппозиции. Они ловко сыграли на его подозрительности, но с этим он теперь уже не мог ничего поделать...

Но тогда из всех обвинённых в измене больше, чем о ком-либо Сталин сожалел лишь о Вознесенском. И даже порывался его вернуть, просил о нём заботиться, дать ему работу

по его профессии. Но ему сообщили, что он погиб в пути следования к месту ссылки от холода. «Что мы наделали!» – воскликнул Сталин, когда Абакумов ушёл. Но Сталин не знал, что «ленинградское дело» было начато по тайному указанию Берии, который и подсказывал Абакумову, в каком направлении надо двигаться, чтобы угодить вождю, дескать, Сталин сделал ему явный намёк на устранение Вознесенского, который тайно метит сесть на его, Сталина, место после осуществления заговора против старых членов партии, которые якобы, по мнению Вознесенского, не развивали страну, а тянули назад и только перевод её частично на рыночную экономику спасёт от отставания Западу.

Услышав это, у Сталина задёргалось веко. Разве мог вождь подумать о том, что, кого он прочил в преемники, проводил у него за спиной контрреволюционную деятельность? Нет, он мог только в который раз убедиться в одном: нельзя никому верить! Ему показывали материалы, в которых Вознесенский разрабатывал модель перехода от экономики планирования, к рыночным элементам, что, все, кого растеряли, намеривались изменить социалистический строй и поднять на первое место русских, то есть им вменялся русский национализм.

Нет, в этот бред Сталин сначала не поверил, каким это надо способом разрушить страну, которую он создавал вместе с Вознесенским? И на папке с его делом он написал: «Не верю!»

Видя такое дело, Берия тогда доставил Абакумову новые материалы, которые окончательно подрывали доверие к Вознесенскому. О проделанной работе против сложившегося антипартийного подполья Сталину докладывал Георгий Маленков, в кабинете которого арестовывалась группа во главе с Кузнецовым, с которым чаще всего встречался Н.А.Вознесенский.

Под конец жизни Сталин не стал менее подозрительным, поскольку он был склонен к нему, а значит, это свойство человека на протяжении всей его жизни остаётся неизменным. А при провоцировании или поддержании навязчивых состояний они даже увеличиваются. Правда, чем старше становится человек, тем его интеллектуальные, а в особенности аналитические способности неуклонно увядают, а значит, и подозрительность, навязчивость и маниакальный бред теряют свою прежнюю выраженность. И впервые Сталин это почувствовал во время последнего многомесячного пребывания на юге. Как ни странно это произошло после сновидения, которое надолго врезалось в память. Во сне он увидел своих бывших соратников и противников по партии. Но прежде, чем об этом сне будет здесь рассказано, необходимо пояснить одно обстоятельство...

Когда некоторые историки говорят, что ни Маленков, ни Берия, ни Хрущёв, ни Булганин заранее не сговаривались по устранению Сталина, что они друг друга боялись, опасаясь от любого из них доноса, отчасти это было так. Но когда к каждому из них приходила мысль, что они потеряют власть, как только с ним что-нибудь случится, вот потому им надо было действовать самим, то есть убрать наиболее вероятных претендентов на высший пост. И это было заговорщиками проделано, вменив в вину своим противникам немислимое обвинение в идеологическом перерождении и в изменении коммунистического строя. Но вернёмся пока с «неба на землю...».

Глава шестнадцатая

В воскресенье, которое выдалось солнечным и тёплым, Антон в рабочих рукавицах вышел на огород сажать картошку, став штыковой лопатой копать лунки под семена. А Нина втыкала разрезанные клубни картошки в мягкий, бархатный чернозём, накануне смоченный дождём. Фёдор Савельевич пас коров без выходных. Екатерина занималась стиркой, она не очень радовалась тому, что Антон собирался перейти на жительство в город, но вслух не выражала, что дочь тоже была не прочь жить в городской квартире, где имелись кое-какие бытовые удобства, каких нет в деревне. Ведь она уже на сносях и должна была вот-вот родить...

Это произошло во второй половине марта, день выдался хоть и солнечным, но было ветрено и прохладно. Нина почувствовала, что отошли воды, что указывало на то, что должны начаться роды. Она так испугалась, отчего даже задрожали руки и ноги. Но как хорошо, что как раз все были дома. Через полчаса Нина благополучно родила, и хотела, чтобы это была девочка. Антон, однако, почему-то не выказал ни одной эмоции, сохранив полное спокойствие.

Екатерина послала Антона за Чередничихой. Но Нина остановила мужа, так как не хотела, чтобы бабка Алёны Овечкиной принимала у неё роды. У Дрона, её бывшего ухажёра, с Алёной уже родились дочь и сын, и она опять ходила в положении...

Тогда Екатерина позвала сваху Анисью, которая, как бывалая повитуха, приняла на руки ребёнка, перерезала ребёнку пуповину и ловко завязала. Нина при родах даже не вскрикнула, Анисья же только и повторяла, чтобы поднатуживалась.

Перед родами Нина ходила на работу до последнего дня (вот как тогда заботились о женщинах). Теперь же после родов всю весну, лето и осень, пока Антону в городе не дали квартиру в коммунальном доме на улице Силикатной, ребёнка выкармливала грудью, и, разумеется, не вышла на телятник. Хотя Назар Костылёв приходил, напоминал, что Нина могла бы отдать младенца в детясли, которые открылись весной после ремонта помещения, и вышла бы на работу. Но при одной мысли, что за её ребёнком будет присматривать такая непутёвая женщина, как Василиса Тучина, Нину бросало в дрожь.

У Василисы дочь Людмила вышла замуж за солдата и с ним куда-то уехала. А три года назад вернулся муж Аркадий, который долгое время числился без вести пропавшим. И говорили, будто мужик совсем свихнулся. От него никто и слова не услышал, он ходил молчуном. В колхозе был скотником, водовозом, сторожем бахчи, а зимой – свиарника. Аркадий поджарый, высокий, худой, с маленьким в ладонь лицом, с птичьей головой, у баб вызывал жалость.

До войны он работал на овчарне чабаном, пропадая на кошаре сутками. Говорили, что будто бы он не хотел видеть Василису за её похабные выходки и склонность к чужим мужикам. Вот и жил, словно с закрытыми глазами, и придя уже после окончания войны каким-то потерянным, Аркадий стал ещё нелюдимей, чем был раньше...

Нина чутко ловила слухи о поселчаных, и всё, что бы о них ни узнавала, держала в себе. Бывало, нянчит сына на руках, сядет на лавочку за двором, и тут как тут соседка тётка Прасковья. И давай ей рассказывать все поселковские новости, точно для неё нет и не было ничего слаще.

– А что, Нина, бачила я, – говорила Прасковья, – Антону у городе квартиру дадут?

– Ой, не знаю, откуда вы всё это узнаете? – удивлялась Нина.

– А чёго, рази не так бают? Антон и сам хвалылся... Моя Бранка в балке коров колхозных доила, а к ней солдат повадился ходить. Ну как его прогонишь? Ух, какой приставучий, на руках готов носить! Собирается сватать, как на третьем годе будэ служить. А вин жэве, бачила, где?

– Я ничего про него не слыхала. От вас впервые слышу.

– Ой, дак я чёго – проговорила?

– Да ничего, я не разболтаю. Кто же не знает, что в Греблю приезжают солдаты?

– Дак вот я тож, говорю! Один раз по тёмничку Брана привела его. Гарный солдат, но невысокий, а плэчистый. Говорит, как женюсь на Бранке, дак дом из кырпыча слажу. Я у тваво Антона узнавала про кырпыч. Так вин и ухом не вэдэ. И чёго он у тобэ такив не отзывчивый? Вон же не Аркашка Василисин? Тот как сумной ходэ и худющий як кошей. Чи Василиса ёго не кормэ? А сама, какая гладкая...

Нина не ответила, молча качала сына, не зная, как уйти от приставучей соседки.

– Як же мальца называлы? – спросила Прасковья.

– Гришей.

– Гарное имя... Так вы с Антоном скоро у город уйдёте? И как вам охота, там же огорода нэма?

– Да откуда ж я знаю, – в досаде ответила Нина и пошла во двор.

Антон принёс весть о выделении квартиры в декабре. В ту зиму снег выпал глубокий. Мороз к вечеру жал так, что на стёклах образовались пушистые узоры. Потом Нина стала собирать вещи в чемоданы и сумки.

– Сундук возьмёшь? – спросила Екатерина, волнуясь о дочери, так как недавно она призналась, что опять беременна уже почти три месяца.

– Ой, в город тащиться с сундуком, там у всех гардеробы, позорно, мамка, – ответила дочь.

– Боря смастерил себе постав, табуретки, стол. Как я не догадалась, чтобы и тебе сделал, – сокрушалась мать. – У моей сестры Нюты муж такой замечательный мастер.

– А потом всю жизнь брату буду обязана. Он полку делал месяц. Мире его забота о нас не нравится. Однажды она мне сказала: «Заставь Антона, пусть сделает». Так что обойдёмся...

Во второй половине декабря, под вечер, на грузовике Антон из города приехал со знакомым шофёром, быстро погрузили железную кровать, кухонный стол, детское корыто с высокими бортами, кухонную утварь, перину, одеяло, постельное бельё, два мешка картошки, лук, в стеклянных банках капусту, солёные огурцы и помидоры, чемоданы и сумки с вещами. Фёдор дал дочери немного денег покупать хлеб и молоко. Антон залез в кузов, помахал теще и тестю рукой, а Нина с ребёнком на руках села в кабину и скоро машина тронулась и поехала через плотину пруда в сторону города.

Екатерина видела, как соседки, Прасковья Дмитрукова и Наталья Волоскова, с дочерьми по обе стороны двора Зябликовых смотрели на них. Екатерина украдкой ото всех всплакнула, вспомнив, как сама на родине уезжала с приданным из родной деревни Кухтинки к Фёдору, в село Аргуново, где он жил. Мать Мария Григорьевна украдкой концом головного шерстяного платка вытирала слёзы... Вот так и она никогда бы не подумала, что так же, как и её мать, будет прощаться с дочерью с таким ощущением, что всё лучшее и плохое осталось позади, а отныне начинается нечто важное, но такое, что уже никогда не вернётся та жизнь, когда они жили все вместе. Вот и Борис не пришёл проводить сестру, на скотне была как раз дойка, а Мира сидела с дочкой, которая родилась три дня назад.

«Это хорошо, что Нина будет жить в городе, – грустно думала Екатерина. – Мне вот не удалось остаться в Москве...». Она посмотрела на Фёдора, оказывается, он тоже расчувствовался.

– Куда мы её отпустили, – сказал он. – Он здесь что хотел, то и делал, а в городе ему будет своя воля.

– Да ну, Фёдя, он не драчливый, может только голос повышать, у него он лужёный, – говорила Екатерина, стараясь успокоить мужа. Мы теперь одни остались, но скоро из армии Витя придёт. Я сон видела...

– А письмо давно было от него? И ему надо на свадьбу собирать, – сказал Фёдор.

– На той неделе писал, что готовится к прибытию. А насчёт свадьбы, ох, Фёдя, не загадывай раньше времени...

– А что тебе Паранька говорила о зяте и Марье Терешиной? – вдруг спросил муж.

– Ничего, а что она могла сказать? Что бы она ни говорила, я ей всё равно не верю, сплетни по свету собирает...

– Это ты так думаешь, а мне донёс мой недруг... Гоню я коров, идёт на деревяшке Прон Овечкин и с насмешкой: твой зять сватался к Машке Терешиной.

– Фёдя, что тебе говорят, ты тоже серьёзно не принимай? – Я видела, как Параня с Проном шептались у него на лавочке, – поспешно проговорила Екатерина, – чтобы нас поссорить с Антоном.

– Не перебивай, зачем им это надо? Гертруда корову выгоняла и тоже на меня как-то смотрела, будто никогда не видела. Я спросил: «Чего меня разглядываете»? Она засмеялась, и говорит: «Федька, я слыхала, что ты зятя в город выгоняешь, если не нужен, отдай мне, он мне хорошо столбы на забор вкопал...».

– А, то-то он как-то пьяный заявился, наверно, к Никону шёл, а Гертруда и перестрела его... И слава богу, что уехали от нашего стыда подальше.

Фёдор достал папиросу и закурил, придерживая коробок спичек обрубком руки, зажёл спичку и прикурил, выпуская облако дыма.

О Терешинной Фёдор не стал больше продолжать разговор, он думал о сыновьях. Одного уже пристроили, теперь был на очереди младший. А там можно жить спокойно, Фёдор Савельевич подумывал завести овец. В посёлке этим делом занимался уже несколько лет Павел Жернов. В колхозе он хоть и не числился с момента исключения, когда арестовали, но всё равно иногда в МТС находил себе работу по ремонту техники. Фёдор с бывшим председателем никогда уже не примирится, так крепко засела в душе давняя-предавняя обида. Сейчас он перевёл с женой разговор на обзаведение овцами и Екатерина поддержала его затею. Он решил больше не откладывать написание заявления председателю Корсакову на приобретение двух ягнят женского и мужского вида. Для этого он уже собрал полагающуюся сумму денег...

А между тем время летело, в конце зимы Мария Терешина родила вторую девочку. И по посёлку опять разнесли слух, будто её ребёнок от Антона. Екатерине эти слова передала сваха Анисья, а та услышала от Ульяны Половинкиной. От кого эта, Екатерина не допытывалась, но слух оскорблял не только Нину, но и родителей. Значит, Гертруда недаром смеялась над ними осенью, когда узнала о том, что Нина и Антон уходили жить в город. Хотела бы она взглянуть на дочку Терешинной, так ли она похожа на зятя, или это злые языки разнесли сплетни, увидев Антона во дворе с Гертрудой, помогавшего ей вкапывать столбы. И как же она могла допустить, чтобы женатый мужчина сошёлся с её дочерью? Вот в это Екатерина и отказывалась верить, теперь она боялась, чтобы до Фёдора не дошёл этот слух. А то не миновать скандала.

Глава семнадцатая

Сталин не раз вспоминал своего первого заместителя Николая Алексеевича Вознесенского после того, как впервые услышал, что тот якобы передал на Запад двести тридцать шесть секретных документов, в которых теоретически и конспективно говорилось о дальнейшем развитии плановой экономики в СССР. Как могли пропасть сотни работ из сейфов органов Госплана? Впервые об этом ему доложил Н.С.Хрущёв, затем Г.М.Маленков. Он им не поверил, тогда Иосиф Виссарионович пригласил Л.П.Берию.

– Лаврентий, что я слышу о Вознесенском, он шпион, у него пропадают документы из сейфа? Ты об этом что-либо слыхал? Ведь ты с ним хорошо ладил? – и зорко взглянул на того, увидев, как тот слегка потупил взор и непроизвольно усмехнулся.

– Не знаю, что вам ответить... Да, слухи нехорошие. А Никите и Жоре можно верить? Они сами комиссию назначили для проверки. Мне Игнатьев звонил и тоже подтвердил. Говорил, что за доллары продавал секретную информацию. И потом книгу написал под названием «Политэкономия коммунизма». И там есть глава о сотрудничестве с европейским сообществом. Вознесенский мне тоже говорил об элементах рыночных отношений в период современного развития капитализма и построения коммунизма и замены социалистического соревнования прямой конкуренцией между предприятиями и коллективами. Я помню, когда возглавлял НКВД, мне докладывали, что Вознесенский писал пятилетние планы неодинаково: для всех предприятий предлагал свой подход. В атомной промышленности он придумал шкалу поощрений за рациональные предложения и персональные разработки. Конструкторы работали

не единым коллективом, а на принципе конкуренции. Соревновательный принцип по Вознесенскому ведёт к припискам и очковитирательству, а конкуренция, как на Западе, подключает к делу творчество, не признавая коллективное авторство. Шкала премиальных! Вот и судите, Иосиф Виссарионович, кто есть Вознесенский? Он стремится перейти хоть сейчас от планирования к рыночным отношениям, что, в конечном счёте, развалит социалистическую экономику. И стандартизацию думает упразднить, готов был отказаться от госта качества! Привить экономике термин: эстетика производства в условиях конкуренции. И эта перманентная теория будет называться теорией политической экономики коммунизма.

– Мы ему это не позволим! – степенно ответил Сталин, пристально глядя на Берию. – Мы не откажемся от социалистического соревнования в пользу буржуазных ценностей, а конкуренцию – мы ему позволим ввести на двух предприятиях, которые подстроим под его теорию. Эксперимент нам нужен. Искать лучшие формы экономического развития мы ему позволим. Я и сам пишу работу: «Экономические проблемы социализма в СССР». А ты, Лаврентий, найди его последнюю работу, мне надо с ней познакомиться...

Разговор с Берией укрепил веру Сталина в то, что Вознесенский, всеми признан как блестящий теоретик и практик. Он разрабатывал все пятилетние планы; и как непревзойдённый специалист, мог заменить плановую экономику на рыночную, которая была принята в Германии и других странах Европы.

Ради того, чтобы проверить своего любимца и до конца выявить его свободолюбие и желание без обиняков навязывать своё мнение, Сталин в тот год решил необоснованно снижать цены на товары первой необходимости. Он тогда почти со всей страны созвал лучших экономистов, чтобы в споре за социалистический путь экономики прийти к убеждению, прав ли Вознесенский, который убеждал его, вождя народов, в принятии необходимого ему решения? Он выступал за более свободное планирование выпуска товаров, подлаживаясь не под интересы государства, а под материальные нужды и духовные запросы советских людей. А для повышения покупательской способности необходимо было поднять зарплату.

– Вы, Николай Алексеевич, нас хотите убедить, что ваша свободная экономика приведёт страну к коммунизму, а что если расшатает социализм, который мы так упорно строили и продолжаем строить? – заговорил Сталин на одном из заседаний Политбюро.

Он посмотрел внимательно на стоявшего Вознесенского. А потом с зажатой в руке трубкой, указал тому на стул.

– Вы садитесь, мы перед вами походим и послушаем вас, – продолжал размеренно ходить Сталин. – Все тут старые коммунисты: и Микоян, и Каганович, и Молотов, и те не понимают, что за хозрасчёт ты нам навязываешь?

– Очень простой, товарищ Сталин, – отозвался Вознесенский, привстав, но хозяин усадил того жестом руки, в которой держал трубку, не глядя на него. – Чтобы поднять заинтересованность рабочих, инициативу, стимулировать изобретательность, ответственность за то задание, которое взяли они выполнить.

– Это как же понимать? Никто никому не указ, а технологическая цепочка? А норма выработки будет их касаться? – спросил сурово Сталин, который привык к прямоте и открытости своего главного экономиста, который в годы войны мог так разумно наладить работу оборонных и гражданских предприятий в едином технологическом цикле, что каждый рабочий сознавал – на него смотрит вся страна. И трудились, хотя действовал суровый закон военного времени, который дисциплинировал рабочих, не позволяя им опаздывать, за что тогда строго карались.

И Сталин был уверен, что именно этот страшный закон организовывал народ, не позволял расхолаживаться, поднимал сознательность рабочих, а неэкономический принцип Вознесенского – не снижать норму выработки, но и не повышать, так как сам цикл выпуска боевой техники не допускал простоев из-за нехватки комплектующих деталей.

– Разумеется, ответственность за конечный результат, стимуляция премиями, но далеко не всем одинаково...

Тогда Вознесенский сумел убедить в своей правоте не только Сталина, но и членов Политбюро. Ещё во второй половине тридцатых годов Николай Алексеевич уверял и сумел убедить, что планирование не должно строиться на душу населения любого вида товаров, оно должно зависеть от перспективного роста населения с нарастающими темпами с учётом всех возрастов...

Немалую роль в производстве всех видов товаров Вознесенский отдавал культуре и эстетике. Но особенно в косметике и парфюмерии. А также в изготовлении дорогих вещей и сувениров, не отставая от лучших образцов западных стран.

Когда Сталин пошёл на поэтапное снижение цен, как мы знаем, он обошёл Вознесенского, и советовался с Маленковым, так как в этом отношении последний был сговорчивей Николая Алексеевича, который в глаза Сталину всегда говорил правду. Но тогда ему было интересно услышать, какой даст тот ответ, когда он назовёт Вознесенского, который был для Маленкова как кость в горле...

В одной беседе с ним о предполагаемом понижении цен, что было тотчас после войны, Вознесенский тогда сказал без обиняков:

– Товарищ Сталин! Если мы это сделаем прямо сейчас, дефицита мы не устраним. На базаре всё равно все продукты в несколько раз дороже, чем в государственной торговле. Впрочем, товаров нет в достатке, потому цены высокие. Я уже говорил – возникает диспропорция между потреблением и неудовлетворительным производством. Мы должны за два года на европейской части страны восстановить народное хозяйство, тогда можем говорить о снижении цен. Хотя даже в этом случае они не будут оправданы: чем больше товаров, тем они дешевле и тем выше в них потребность. Я не хочу вам объяснить простые законы экономики, которые вы хорошо знаете. Поэтому понижение цен – это не вынужденная мера, которая для экономики обернётся эскалацией, а совершенно непродуманная, рассчитанная на улучшение жизни народа. Товаров нет, у нас всё в дефиците, а мы будем понижать, чтобы только удовлетворить или облегчить жизнь людей...

– А мне советуют товарищи сэкономить на пайках, на приплатах, или даже оклады сократить на треть. Этим самым мы покроем дефицит бюджета. Что нам лучше повысить: зарплату или снизить на товары цены? – Сталин смотрел пристально, держа руку с трубкой чуть на весу в согнутом положении.

– Повысить резко выпуск товаров, снизить их себестоимость. Но для этого ресурсов недостаточно, затраты на их производство мы не сможем снизить при низкой эффективности производственных мощностей. От этого зависит и производительность труда.

– Ничего, товарищ Вознесенский, ресурсы обязательно появятся. Вот как наладим станкостроение, хотя строительство новых электростанций уже ведём. Зачем нам немецкие станки, американские машины?

Сталин и сам понимал, что страна нуждалась в перевооружении новой техникой заводов и фабрик. При этом он завидовал Вознесенскому за его способность улавливать ситуацию почти на лету и видеть экономические выгоды вживую, что было дано далеко не каждому...

В разные периоды своего общения с Вознесенским, когда его теперь не было в живых, Сталин, как никогда, ощущал себя экономически беспомощным человеком. Он перечитывал его научный труд «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» и вспоминал, как впервые его читал ещё в машинописном виде и как провёл над ним не одну бессонную ночь; и делал синим карандашом пометки, делал вставки и был даже горд, что есть у нас истинного пролетарского происхождения экономисты. К этой работе он возвращался не раз, пока она около года находилась у него на прочтении. А потом с его резолюцией пошла в печать.

Когда ему принесли последнюю работу Вознесенского «Политическая экономика коммунизма», над которой он работал в пору домашнего ареста, Сталин прочитал её за несколько ночей. И тогда у него возникло непреодолимое желание на её основе написать свою по экономике работу и сделать акцент на стоимости, которая его всегда интересовала...

Он, разумеется, и от себя скрывал, что был несвободен от зависти и думал грустно: «Почему я не такой, как Вознесенский, ум мой не так устроен, консерватизмом я страдаю...».

Когда ему доложили о пропаже более двухсот секретных документов по планированию, он вознегодовал. Выходит, Вознесенский не зря ездил в Германию знакомиться с немецкой экономикой. Вот тогда он и мог вполне передать немцам секреты своего ведомства.

Но, тем не менее, зная хорошо Вознесенского, его непревзойдённую никем из соратников принципиальность, преданность своему делу и скромность, Сталин долго не хотел в это верить. Однако в последние годы у него обострилась мания подозрительности к своему ближайшему окружению. Недаром он отстранил Молотова с поста министра внутренних дел, поскольку тот разъезжал по странам Запада и мог там встречаться с соотечественниками, которых выслал ещё Ленин, да и с тем же перебежчиком Керенским. Вот они могли настроить Молотова против него с целью уничтожения самым коварным способом.

Сталин также подозревал и Анастаса Микояна, который ему всегда казалось, мечтал сесть на его место, и по той же причине отдалил от себя Лазаря Кагановича. Хотя все трое для него не представлялись серьёзными соперниками. Он даже А. Жданова не рассматривал как своего возможного преемника. А когда тот неожиданно умер, Сталин перебирал в памяти всех, кто мог быть заинтересован в его смерти. И он вспомнил, как в 1946 году между секретарём ЦК А.А.Ждановым и Г. М. Маленковым, который в 1944 году стал заместителем Сталина, а через два года был введён в секретариат, между ними разыгралась борьба. Сталину же всегда был ближе Жданов своей безупречной преданностью, за это он перевёл того к себе поближе.

А сверхинициативный и даже бескомпромиссный Маленков, хоть и выказывал себя верным соратником (что даже стремился угадывать направление мыслей вождя, который у него весьма часто интересовался его мнением о политической благонадёжности руководителей наркомата и секретариата), тем не менее, именно своей всеядностью, что ему до всего было дело, он и наводил Сталина на догадку: «Почему Георгий так старается? Я поставил его всего лишь везде надзирать за кадрами, — размышлял вождь. — А он суёт свой нос даже туда, куда я не прошу. Почему он ссорится со Ждановым? Неужели как баба ко мне его ревнует? Это хорошо демонстрирует Берия. А Маленкову и Вознесенский не по вкусу, и Жданов. Ну, этот Берия, дождётся у меня за то, что ссорит людей. Я ему поссорю! Потому я и отстранил от ведомства госбезопасности, чтобы был ко мне ближе. Он хорошо умеет угождать. Лис, большой лис! Такой тем и опасен! С Маленковым Берия дружит, с Хрущёвым заигрывает, знает, что Никита, хоть и шут гороховый, но исполнительный. В рот мне заглядывает. Все оспинки на моей коже пересчитал. И Булганин чего к этой тройке прилепился? Я за то его и снял с поста министра обороны. Армию такому прохвосту-карьеристу было опасно доверять...

Нет, Хрущёв на заговор не способен. А вот Берия... с Маленковым могут объединиться. Кстати, Маленков мне всё о Булганине докладывает. Вот Каганович привёл Георгия в правительство для того, чтобы быть верной ищейкой врагов народа. Он с этой задачей хорошо справлялся и ещё готов напасть на след любого. Но зачем он так заводился со Ждановым? Ненависть у обоих к оппортунистам, либералам, космополитам. А вот между собой не ладили. И что привело к выводу Маленкова из секретариата. А потом Жданов вдруг умер! Не мог же Маленков врачей подговорить? А теперь для него первый враг стал Вознесенский. Что он на него прёт? Вот он и его погубил, а я всем и поверил. Сами документы выкрали из сэйфов, а обвинили Вознесенского! Но как я могу это доказать? Всех бы их надо расстрелять, вот только с кем тогда работать?..»

Сталин вдруг почувствовал сильное головокружение, а в ногах слабость, но об этом никому не сообщил. Он боялся говорить своему окружению о том, что уже часто повторяются недомогания. В такие дни, уже, будучи некурящим, он стал заговаривать о новом преемнике П. П. Пономаренко – прославленном партизане, слава которого, как и Жукова, не давала ему покоя. Но уже не отдавал себе отчёта в том, что этот человек, которого называл, моментально становился тайным врагом Берии, Маленкова, Хрущёва. А Булганин буквально всей душой трепетал при упоминании Пономаренко, которого побаивался, как бывшего прославленного партизанского командира и которого так высоко отмечал Сталин.

Между прочим, и Молотов, у которого, как известно, жена была еврейка, подозрительно относился к Пономаренко, наслышанный о его нелюбви к евреям. Поэтому такой преемник многих не устраивал вдвойне.

Сталин знал, как Маленков самостоятельно изучал политэкономику, старался поначалу дружить с Вознесенским, просил у него книги. Но Николай Алексеевич, хоть и не был мнительным, а больше доверчивым, в отношениях с Маленковым проявлял твёрдость и перед ним не очень откровенничал по вопросам экономики? Особенно его интересовала стоимость и планирование как два из главных законов.

Маленков, чувствуя сдержанность председателя Госплана, про себя раздражался; его круглое, припухшее лицо напрягалось. И он уходил прочь. А потом Маленков стал испытывать к главному экономисту, нет, вовсе не зависть, а злость, что тот держит его на расстоянии. Но так, впрочем, было не всегда, хотя члены Политбюро и члены ЦК не очень раскрывали свои знания друг перед другом, так как издавна сложился как-то сам по себе дух негласного соперничества. Но и Сталин его также поддерживал, чтобы никто из его окружения крепко не сдружился, не сходил в взглядах и чтобы они неукоснительно подчинялись исключительно одному ему.

Дух товарищества, однако, витал лишь весьма условно, не пронизанный, не подчинённый их единому делу служения народу. За многие годы и Каганович, и Микоян, и Молотов, и Ворошилов, и Маленков, и Хрущёв, и Булганин, и, тем более Берия, выработали свои мировоззрения. Но они их все скрывали, находясь в подчинении той государственной системы, которой было безразлично то, что они думали каждый в отдельности. Они были такими же винтиками, как и все, кто находился на службе у государства. Но их характеры и мировоззрения зависели друг от друга. Сталин это отлично понимал как никто. Для него явно непредсказуемых в аппарате, по существу, уже давно не было... Но он ошибался: они были, о чём до конца так и не узнает...

Винтики вращались вокруг своей орбиты, не меняя траектории, параметров. И было весьма трудно кого-либо заподозрить в инакомыслии. Сталин не был бы вождём, если бы не задавал тон в управлении государством. Берия улавливал настроение хозяина, даже ход его мыслей. Задумав оттеснить Сталина от государственных дел, он думал, что это делал только ему в угоду. Если высказывались им взгляды о будущем, надо было подготавливать почву для постепенной смены обстановки, которая бы для хозяина протекала весьма приятно и ему бы удобно жилось...

Берия собрал необходимый компромат на главного охранника, секретаря Поскрёбышева, медсестру-хозяйку Валентину Истомину, лечащих врачей во главе с академиком Виноградовым.

И Сталин, который не мог уже по старости всех контролировать, поверил Берии, что почти в одночасье была произведена замена всей охраны. А на место начальника охраны генерал-лейтенанта Н.С.Власика заступил ставленник Берии Орлов...

Всё это смахивало на стариковскую беспомощность и сентиментальность, коли Сталин проникся такой трогательной заботой соратников и поверил во все их небылицы? Хотя были они подготовлены и конкретными провинностями. Поскрёбышев якобы потерял умыш-

ленно секретные документы, за что хозяин бил его лицом по столу и заставлял найти бумаги. Валентна Истомина якобы была обвинена в связи с начальником охраны, академик Виноградов был обвинён в смерти А.А.Жданова и в подмене лекарств Сталину. А Власик ещё раньше обвинялся в особо крупных растратах рыбных деликатесных консервов. Так что все они получили как бы по заслугам.

Неужели у Сталина, несмотря даже на старость, как говорят историки, при хорошей феноменальной памяти, возросла подозрительность, что в каждом человеке из своего ближайшего окружения видел потенциального врага? И потому вдруг вот так легко он потерял бдительность, что у него даже и мысли не возникало: почему Берия, Маленков, Хрущёв, Булганин держались вместе? Нет, он иногда задумывался, а потом забывался в своих государственных делах...

Разве он мог безоговорочно поверить в то, что они творили, пользуясь его подозрительностью, и нагло удаляли от него преданных ему людей? И это «ленинградское дело» и «дело врачей», были направлены вовсе не на укрепление его абсолютной власти, а на захват её. Да потому он и поверил, что хорошо знал, кто долго занимает ответственные посты, те со временем теряют ответственность и уже не служат честно.

К тому времени Сталин правил страной тридцать лет. За это время он мог им надоесть только потому, что они видели другие пути развития страны. Сталин же, точно это понимая, неожиданно для всех заговорил о желании отказаться от планирования и перейти к свободной экономике. И только это могло повысить производительность труда и позволить перейти к созданию новых средств производства, что должно было привести к переоснащению всех производственных сил.

Сотрудники госбезопасности, используя систему доноительства и прослушку, пришли к выводу, что с уничтожением огромного числа руководителей новой формации, среди членов Политбюро и членов ЦК настроения как бы уравнились. И борьба за власть приняла скрытый характер. И потому считается, что интригующие суждения Сталина о преемнике были направлены на выяснение расстановки политических сил.

В роковой вечер с 28 февраля на 1 марта 1953 года Сталин пригласил четвёртку товарищей – Берию, Маленкова, Хрущёва, Булганина, не как своих соратников, а именно как своих скрытых соперников. Нет, Сталин не утратил бдительность, как это можно считать, он уже знал, почти знал следующие шаги этой четвёрки, когда до рокового для себя вечера, он во всеуслышание провозгласил:

– А я вот, товарищи, думаю, поторопился назвать своим преемником Вознесенского. У него закружилась голова, не выдержал, пошёл против меня. Документы, вы говорили, он продал... А теперь я хочу видеть на своём месте Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко. Он самый совестливый, умный, хороший аналитик событий, почему бы ему не возглавить страну? – Сталин, проговорив последние слова, не мог не улыбнуться, правда, только слегка, но с иронией и с искоркой задора в глазах. Но уже не с той энергией, а с налётом весёлой грусти. И посмотрел на всех по очереди, причём долго на каждом из четвёртки и других товарищах нарочно не задержался.

– На пятое число мы назначили пленум и ещё одно крупное мероприятие, – продолжал Сталин, быстро глянув почему-то на Берию, и тут же перевёл взгляд на Маленкова, отчего оба невольно ступешались, смутились и украдкой непроизвольно быстро переглянулись, опустив следом глаза, заметив при этом, как вождь смотрел то на Хрущёва, то на Булганина. Они тоже покраснели. – А теперь вы свободны. Вечером у меня встретимся...

Все знали, после войны Сталин любил собирать всех на поздний ужин, так как страдал бессонницей. Последние месяцы вождь чувствовал себя весьма одиноко, несмотря на то что из далёкой ссылки вернул Валентину Истомину, по отсутствию которой сильно скучал.

Берия не чаял от неё избавиться, и подговорил её мужа, чтобы вызвал жену домой. Не то он его самого засадит. Хотя Истомина с мужем уже почти не жила, находясь постоянно при хозяине с 1935 года, и оставалась при нём до его кончины...

Глава восемнадцатая

Николай Алексеевич Вознесенский был невысокого роста, с пронизательными умными глазами. Иногда взгляд его казался тяжёлым, нос от переносицы книзу широкий, губы припухлые, с правильным вырезом. Глаза тёмно-голубые, он производил впечатление человека, которому хотелось верить и доверять за его честность. В своих суждениях он был порой прямолинеен и суров, даже категоричен, ненавидел криводушие, трусость, неумение отвечать за свои поступки.

В семье Николай Алексеевич был третьим ребёнком, после старшего брата Александра и сестры Марии. Самой младшей была Валентина. Семья Вознесенских была родом из села Тёплое Черньского уезда Тульской губернии. Отец Алексей Дмитриевич отличался глубоким умом, душевностью, за плечами имел только два класса церковно-приходской школы, а мать Любовь Георгиевна сама выучилась читать и писать. В селе – они понимали – четверых детей не выучишь, не дашь хорошего образования. Именно такую цель они поставили перед собой: если им, родителям, выучиться не удалось, пусть уж тогда дети. И отец, и мать верили, что только образование способно вывести детей в люди. Поэтому они и решили в 1910 году уехать из родного села и поселились в уездном городке Чернь, где были купеческие лавки, постоянный двор, при нём, как тогда было заведено на Руси, имелся кабак. Столярная и распилочная мастерская, кустарная типография, кирпичный, спиртоводочный заводы. До переезда сюда Алексей Дмитриевич работал приказчиком у лесозаготовителя Соколова, вымерял делянки лесорубам, принимал от них готовый к отправке на склад кругляк. Этими скудными заработками отца и перебивалась семья, мать же вела домашнее хозяйство, скот, птицу.

В Черни Алексей Дмитриевич нашёл работу на бывшем лесозаготовительном складе того же промышленника Соколова. Но здесь больше нигде было найти доходную работу, зато дети могли учиться в школе, на что и рассчитывал Алексей Дмитриевич, страдая хронической астмой.

Был он высокий, костистый, грудь впалая, плечи выдавались несколько вперёд. И он, как мог, заботился о семье, поднимал на ноги детей. А мать всё так же вела домашнее хозяйство. С трудом собрали денег на дорогу и обучение старшему Александру, который поступил в Петербурге в университет на экономический факультет, где он был участником революционных событий, чем гордился за брата Николай, и немного ему завидовал...

Николай рано выучился читать; любил художественную литературу, к чему его, как и других детей, приохотила мать, Любовь Георгиевна, которая хоть школу не окончила, но умела читать и писать.

Сразу после революции умер отец, и семье стало жить трудно, наступали голодные дни, нищета. Иногда деньги присылал брат Александр, который подрабатывал, давая уроки. Николай на время бросил учёбу в школе и пошёл в столярную мастерскую, был и конторщиком в земельном отделе, даже торговал в лавке. Ещё, будучи юношей, он сошёлся с большевиком С.Н.Мелеховым, который давал ему читать книги и нацеливал на партийную деятельность. От него он узнал о Ленине и целях революции.

И уже в 1919 году Николай стал секретарём отдела печати Черньского уездного комитета и вскоре вступил в партию и возглавил там же комсомольскую организацию. И потом – заведующим отделом и редактором газеты «Юный коммунар». В 1924 году – на партийной работе, а после был направлен на Украину, где руководил агитпропом. Затем секретарь металлургического завода в Енакиево. В этом городе Николай познакомился со своей будущей женой Машей

Литвиновой, которая работала библиотекарем в клубе железнодорожников станции Дебальцево.

Мария Андреевна производила впечатление мягкой, женственной, с густыми русыми волосами, которые заплетала в косу и она получалась толстая и тяжёлая. У неё были поразительно ясные серые глаза, хотя не обладала яркой внешностью, но была очень привлекательная, симпатичная русская двадцатилетняя девушка. На четыре года моложе Николая. С ним она познакомилась на совещании по культурно-массовой работе. И тогда Николай сказал себе: «Это она, только она мне и нужна, но я посмотрю, смогу ли без неё жить!»

После знакомства с девушкой Николай Алексеевич почувствовал, что не может забыть Марию Андреевну. Несколько дней она не выходила из головы. Он позвонил девушке, назначил свидание. Мария Андреевна пришла вовремя. При близком знакомстве Мария оказалась не такой уж мягкой, она собиралась учиться, обладала ясным умом. Была начитана, рассказывала увлечённо о прочитанных книгах, даже пробовала писать стихи, рассказы. Но считала, что по-настоящему к этому не готова. Часто встречаться не могли, зато переписывались...

Меньше чем через год Николай Алексеевич сделал Марии Андреевне предложение.

– Коля, а не спешим ли мы? – спросила она, и прибавила: – Я буду ещё учиться, да и ты, наверно, тоже пойдёшь?

– Нет, Маша, я давно тебя люблю. Ты это знаешь, учти, врать – это не для меня. Мы должны узаконить наши отношения. Я не могу уехать на учёбу, не сделав этого. Говори: ты согласна?

– Может, да, а может, нет?! – покачала она головой, пытливо глядя на жениха.

– Почему ты во мне сомневаешься? – Николай привлёк девушку к себе, она заглянула ему в глаза. В её взгляде мелькнула лукавинка, снисходительная и вместе с тем пытливая искорка.

– А что же я должна тебе дать тут же ответ? – она даже не улыбнулась. – Может, ты меня проверяешь. И потом, тебя мои сотрудницы видели с двумя девушками, они из себя ничего. И говорят, бывают у тебя, а ты не знаешь, какой отдать предпочтение. Было же такое?

– Неужели я похож на хитреца, ловеласа? Эти девушки славные! Но не мои: ни одна не отозвалась в сердце так, как ты. Одному товарищу я говорил: как увижу девушку и пойму, что мне нравится, я ей скажу: «Ты моя!» Но мне долго ты не попадалась на глаза. Когда мы решили заняться делами культуры, я чувствовал, что должно произойти для меня знаменательное событие, которым оказалась встреча с тобой.

– И ты меня правда любишь?

– Да, Машенька, я теперь не представляю своей жизни без тебя, своего существования!

– Почему ты любишь так яростно спорить? – спросила она, напомним ему, как он отстаивал позицию Сталина по борьбе с кулачеством и перехода от единоличной жизни к коллективизации. А некоторые молодые люди видели в переходе села к коллективизации ломку уклада всей жизни, и коллективизация может привести к обострению ситуации...

– Потому что товарищ Сталин не может ошибаться. Я его поддерживаю, а Бухарин и Рыков ведут половинчатую политику. При таком раскладе дела планирование невозможно. Должна быть система, то есть единая экономика села и города. Нам нужны перемены. Надо изменить производственные отношения, как в городе, так и в селе. Индустриализация, коллективизация – две стороны медали. Они изменят и двинут жизнь по пути подъёма и прогресса. Я против патриархальной деревни, против безграмотных бородатых мужиков с кукишем в кармане. Они пашут, сеют по народным приметам, надо уже отходить от дедовских подходов в земледелии, надо всё подчинять науке и практике современности. Я работал на прижимистых малокультурных мужиков. Знаю этих жмотов! Частную лавочку закроем, и поставим монополию государственной торговли хлебом. А эти молодые люди – прихвостни Троцкого и Бухарина! Половинчатость нам не подходит...

– Грамотно ты говоришь, а что может произойти в результате ломки, например, сельской общины, ты себе это хорошо представляешь? Мой отец тоже хватил лиха. Рано осиротел, мама умерла. Но он самозабвенно любил музыку, женился, создал оркестр. Он тоже умер, как и твой отец, от астмы... Знаешь, он боялся революции. Я пела в церковном хоре. А потом его запретили. Правда, я училась уже в техникуме.

– Напрасно Андрей Маркович боялся революции! А хорошо жить в нищете, ходить в лаптях и постоянно испытывать чувство голода?

– Так ты говорил, что в лаптях не ходил?

– Зато знаю, что такое голод и когда не на что купить ботинки. Маша, я мечтаю создать новые экономические отношения, чтобы всем всего всегда хватало. Нет, нэпу уже подошёл конец. Я представляю, какой должна быть экономика при коммунизме.

– И денег не будет, и нищеты? Но это же невозможно, если в других странах останутся денежные отношения...

– Развить все производства до такой степени, что понятие дефицит сам по себе исчезнет, а спекуляция превратится в анахронизм.

– Коленька, мечтатель ты мой! – она, улыбаясь, покачала головой. – Хотела бы, чтобы ты достиг большого успеха. Но этого я пока не представляю, невозможно похоронить, изъять из жизни ни спекуляцию, ни дефицита, так как они есть тот инструмент (вспомни, как сам говорил), который существует для наживы и основы обогащения...

– Для социалистической экономики – это совершенно чуждо. Я читал «Капитал» Маркса, работу Ленина «Развитие капитализма в России». Конечно, трудно построить социализм в одной стране, хорошо зная, что мы не прошли полную стадию капитализма. А воспроизводство потребляемого есть непрерывный цикл, причём гибкий, не заикленный на одних и тех же товарах.

– Значит, ты считаешь, что нам не нужен социализм? Думай, Коля, что говоришь? Товарищ Сталин нэп отменил, а Бухарин выступил против волевого решения, чего экономика не терпит, если говорил... – но тут он перебил её:

– История – это не планомерное развитие, она ещё предполагает эволюционные скачки. Так что социализм без капитализма вполне возможен. Но одно планирование без конкуренции приведёт к тупику. Экономика – как часовой механизм...

– Коля, мне пора. Мачеха идёт, хотя она хорошая женщина, – прервала она Николая, но увидев, что он нахмурился, она прибавила: – Не бойся, я буду разделять твои экономические взгляды, авось твоя мечта из утопии превратится в реальность, она поцеловала его в щёку, привстав на цыпочки.

– Я очень рад, поэтому мы должны срочно пожениться! Я сообщу своим, и мы поедем ко мне. Нет, распишемся здесь. И будем жить вместе.

...Через месяц они стали мужем и женой. Правда, Мария Андреевна не взяла фамилию мужа, сказав, что обещала отцу сохранить её. Ведь он так мечтал иметь сына...

Прошло два месяца их безоблачного семейного счастья. Оба читали книги, иногда спорили. Мария Андреевна скоро уяснила, что она должна ему уступать, ведь Николай Алексеевич так самозабвенно штудировал книги по экономике, которые она приносила мужу. Хотя сама тянулась больше к художественной литературе. Он смотрел на них, вздыхал, говорил, как увлекался, читая дважды Л. Войновича «Овод», Н. Чернышевского «Что делать». Она знала, как он превосходно танцевал и пел, чувствовал слово и мог стать артистом и писателем. Но он выбрал другой путь. Значит, у каждого человека судьба зависит от каких-то других обстоятельств, но только не от него самого.

Уже где-то в середине лета Николай ушёл в отпуск, а через неделю и Маша. Мать его, Любовь Георгиевна, пригласила сына погостить у неё с молодой женой (она тогда ещё жила в своём городке Черни). И они поехали, ходили в лес по грибы и ягоды, строили дальнейшие

планы. Николай написал прошение на поступление в институт Красной профессуры, который в те годы считался престижным.

Вернулись опять в Енакиево, Николаю пришлось направление в институт, и он собирался к отъезду. А Маша поступила в институт народного образования в Харькове. Но не проучилась там и трёх месяцев, как по её просьбе была переведена в Москву продолжать учёбу во втором государственном университете, который позже стал педагогическим институтом имени Ленина.

Между прочим, Николай, будучи пылким, горячим, не мог долго терпеть разлуку и сделал всё, чтобы жену перевели учиться ближе к нему. Они жили на Остоженке в небольшом доме института красной профессуры. В 1930 году у молодых студентов родилась дочь Майя. И жизнь молодых родителей усложнилась. Любовь Георгиевна была готова воспитывать внучку. Но Маша перевелась на заочное отделение. Через год Николай окончил экономический институт красной профессуры. Его успехи были настолько внушительны, что молодого учёного-экономиста оставили вести научную работу. Однако не прошло и года, как его в качестве инспектора приняли в наркомат рабоче-крестьянской инспекции...

Для молодого учёного-экономиста обстановка складывалась как нельзя удачно. Однако в 1935 году Николая Алексеевича перевели в Ленинград, где он стал председателем городской плановой комиссии. И в тот же год к мужу с дочерью Майей приехала жить Мария Андреевна. Николаю дали квартиру, он обставил её, а до этого жил у старшего брата Александра, у которого в то время ютилась мать Любовь Георгиевна. С этого времени он стал стремительно расти по службе, заняв пост заместителя председателя Ленинградского горисполкома, чему способствовали повальные ежовские репрессии против старых испытанных хозяйственных руководителей.

За последние годы Вознесенский уже прочно стоял во власти, приобретя репутацию непоколебимого сталиниста, прочно освоил экономику, создал свою теорию политэкономии, став её чуть ли не ортодоксом. Хотя он всегда говорил, что ни один экономический закон не рассматривает в неизменном виде. И многие расценивали это, как слепое следование указаниям Сталина.

В период жизни и работы в Ленинграде Николай Алексеевич тесно сошёлся с А. Кузнецовым, Г. Попковым, М. Родионовым. Все они были почти сверстники. Бывало, собирались вместе у кого-нибудь на квартире или даче, и спорили по многим вопросам устройства общества. Они сходились во взглядах. Разумеется, тон спора задавали Вознесенский и Кузнецов. Оба выступали против сторонников троцкизма. Однажды заговорили о репрессиях, которые прокатились по стране после убийства в декабре 1934 года С.М.Кирова. Нужно ли их было проводить?

– Обязательно! – воскликнул Кузнецов.

– Смотря против кого, – заметил Вознесенский.

Мария Андреевна в это время занималась с дочерью Майей, до них долетали мужские голоса. И после она помнила, как эта фраза мужа, сказанная громко, почти с вызовом и задиростью, испугала её.

– Вот-вот, – вмешался Попков, – общество должно развиваться, а не истребляться.

– Петя, ты неправ! Сергей Миронович погиб от рук троцкистов и зиновьевцев. А кто они такие, мы знаем. А направили против Кирова неудачника и провокатора Николаева. наших русских вождей стреляют эмигранты! Из далёких веков пришли к нам. Своих бы и стреляли. Я считаю, идёт открытая борьба. Сталина хотят убрать. Но у него хорошая, надёжная охрана. Киров же был настолько уверен в своей популярности среди масс, что на его жизнь некому покушаться. Зиновьевцы почувствовали, что мы начинаем теснить их ряды, стали прибегать к террору. А Троцкий за океаном разрабатывает истребительные операции, писал бы уж мемуары.

– А я так не думаю, хотя предположить нетрудно, чем он там занимается, – начал Николай Алексеевич. – Самая лучшая борьба – это развитие социалистической экономики, под которой я подразумеваю – создание социалистической системы хозяйствования, чтобы экономисты капитализма почувствовали свой полный провал.

– Надо не забывать, как мы попали в большую политику, – заметил Михаил Попков. – Мы заменили тех, кто был отдан под суд...

– И что ты хочешь, мы не должны выяснять и разоблачать врагов? – спросил с вызовом Кузнецов, вытаращив на Попкова свои чёрные глаза.

– Полно вам задирается! – с долей возмущения вмешался Вознесенский, который избегал говорить о проводимой Сталиным жёсткой политике, хотя он никогда не сомневался в её правильном проведении. – Наша цель – улучшать жизнь людей, хотя руководители у нас разные. На словах у них всё идёт гладко, а на деле – только личная жизнь да карьера!

– Нет, товарищи, будем откровенны: хватит искать врагов, взаимная подозрительность – опасное занятие, – возразил Родионов. – На это столько сил уходит. И вообще, мнения у нас с вами разные! Не сходимся во взглядах. И в то же время говорим о взаимопонимании, единстве взглядов. А сами знаем, что лжём народу, который не догадывается даже, о чём мы сейчас тут говорим. Я бы предложил сменить систему подозрительности – это же не секрет, что она искусственно насаждается не руководством партии, а низовыми звеньями из желания продемонстрировать бдительность. И плюс страх, что как бы самому не попасть в списки неблагонадёжных. И насаждается она, чтобы мы с вами видели друг в друге противника, чтобы доносили. Ведь в атмосфере страха легче управлять?..

– Миша, твои рассуждения смахивают на махрового оппортуниста и ревизиониста, который в нашем стане только для раскола и значится, – перебил Кузнецов. – Подозрительность, соглашусь, нехорошее, дрянное явление, когда её используют с целью расправы с неугодными. Разве они могут быть в партии, когда мы знаем, что им давали рекомендации проверенные товарищи? Значит, притворялись, чтобы принять своих пособников. Но мы должны не забывать, как в нашу партию с целью дестабилизации, попадали сомнительные личности. К примеру, Троцкий, который никогда не был большевиком. Какой-то там эсер. Или уклонист Н. И. Бухарин, не соглашенец Рыков, подпевала Томский. И ещё многие их последователи по всей стране. Они, мы знаем, не признавали политический курс товарища Сталина, и как тогда они могли быть и дальше в партии?

– Товарищи, что же получается: всех попутчиков наших надо было расстрелять? – удивлённо сказал Попков. – А не лучше ли ограничиваться только изгнанием из партии?

– А ты можешь представить вне партии Бухарина или Троцкого? Эти большие деятели не сидели бы, сложа руки, имея в народе популярность политических вождей, если бы их оставить жить, – запальчиво возразил Кузнецов.

– Правильно Алёша говорит, – вставил нервно Вознесенский и его щёки побледнели. – Наша партия не может ошибаться. Борьба не терпит соглашательства, уступок оппонентам. Это привело бы к тому, что твёрдый, выверенный курс построения социализма не состоялся бы. Всякая борьба предполагает жертвы. Если бы я, проводя теорию социалистического распределения, ошибусь, или неверно её буду воплощать, это неизбежно приведёт к искажению сути нашего курса социальной справедливости...

– Мне кажется, этот путь гибельный, то есть не социализм... А путь уничтожения врагов, – заговорил Попков. – Мы создали мясорубку! Я не уверен, что каждый из нас не попадёт в неё. Так что, Коля, ты неправ. Коллективного руководства, – это надо чётко признать, – у нас нет. Ленин хотел, но и он навязывал ту политику, которую считал единственно верной. Но с ним не согласился Троцкий. Товарищ Сталин – верный продолжатель дела Ленина... Но когда-нибудь эта мясорубка и его поглотит, как поглотила всех парижских коммунаров!

– Да как ты смеешь так смело заявлять! – вскричал Кузнецов. – Ты нас тоже засовываешь в мясорубку? Я за русский народ, за создание русского государства. У всех народов есть республиканская власть, есть столицы. А Москва – столица СССР! А у РСФСР нет столицы. А, каково?

– О боже, надо видеть последствия всякого заведённого механизма! – протяжно, тоном убеждения проговорил Пётр Сергеевич. – Причинно-следственные обстоятельства говорят сами за себя.

– Диалектик нашёлся! – вспыхнул Кузнецов, хотя в душе соглашался с Попковым.

– А ведь ты прав, у нас нет своей государственности, – сказал Вознесенский. – Надо товарищу Сталину подсказать, как он на это посмотрит?

– А вы думаете, товарищи, он не знает? Ему не выгодно так смотреть, как мы, – сказал Родионов. – Это специально сделано ещё Лениным, да, специально, чтобы в случае переворота, заговорщики-великороссы остались с носом...

Посчитайте, сколько тогда в правительстве было русских? То-то и оно, расчёт их был верен! Уничтожить русскую государственность... и вся не долга.

– Меня это волнует меньше всего. Я озабочен одним: экономическим образованием масс. А русский этнос как был, так и будет могучим большинством! Я также озабочен и созданием базовых экономических предпосылок для вытеснения политических аргументов в руководстве страны. Если экономика будет работать по своим объективным законам в необратимом режиме, то политика вся будет подчинена не подозрительности, а экономическим задачам наращивания и совершенствования её необратимого механизма. А волевое планирование подрывает производственные силы и сводит на нет производительность труда, – сказал решительно Вознесенский.

– Коля, ты блестящий теоретик и практик! – заметил, Родионов, иронично улыбаясь. Его серые глаза излучали доброжелательность. – Почему же цены растут, если ты говоришь, чем выше производительность труда, тем больше товаров и тем ниже их конечная стоимость?

– Миша, мы же все боремся с таким планированием, когда одним план поднимаем, а другим снижаем с тем условием, что сохраняется норма выработки. А если сказать честно, то план, чтобы его выполнить или перевыполнить, выгодно получать премии. Но у нас часто бывает последнее, то есть любой план к повышению приводит к припискам. Кстати, то же самое грозит и при повышении нормы выработки. А фактический план и тот, что в отчётах не совпадает с реальным. Мы это всё видим, а с приписками вон даже и «Крокодил» борется. А толку пока никакого. Поэтому планирование и выпуск товаров – это не одно и то же. Мы не всегда знаем, что такое спрос, и что есть предложение. У нас всё основано на стандартах и унификациях. Нашили обуви, одежды, а народ её не берёт. Не отвечает его запросам и вкусам и тому, что мы называем модой. И вот её-то при планировании мы совсем и не учитываем. То же самое происходит и с продовольствием, когда продукты выпускаем в нарушение ГОСТов. Хотя тут дела идут получше! И в то же время государственная торговля и торговля рыночная никогда не сойдутся на одних и тех же ценах. Спекуляция вызывается недостатком товаров любого назначения и вида. Конвейерный выпуск не нужной продукции губит и подрывает экономику. Значит, нужны специалисты и новое оборудование. Зачем нам валовой продукт, который не пользуется спросом. Вот поэтому дорога на наши рынки импорту закрыта. Так и происходит затоварка, тогда откуда брать оборотным средствам, если товар лежит на складах? И как, чем платить зарплату рабочим и служащим? Из бюджета? Но он создаётся совсем на другие цели.

– Да, верно, Коля, когда репрессиями сокращается население, когда оно загоняется и подчиняется государственным интересам, его стратегическому развитию, когда жизнь людей перестаёт быть главной ценностью, – говорил Родионов, – когда жизнь ничего не стоит, а люди превращаются в лагерную пыль, то у такого государства очень много проблем, которые сгубят его и оно долго, даже сотни лет не продержится...

– Мы построили социализм... – начал было Кузнецов, но его перебил Вознесенский.

– Нет, Алёша, пока его только основы. Это опять-таки в отчётах партия перед народом пыль в глаза пускает. Пусть, дескать, народ верит, что это так. И получается, мы себя обманываем. За двадцать пять лет советской власти так и не справились с нищетой. Деревня прозябает и медленно-медленно развивается, где ещё нет электричества, водопровода, всех городских удобств, где расчёт производим натуральным продуктом. Меновый обмен там выражается так: колхозник отдаёт труд, за который получает хлеб. Это порождает теневую экономику, так как зерно колхозник вынужден продать и получить деньги. Колхозники не получают пенсию, не везде даже врачебную помощь. Если бы все эти блага были там, людям действительно веселей стало жить. Я бы так и сказал товарищу Сталину, когда бы он у меня спросил. Почти десять лет коллективизации. В газетах пишут, что в селе остался высокий процент единоличников, но это не так. На самом деле их уже давно нет. За единоличников считают лодырей, которых исключили из колхозов. А он, этот лодырь, возится на клочке земли. Сельсовет его отрезал, а бывший колхозник вместо того, чтобы вернуться в колхоз, уезжает из села. Этот невысокий показатель выдают за демократичность нашего общества. Вот мы и хотим создать необратимые механизмы экономики, которые изменяли показательно жизнь к лучшему и государство тогда добровольно откажется от собственности, которая по-прежнему не в руках народа, а у государства...

– Извини, Коля, говорят, товарищ Сталин любит правду. Но не ту, о которой ты говоришь, – сказал Кузнецов. – Но ты не бойся, я ему не доложу о твоём инакомыслии. Оно нам не опасно, оно нам нужно для расклада мнений, что у нас могут думать по-разному, что у нас возможно разномыслие, что мы за это не сажаем.

– Я не лицемер, Алёша, хоть ты ехидствуешь, но учти, товарищ Сталин всё знает. Я думаю, он знает то, в каком положении пребывает деревня. Поэтому скрывать правду о деревне – преступно. Трусливые руководители так и делают, и за это идут под суд. Таких примеров хватает, а вот примеров честности, порядочности, непредвзятости – большой дефицит. Почему товарищ Сталин уважал товарища Кирова?

– Он тебе об этом лично говорил? – усмехнулся Попков.

– Не смейся, Петя! Я ему уже говорил о положении в экономике деревни и города и в целом всей страны. И он меня поддержал. Товарищ Сталин сказал: «Вот вы, товарищ Вознесенский, хорошо, убедительно говорите, вот и делайте так, как говорите. У нас много экономистов. А не все понимают, как надо правильно строить социализм. Они, эти многие, только и делают, что умеют манипулировать цифрами. А нам нужна работа честная, продуктивная: сколько у нас зданий, жилого фонда, лесных и природных богатств и ископаемых, сколько пахотной и залежной земли, сколько нужно для обработки её тракторов, плугов, человеческих ресурсов. На какую сумму рублей они тянут. Мы строим социализм, а Чаянов, Кондратьев, Базаров, Громан, Юровский, Рубин, Гинзбург в один голос говорят – губим природу, фальсифицируем баланс народного хозяйства. Они говорят о диспропорциях во всех отраслях. Мы за баланс, а они о диспропорциях. Так нужны нам такие экономисты, которые не выяснили, что такое стоимость, а нам говорят об искажениях в народном хозяйстве? Нет, нам такие экономисты не нужны. Вот вы и должны воспитать новое поколение политэкономистов, которые будут развивать и дальше социализм. А не разоблачать наши недостатки...».

– А что, Коля, прав товарищ Сталин? Но ты превосходный артист! Как точно интонационно передал слова вождя! Разве такие ревизионисты нам попутчики? Они делали всё, чтобы убедить партию в неверности курса. Они ещё не стали убеждать в преимуществе капитализма над социализмом?

– Нет, с таким выводом я не согласен. Эти экономисты во многом были правы. Но они, указывая на просчёты, не понимали, что мы идём первые в мире по нехоженому никем пути...

– О, Коля, позволь с тобой не согласиться! Мы вступили в пятую общественную формацию, – сказал Родионов. – Капитализм у нас не состоялся: страна лапотная, нищая, феодально-патриархальная. Объективная реальность – никто мимо не проскочил ни одной формации развития... А эволюция этого уклонения не стерпит. Надо всё пройти. И капитализм с ходу не устанавливается. Его выдвинули на замену феодализму, зашедшие в тупик производственные отношения, которые отрицали подневольный обесцененный труд, а в России к тому же долго существовало крепостное право, оно и сдерживало зарождение капиталистических отношений. И вся Европа над нами смеялась. А мы, взяв курс на сплошную коллективизацию, наступили на те же грабли, создав подневольную колхозную систему, растоптав сельскую общину, которая у нас существовала ещё со времён Рюриковичей. Село тогда развивалось вовсе не по указанию князей, а по социальным заказам, и крестьяне их выполняли, получая за продукцию и свой труд деньги и землю. Князья же только велели крестьянам селиться на новых землях. И, крестьяне, имея много детей, отселяли их на те земли, где строили им дома. Так возникали новые сёла, города, а что сейчас происходит? Видим мы зарождение новых сёл? Ту же самую практику насаждал и Столыпин. Но убийство премьера и революция всё перечеркнули...

– Да ты понимаешь, что ты говоришь? – вскричал Кузнецов. – Колхозы – это не возврат к крепостному праву, это та же русская общинная действительность, но со своими законами. И плохо, вредно, Петя, хоть революцию! А то, смотри, чтобы в расход не пустили и нас вместе с тобой...

– Вот как ты считаешь! Я прилежно изучал историю. А сейчас о древней Руси – в учебниках почти ничего не говорится, будто той Руси не было. Забвение истории может только навредить движению вперёд! Надо продолжать и совершенствовать опыт предков, а не выдумывать новую подневольницу. И не признавать или не замечать эволюционный принцип нельзя. В колхозе земля принадлежит не колхозникам, они как наёмные, поэтому не заинтересованы работать с высокой отдачей...

– Да, в те времена редко уходили из деревни в город. А сейчас это уже тенденция, корни подрублены. После войны в город народ повалил, ему нарезают землю, люди активно строятся. Встают новые пригороды. А деревня пустеет...

– Ничего, не обедняет. Зато подскочила рождаемость, – вставил Родионов. – Аборты надо было запретить ещё до войны. Война выбила городское и сельское население, поэтому деревня восполнила утраченные человеческие ресурсы...

– Россия затерялась не среди Мордвы и Чуди, а среди братских республик. Им мы всё поставляем, а что от них получаем назад? Не пора ли вернуть России статус основополагающего государства? – напомнил опять Попков.

– Ты предлагаешь вернуть Россию на карту вместо СССР? А что подумают народы этих республик? – спросил Кузнецов.

– Не играйте в опасную игру, – сказал Вознесенский. – Сепаратизм или национальная гордость, превосходство русских над другими национальностями пахнет русским шовинизмом. Хотя очевидно: мы живём в России, а столицу свою отдали СССР. Конечно, очень заманчиво сделать её Ленинград! Но нас бы опять обвинили в противопоставлении самой большой нации национальным меньшинствам. Так что самый верный путь – это тот, о котором я уже говорил: развитие не одной плановой экономики, но и поиски новых решений для стимуляции воспроизводства и производительности труда. И тогда о национальном вопросе и гордости великороссов можно забыть...

– Я бы обеими руками поддержал тебя, Коля, – с грустью сказал Родионов. – Надо бы создать настоящие выборные органы, чтобы народ избирал самых лучших. Тогда это избавит

от подозрительности, что кто-то роет тебе яму. Сразу создалась бы здоровая, состязательная атмосфера.

– О, куда тебя, Миша, занесло! – усмехнулся Попков. – Кто нас поймёт? Нет, в новые декабристы я не хочу угодить...

– Ничего, друзья мои, – приподнято сказал Вознесенский, – поверьте, если создать экономику со всеми её основными постулатами, она научит тому, как надо работать! Многие ведомства, которые выполняют исключительно бюрократические функции, но не выполняют свои прямые обязанности, то есть перестраховываются и надеются на смежные ведомства, то зачем нам тормоза? Они должны отпасть, поскольку экономика подчиняется не воле чиновника-бюрократа, а своим объективным законам, которыми нельзя управлять как хочется. Прибавочная стоимость при социализме и при капитализме одна и та же. Другой не может быть. Нам объясняли, что капиталист эксплуатирует рабочих, создав эту прибавочную стоимость. Рабочий работает на себя только четыре часа, а восемь – на хозяина. Государственный капитализм есть более точное определение нашего социализма. Социализм подразумевает доленое участие рабочих и управленцев в коллективном владении собственностью на все средства производства. У нас говорят: фабрики и заводы, недра и леса принадлежат народу. Но на самом деле этого ничего нет. Все богатства, вся собственность – государственные...

– Всё, всё, товарищи, довольно! – воскликнул Кузнецов, поднимая кверху обе руки, хлопнув дважды в ладоши. – А то мы сейчас договоримся до мирового заговора. Товарищи, мы же не сионисты, ни троцкисты? И пора нам расходиться. А то я видел как Мария Андреевна подходила к двери...

– И что ты, Алёша, хочешь этим сказать? – спросил не без ревности Вознесенский. – Подслушивала? Может, скажешь, что она прислуживает госбезопасности?

– Да ничего, наверное, за тебя беспокоилась! А то, о чём ты сказал – исключено! Я ей верю, так же, как и тебе, Коля. Вы редкая, гармоничная пара, очень дополняете друг друга...

– Спасибо... Ну что же, как говорится, засиделись мы, прозаседались, как нынче модно говорить. Мне ещё надо поработать над своей теорией.

И почти все разом встали. Но знали ли они, что именно этот разговор был прослушан и записан, потом лёг в основу обвинения в государственной измене...

Глава девятнадцатая

После совещания в Подмоскovie руководителей, как сельских райкомов партии, так и председателей и директоров самых крупных колхозов и совхозов, было официально объявлено о втором этапе укрупнения мелких колхозов, а некоторые из них надлежало преобразовать в совхозы. Как уже известно, после войны Сталин не хотел менять политику сельского хозяйства. И это было его серьёзной ошибкой. Главной же целью было подтянуть отстающие колхозы, присоединив их к передовым артелям, чтобы неустанно увеличивали урожайность, надои молока, прирост мясной продукции. Послевоенная инвентаризация обрабатывающей землю техники, показала, что в мелких колхозах низко было поставлено обучение механизаторов своему делу, и плохо подготовлены ремонтники в МТС.

По этой причине техника часто ломалась и выходила из строя, а после нескольких ремонтов её списывали. Некоторые руководители считали, что машинно-тракторные станции тормозили развитие колхозов и совхозов, которые далеко не все имели в достаточном количестве свои трактора, комбайны и все пахотно-сеятельные и обрабатывающие агрегаты. Вот и на совещании, которое проходило не в Колонном Доме Союзов, а, как было сказано, в Подмоскovie и длилось три дня, многие делегации от своих краёв, областей и республик выступали за упразднение МТС. Делегаций было столько, что все сразу не вместились в зале, однако пришлось провести совещание сначала для Дальнего Востока, Восточной, Западной Сибири,

Алтайского края, потом для всего Урала, Поволжья, Нечерноземья, затем для Краснодарского, Ставропольского краёв и всего юга России.

Многие председатели колхозов, которые стали ими после войны, да и районные, областные, краевые партийные руководители не увидели Сталина вживую. Говорили, он не смог приехать и вместо себя прислал Н.С.Хрущёва. А до этого только в газетах, слышали его голос по Всесоюзному радио, телевидению тогда широко не было распространено.

Так что на том трёхдневном совещании работников сельского хозяйства РСФСР И.В.Сталин так и не появился. Вместо него выступил с краткой приветственной речью Хрущёв, обозначив повестку предстоящей ответственной работы на местах. Но кто видел Сталина до войны, знали, как он умел зажигательно, темпераментно и живо выступать. Теперь же, когда война отняла у него много духовных и физических сил и заметно пошатнула здоровье, вождь выступал, непривычно замедленно, с паузами, не так решительно и боевито, а будто с какой-то опаской, при этом он поднимал руку. А то и вовсе чуть вперёд себя выставлял полусогнутые в локтях обе руки, будто приготавливаясь к дирижированию оркестром. И полагали, точно его кто-то принуждал говорить не от всего сердца, а из необходимости показать себя, что он ещё может руководить большой страной и рано его списывать с политической сцены. Но теперь, похоже, он уступал своё место более молодому Хрущёву, который передал от Сталина горячий привет и боевито продолжал:

«Товарищи работники сельского хозяйства, товарищи партийные руководители нашей великой Ленинской партии! Мы не сегодня начинаем объединение мелких колхозов, мы его начали частично ещё до войны, частично после победы над фашистской Германией. С 1946 года товарищ Сталин проводит политику снижения цен на питание, на отдельные промышленные товары, но об этом вы, товарищи, знаете из газет!

А теперь я хочу обозначить ту цель, к которой мы стремимся. Кому она неясна, я объясню. Мы создаём крупные колхозы и снабдим их в большом количестве новой техникой через МТС. Они получают новые трактора, комбайны, грузовики, плуги, сеялки, культиваторы, бороны, вейтельные и сушильные агрегаты. Мы будем продолжать прерванную войной электрификацию деревень и сёл самых отдалённых районов, мы будем строить новые дороги и развивать мелиорацию.

Если мы этого добьёмся, наши колхозы и совхозы значительно повысят урожайность всех зерновых, продуктивность птицеводства, животноводства и свиноводства. Это позволит нам создать обилие продовольствия для решения других не менее важных народнохозяйственных задач и дальнейшего социалистического строительства. Во-первых, мы дадим толчок для развития тяжёлой и лёгкой промышленности. И создадим базу для резервного накопления сырьевых и продовольственных запасов.

Все наши колхозы станут зажиточными, и колхозники заживут богато. Но мы не допустим, как уже предлагается нашими некоторыми руководителями не только на местах, но и в центрах всех республик, взять курс на создание колхозных посёлков, агрогородов, при этом предлагают выселять, переселять из деревень в эти самые агрогорода сельское население. Мы этого не допустим, если следовать по предлагаемому пути, мы можем потерять не одни деревни, но и людей, которые там связаны с землёй всеми своими корнями. Не всем понравится бросать свои дома. Во-вторых, агрогородам, говорил на отчётном Пленуме ЦК товарищ Сталин, предлагают вбирать в себя население из окрестных деревень и сёл, которые будут сломаны. Это сколько понадобится транспорта, говорил товарищ Сталин, чтобы доставлять на удалённые поля колхозников из агрогородов?

Так что, товарищи, это моя задумка, и я каюсь в том, что писал в газете «Правда», по уничтожению удалённых деревень, для нас сейчас нереальна, которая потребует огромных материальных и людских затрат.

На этом, товарищи, позвольте закончить выступление. Желаю успешного решения поставленных перед вами партией неотложных задач. Товарищи, спасибо за внимание!»

И не успел Хрущёв сойти с трибуны, как раздались оглушительные шквальные аплодисменты. И весь зал встал и скандировал: «Сталин – наш вождь и учитель!» Да здоровствует великий Сталин!» И по мере того, как Хрущёв продвигался от трибуны к президиуму, чтобы занять своё место в центре, возгласы приветствия не умолкали.

Когда Хрущёв сел, а потом встал, поднял руку, и в зале ещё не до конца установилась тишина, он сказал: «Если не замолчите, я встану и уйду!» И зал мгновенно стих. Может, уже на том закрытом совещании Хрущёв готовился примерить к себе высшую партийную должность, так как был уверен – эпоха Сталина катилась к закату...

Между прочим, на том совещании не присутствовал даже первый заместитель премьера И.В.Сталина Г. М. Маленков, который сразу после войны предлагал вождю списать с колхозников все недоимки по налогам и поднять закупочные цены. Это бы значительно сократило государству затраты на поддержку убыточного сельского хозяйства и увеличить закупку техники для МТС. Причём Георгий Максимилианович также тогда впервые заговорил о реорганизации МТС, так как посредническое звено в сельском хозяйстве уже давно было признано невыгодным для государства и самих колхозов, которые отдают много хлеба в счёт оплаты труда механизаторам, большинство которых работают со стороны. Если колхозникам на трудодень выдавали один килограмм зерна, то механизаторам МТС по три. Между прочим, это он слышал от самого председателя Госплана Н. А. Вознесенского, авторитет которого в экономике тогда считался непререкаемым, несмотря на то что самого его Маленков, как уже было замечено, ненавидел. И он же его сам и арестовал в своём кабинете по обвинению в измене. А всё оттого, что тот был всесторонне экономически образованным, в чём превосходил и Маленкова, и других руководителей партии и государства. И когда Вознесенского не стало, первое время его было не кем заменить. Но что тогда говорить о полководцах, которых Сталин уничтожил с лёгкой руки германского вертмаха, когда тот искусно подкинул через чехословацкого президента Эдуарда Бенеша дезинформацию. А точнее, клевету, что Тухачевский, Якир, Блюхер – это одна команда, которая сотрудничала с германской разведкой, чтобы совершить в СССР государственный переворот и после устранения Сталина захватить власть...

В этом отношении Сталин, имея на руках, как он считал, неопровержимые факты, а на самом деле истинно не расследованные, не колеблясь, расстреливает «германских шпионов». И ему было наплевать на то, что они являлись героями Гражданской войны. А по всей стране таких красных командиров нашлось около сорока тысяч.

Так Германия выбила из строя лучший офицерский цвет Красной армии и обезглавила её. А Гитлер, добившись от своей разведки желаемого, удовлетворённо улыбался и потирал руки.

Точно так же Сталин безоглядно расправился со всеми видными старыми экономистами, впрочем, не только. Нет такого ведомства, предприятия, колхоза и совхоза, чтобы не прошла по невинным головам его карающая секира. И как-то не вяжется тот факт с сотнями тысяч убиенных и с тем, что он считал себя всерьёз русским, ибо с мнимыми врагами поступал, как восточный деспот, для которого пролить кровь подданных, как раздавить насекомых, которые причиняли неудобства. Хотя эти подданные истинно невинные, но между тем виновные только потому, что стояли у него на пути и мешали двигать стратегию развития страны...

Вот и Хрущёв после своего выступления на том совещании пытался покаяться, боясь расправы Сталина. Может быть, вождь и уничтожил бы его, но тот умел исполнять все его поручения. К тому же Хрущёва он воспринимал за истого шута, который ловко подыгрывал своему хозяину. Вот и уцелел Никита Сергеевич и не был снят с высокой должности секретаря ЦК, так как вовремя покался на заседании Политбюро во всех своих, как он сам характери-

зовал свои действия, бессознательных ошибках, желая сделать, как лучше, и вполне искренне покаялся. А такое качество Сталин ценил весьма высоко в любом руководителе.

Но удивительно и то, что Сталин не увидел в предложениях Хрущёва по упразднению неперспективных деревень стремления к лидерству, и это произошло потому, что он давно приметил в Миките черту прислужника и угодника. И в силу этого он не мог разглядеть в таком хитреце возможного заговорщика, на что у вождя было выработано безошибочное чутьё. И в преемники он тоже искренне не метил, так как за ним не усматривалось даже тайное и явное стремление к самовыдвижению себя в первые ряды.

Если рассматривать личность вождя как потенциального диктатора, надо ещё учитывать и тот факт, что Сталин любил окружать себя наряду с умными, которые предлагали своё видение развития страны, так и теми, которые ничем ярким не выделялись. И как ни странно, именно таким был Хрущёв. Этого «шута горохового» и верного клоуна своих вечерних застолий, званых обедов и ужинов Сталин и в мыслях не держал как своего возможного преемника и лидера партии и правительства.

У него, конечно, была привычка приглашать на свою дачу не только самых близких и верных, но и тех, кто вызывал к себе повышенное внимание. Но что касалось маршала Г. К. Жукова, то его Сталин никогда не приглашал вместе с теми, кого считал завсегдатаями своих застолий.

В последние годы, когда почувствовал приближение неизбежной старости, он особенно испытывал одиночество и потому эти ежевечерние и ночные застолья у него поднимали настроение. К тому же они были все у него на виду, и потому никто не мог организовать заговор. В старости, когда знаешь, что у тебя за плечами сотни тысячи казнённых и миллионы прошли через лагеря, наступает момент ответа за содеянное перед божеским судом. Но Сталин старался отгонять от себя такие минуты прозрения, наоборот, он был уверен, что ни в чём не виновен, так как от имени Бога судил тех, кто оступился...

На застольях, в понимании Сталина, хоть и присутствовали соратники по партии, но все они перед ним, гениальным и великим, пигмеи и карлики, о чём единодушным хором ему внушали радио, газеты и журналы. Но Сталин не всегда любил слушать свои речи и то, что о нём сообщали и писали... Его удивил поступок Хрущёва, когда тот напечатал статью. Пришлось того осадить, потому что с ним не посоветовался...

Так что Хрущёв покаялся и с него как с гуся вода. Но каялся он вовсе не на газетной полосе, а лишь в узком партийном кругу...

Ответом Хрущёву было «Закрытое письмо ЦК ВКП (б) о задачах колхозного строительства в связи с укрупнением мелких колхозов 2 апреля 1951 года». В секретном тогда документе Сталин подверг критике тех руководителей, которые извращали линию партии в колхозном строительстве. Но поводом к появлению закрытого письма стали не факты искажения курса укрупнения колхозов, а именно статья в «Правде» Н.С.Хрущёва, который потом писал вождю:

«Дорогой товарищ Сталин!»²

Вы совершенно правильно указали на допущенные мною ошибки в опубликованном 4 марта с. г. выступлении «О строительстве и благоустройстве колхозов».

После Ваших указаний я старался глубже продумать эти вопросы. Продумав, я понял, что всё выступление в целом, в своей основе является неправильным. Опубликовав неправильное выступление, я совершил грубую ошибку и тем самым нанёс ущерб партии. Этого ущерба для партии можно было бы не допустить, если бы я посоветовался в Центральном Комитете. Этого

² Статья Н. С. Хрущева «О строительстве и благоустройстве в колхозах», опубликована в «Правде» 4 марта 1951 г. Прим. Авт.

я не сделал, хотя имел возможность обменяться мнениями в ЦК. Это я также считаю своей грубой ошибкой.

Глубоко переживая допущенную ошибку, я думаю, как лучше её исправить. Я решил просить Вас разрешить мне самому исправить эту ошибку. Я готов выступить в печати и раскритиковать свою статью, опубликованную 4 марта, подробно разобрать её ошибочные положения. Если это будет мне разрешено, я постараюсь хорошо продумать эти вопросы и подготовить статью с критикой своих ошибок. Прошу до опубликования посмотреть статью в ЦК.

Прошу Вас, товарищ Сталин, помочь мне исправить допущенную мною грубую ошибку и тем самым, насколько это возможно уменьшить ущерб, который я нанёс партии своим неправильным выступлением.

6 марта 1951 года

Н. Хрущёв».

Но то, как Никита Сергеевич поступит с «закрытым письмом ЦК», к этому мы вернёмся позже, чтобы показать, насколько были ничтожны все те партийные решения, которые должны были ускорять развитие сельского хозяйства. Но они не только не способствовали этому и не облагораживали село, а продолжали его раскрестьянивать, что некоторыми современными историками преподносится, как явления, которые способствовали поиску новых форм возрождения села, и оно должно было сближаться с городским жизнеустройством.

Почему-то не все историки рассматривают диалектически те явления, которые поступательно привели село к тому состоянию, в котором оно находится сегодня. В наши дни снова насаждаются хрущёвские способы обустройства села с помощью крупных агрофирм, которые, скупая за бесценок крестьянские земельные пай, которые достались им после роспуска колхозов, становятся крупными собственниками земли, а сельские жители превращаются ими в наёмных рабочих. А власти наивно думают, что они, наконец, вывели село на столбовую дорогу единственно правильного развития сельского хозяйства.

Но прежде чем убедить сильных мира сего, необходимо вернуться к исторически последовательному повествованию, чтобы рассмотреть все те явления и события 50—60-х годов XX века, которые и привели село к завершающему этапу его уничтожения как главного хребта, на котором строилось и держалось веками русское государство...

Итак, с того совещания, о котором в газетах не сообщалось, что в нём даже лично не участвовал товарищ Сталин, настроив работников сельского хозяйства на созидательный лад, разъехались делегации по своим заветным уголкам большой страны. Зато писалось, что на нём присутствовал Н.С.Хрущёв. И началось укрупнение колхозов, и нам тоже пора вернуться к прерванному повествованию о жизни посёлка Новый и коснуться прилегающим к нему окрестностям, где также вскоре произошли коренные изменения, после того, как состоялось, сначала областное совещание, затем в Новочеркасском райкоме партии, куда были приглашены председатели колхозов. Григорий Карпович Павленко представлял колхоз имени Горького хутора Большой Мишкин, в который входил и бывший колхоз «Мировой Октябрь», а также от «Трудового Хлебороба» Иван Григорьевич Бурцев. От колхоза имени Кирова председатель Гаврила Харлампиевич Корсаков. Был также приглашён и бывший председатель колхоза «Мировой Октябрь» хутора Александровка Михаил Иванович Самохин. Этот колхоз, хоть и присоединили в 1947 году к имени Горького, но какое-то время он ещё работал самостоятельно, так как и сами колхозники и председатель Самохин хорошо не понимали, зачем нужно было присоединять, коли оно нисколько не улучшило их дотоле слаженную работу, а наоборот – внесло какое-то смятение и разброд.

Колхозники не понимали, зачем им посторонний председатель, когда они привыкли к своему? А Павленко, который стал единым председателем, тоже по-своему понимал чаяния alexандровских и особо не встревал в их работу, только требовал представлять ему еже-

квартальные и годовые отчёты по всем видам продукции. Хотя у них издавна упор делался на животноводство, так как земель в окрестностях хутора Александровка было не столь много. Со всех сторон их подпирали то угодья совхоза «Реконструктор», то хутора Красного, то хутора Камышеваха, то хутора Большой Мишкин, то хутора Новый, как называли его коренные жители соседних хуторов. Однако на этих землях издавна в бытность помещичьих дач выращивали по склонам балок и буграм логов виноград... А теперь им занимались в хуторе Большой Лог.

Вот тогда на районном совещании и решили разрешить конфликт, возникший при укрупнении «Мирового Октября» с «Максимом Горьким», чтобы такой же ситуации не возникло при слиянии других колхозов. Стоит сказать, что жители как хутора Александровка, так и посёлка Нового, не понимали, почему колхоз имени М. Горького должен был вобрать в себя их колхозы, а не они? И хотя им было разъяснено, что хутор Большой Мишкин по численности жителей в несколько раз превосходил оба хутора вместе взятых, (да и земель у них больше, а главное колхоз считается передовым, который должен взять на буксир мелкие хозяйства), они всё равно не соглашались объединяться...

Заседание проходило в конференц-зале под председательством первого секретаря райкома Юрия Сергеевича Селиванова. Был он среднего роста, плечист, аккуратно подстрижены русые волосы, спокойное аристократическое лицо. Был также приглашён первый секретарь Октябрьского райкома Михаил Николаевич Пришурин. Он был выше среднего роста, тоже крепко сбит, лицо решительное, умное, карие глаза, высокий лоб пересекал продолговатый шрам с круглой выемкой, который придавал ему некоторую суровость и внушал уважение.

На повестке стоял один вопрос: передача колхоза имени Кирова Новочеркасскому району, хотя когда-то ему он и принадлежал. Но перед войной кому-то вздумалось отдать земли Октябрьскому району. Хотя была и уважительная причина, колхозники первой бригады, которая относилась к сельсовету Хотунка, соблазнялись промышленной зоной города, так как от рабочих, которые жили на соседних улицах, они слышали о хорошей зарплате. А такие деньги, какие получали рабочие, на взгляд колхозников, которые вообще не видели за свой тяжёлый труд никаких денег, и приходилось их добывать продажей овощей в поте лица со своих огородов, и, разумеется, мечтали выйти из колхоза. Но тогда этого было почти невозможно сделать, не нарушая колхозного устава. И некоторые колхозники сознательно не выходили на наряды, или откровенно лодырничали. Тогдашним председателям сначала Жернову, потом Костылёву, Корсакову, такое отношение людей не нравилось. И у лодырей отрезали огороды, заслушивали на колхозных собраниях; но людей не могли заставить никакие меры вырабатывать трудодни; уж настолько глубоко они прониклись мечтой стать пролетариями. Но питаться чем-то надо было, а если совсем нигде не работать, ничего не получишь. И люди шли на кражу зерна, овощей. Однажды на воровстве попался многодетный мужик. Бригадир Зазулин сдал его в милицию. И на этом не остановился. Костылёв тогда так и не нашёл подход к Зазулину, чтобы не оказаться неправильно понятым. В тот вечер он поделился с дочерью Шурой, дескать, Зазулин не жалеет людей, лишает семьи кормильцев. И даже одну женщину, мать троих детей, которая их растила без мужа, за ведро помидоров отдал под суд. Но Шура, к удивлению отца, одобрила действия бригадира, даже более того, она покритиковала своего отца за мягкость, которая может его когда-нибудь подвести...

Однако суровые меры не останавливали людей; они выходили из колхоза совсем, чтобы уехать на свою родину. Одним удавалось обхитрить колхозное начальство, другие под давлением угрозы посадить за саботаж, отказывались от затеи пополнять рабочий класс. И вот тогда колхоз и передали Октябрьскому району. Но это не принесло желаемого результата. А теперь задумали отсталый колхоз включить в состав успешного имени М. Горького.

Ни один из трёх бывших председателей не считал, что его колхоз отстающий, так как все работали добросовестно и в меру своих возможностей. Каждый высказал свою точку зре-

ния на объединение колхозов в одно хозяйство и Корсаков, и Бурцев, и Самохин. Последним Павленко, который отныне не только не терял свой нынешний пост, но и становился единым хозяином большого колхоза. Григорий Карпович безусловно всей душой поддерживал укрупнение и обещал, что все бывшие председатели будут так же, как и раньше руководить своими хозяйствами, но только в качестве бригадиров. А те, кто были бригадирами, займут другие места, о чём будет объявлено дополнительно.

– Я должен вам сказать, – в заключение совещания начал Юрий Сергеевич, – партия пошла на укрупнение, чтобы усилить материальную базу всех бывших самостоятельных хозяйств. Мы получили двадцать пять новых комбайнов, и тракторов на весь район в наши МТС. Как вы знаете, на совещании в Москве, некоторые председатели высказались за упразднение машинно-тракторных станций. Но не все колхозы могут выкупить технику в ликвидированных МТС, то есть у государства. Поэтому ликвидация МТС не была поддержана большинством председателей. А когда укрепленные колхозы создадут материальный задел, тогда можно подумать и об их упразднении. Но это может стать реальностью только в обозримом будущем. А пока, если бы не укрупнение, нам бы столько не дали техники, но на этом поступление техники не оборвётся. С годами по мере увеличения выпуска механизации, мы будем получать её два раза в год.

– Ну, по пять единиц каждому досталось, – вставил Павленко. – Не беспокойтесь, все будете при своих должностях. На общем собрании объединённого колхоза изберём нового председателя на пять бригад. Я не знаю, кого изберут...

– А вы думали, захотят ли этого слияния колхозов сами люди? – перебил Корсаков.

– Захотят, поскольку так решила партия во главе с товарищем Сталиным. И никаких возражений быть не может, а тем более мы не вправе сомневаться: примут они или не примут, – сказал первый секретарь Селиванов. – Для нас с вами воля вождя – самый главный аргумент и никаких сомнений. А председателем я предлагаю избрать Павленко Григория Карповича. Вы спросите, почему? Отвечаю, его колхоз за то время, сколько он им руководил, постоянно выполнял и перевыполнял план по хлебосдаче, у него везде порядок, чистота и лад. Из года в год растёт поголовье скота, как молочного, так и мясного, свиней, птицы. И хорошо обрабатываются посевы, отсюда каждый год хорошие урожаи.

– А у меня ничуть не хуже! Я тоже выполняю и перевыполняю план по хлебосдаче, овощам, – честолюбиво заметил Корсаков, он выглядел хмурым и сердитым. – Вам это подтвердит Михаил Николаевич. Но угодий земельных и людей у нас меньше. Так что не нужно одного поднимать, а всех втоптывать в грязь...

– Вот это вы, товарищ, напрасно, – сказал огорчённо Селиванов. – Вы же сами жалуетесь: мало земли, мало людей, и техники от МТС вам меньше дают. Поля раскиданы на большие расстояния. Наш район в коллективизацию своими силами начинал ваш колхоз с землянок. Я читал историю создания колхоза, земля была залежная, целинная. И не нужно мне возражать, – отмахнулся недовольно секретарь рукой.

– И что вы думаете, урожайность с ходу поднялась? – с недоверием спросил Прищурин. – Для того, чтобы земля богато родила хлеб, одного объединения недостаточно. Нужно землю удобрять, нужна современная техника. И пора отменить трудодни и заменить оплату труда в денежном выражении, а иначе близость города будет всегда увлекать людей. Для укрупнения колхозов, прежде всего, необходимо не увеличение земельных угодий, а в первую очередь необходима забота о быте и здоровье людей. Также важно готовить механизаторов, агрономов, зоотехников. И добиваться личной заинтересованности колхозников в конечном результате труда. А для этого пора отменить трудодень и заменить его рублём. Это самый убедительный стимул.

– Ничего, как партия решит, так и будет. Главное запретить выходить из колхозов! – сказал Селиванов. – Надо молодёжь во что бы то ни стало удерживать и чтобы из армии ехали домой,

а не блудили по свету. И отслуживших посылать на учёбы только на механизаторов, агрономов, зоотехников. Другого выхода у нас нет! Товарищ Сталин не предлагает изменить политику в отношении села, он только сетует повысить культуру обработки земли, идти по пути научного развития животноводства. Колхозы должны повысить урожайность за счёт правильного использования удобрений и хороших сортов семян.

На этом заседании было принято постановление о порядке объединения мелких колхозов в одно крепкое хозяйство. Однако все колхозники остались при своих бригадах с единой машинно-тракторной станцией. Те машинно-тракторные станции, которые обслуживали сразу несколько мелких колхозов, были прикреплены к одному, укреплённому.

Колхозники же встретили новое ведение сельского хозяйства с неудовольствием, так как Корсаков из председателя превратился в бригадира, а колхозная бригада стала подчиняться мишкинскому Правлению. И сельский совет стал опять единым – мишкинским, откуда приезжали уполномоченные переписывать все надворные постройки, всю живность: скот, свиней, овец (если они были). А в самом бывшем колхозе произвели такую же опись всего хозяйственного имущества: ферм, сараев, амбаров, контору, коровьи базы, конюшни, птичьего двора, уток, коров, свиней, овец, быков, лошадей. В правление объединённого колхоза, которое находилось в хуторе Большой Мишкин, Корсаков, как и бригадиры хутора Малый Мишкин и хутора Александровка, ездили по понедельникам на двуколке.

Председатель Павленко, выбранный активом четырёх хуторов в клубе центральной усадьбы колхоза, в новых бригадах стал появляться раза два в неделю. А спустя время ездил два раз в месяц. Это было связано с тем, что Григорий Карпович понял, что колхозники его принимали не очень охотно, а то и просто настороженно, не зная, как им следует принимать его. Так что привыкание к новому объединённому положению происходило не очень гладко. И что странно, в газетах об укрупнении почти не писали как о прогрессивном явлении, которое принесло колхозникам обоюдную выгоду. Но на самом деле в этом слиянии мелких колхозов люди не видели для себя никакой выгоды. Только прибавился ещё один начальник, призванный быть над ними самым главным. Ведь они не стали быстрее сеять, лучше обрабатывать поля, и трудодни те же самые, что и до объединения. Правда, Корсаков повысил требование к самодисциплине при выполнении нарядов. Но потом увеличили на порядок норму выработки трудодней с 180 до 260, кто выхаживал больше, те поощрялись дополнительными сверхнормативными килограммами зерна и т. д.

Глава двадцатая

После того, как Сталин заговорил о Пономаренко, разумеется, он это сделал с той же целью, как когда-то своим преемником назвал Вознесенского. Правда, тогда у него действительно резко пошатнулось здоровье, и он, серьёзно боясь за судьбу страны, что управление ею может попасть в надёжные руки, был вынужден подумать о преемнике, и это подвигло рассмотреть коллегиально кандидатуру на его место. Одним из них был Вознесенский, хотя большее предпочтение он отдавал А. А. Жданову. Но тот был не всесторонне образован, тогда как организаторских способностей и верности делу революции для преемника было недостаточно.

Одно время большие надежды Сталин возлагал на Маленкова. Георгий Максимилианович, на его взгляд, хоть и считался одним из лучших, кто хорошо разбирался в руководящих кадрах, но не обладал широтой взглядов. Это он в 1936 году организовал по всей стране проверку личных дел членов партии и выявил сотни, тысячи неблагонадёжных, причём немало было и таких, кто вступал в партию по подложным документам. Если бы не эта проверка Маленкова, то, как считают некоторые историки, 1937 года могло бы и не быть. Ведь чистка партии привела к массовым репрессиям и расстрелам...

«А все думают, что этот террор провёл я, – рассуждал Сталин. – Маленков хорош тем, что угадывает мои настроения. А когда будет вместо меня, не будет у него уже такого усердия. Моя установка на жёсткую дисциплину превратила его в Нерона. Он из трусости и мотался по стране, чтобы мне угодить. А на местах ему подражали, зная, что он мой верный пёс сторожевой. Раскрутил маховик, как бы самому под него не угодить. Но мы этого не допустим. Пока я буду живой, все передо мной будут трепетать. А Вознесенский умница, горяч, твёрд. Главное, он знает, что следует делать и как идти по намеченному нами пути. А чем плох Берия? Он напористый, деятельный, со своим мнением и своими задачами. Но его пока не будем рассматривать, его мы проверим в чрезвычайно важном деле, деле поднятия обороноспособности».

Сталин единственно не любил вспоминать, когда стало ясно, что Гитлер опередил его, не дал подготовиться к войне. И он тогда произнёс самые обидные для себя слова: «Началась война, она развивается катастрофически. Ленин создал государство рабочих и крестьян, оставил пролетарское Советское государство, а мы его прозевали. Я отказываюсь от руководства». И ушёл, сел в машину и уехал на ближнюю дачу. Он тогда впервые проявил небывалую слабость духа и был не похож на себя прежнего: уверенного, собранного, жёсткого. Этот позорный для себя момент Сталин не любил вспоминать. А когда припоминал, кто из членов Политбюро присутствовал, он не мог точно восстановить картину. И никто ему не напоминал тот момент, когда он с досадой и болью проговаривал те горькие слова, проявленного малодушия. Но тогда на даче он долго не мог прийти в себя, а когда к нему приехал Берия со свитой, Сталин, увидев целую делегацию, серьёзно испугался, и подумал, что за отказ принять все меры для отражения вероломно напавшего врага его приехали арестовать. И вот во второй раз он оказался в схожем состоянии, когда получил известие о смерти Вознесенского, потому что авторитетнейшего экономиста в его понимании для него больше не было. Многие старые экономисты-учёные были репрессированы и казнены, но о них он не жалел, так как все они были не практики, а теоретики. И вот Сталин, точно очнулся после тяжёлого сна и долго не мог прийти в себя: как он так легковесно поверил оговорщикам? Хотя ему докладывали, кроме Берии, и Абакумов, что ленинградские руководители собираются вместе и ведут вольные разговоры о судьбе Российской Федерации, которая в своём статусе несвободная республика в СССР в отличие от других союзных республик. И на этих сборищах они вспоминали Вознесенского, который лучше их понимал, как надо продвигать наверх вопрос о независимости России.

Но Сталин ни тогда, ни позже, так и не узнал, что Абакумов прослушивал ленинградцев по келейной подсказке Берии, а тот докладывал Маленкову и Хрущёву.

– Давай, Жора, действуй! – напутствовал Никита Сергеевич. – Я ещё не наработал большого авторитета в Первопрестольной! А ты и с хозяином договорился! Главное, покажи ему все козыри против этих басурманов и смутьянов. Молодёжь расхваленная за нашими спинами задумывает произвести переворот! Показать им надо кузькину мать!

– А чего, в кусты убегаешь? Пошли, Никита, вместе! – в его же весёлом тоне предложил Маленков, видя, как на холёном лице Хрущёва, особенно в светло-серых глазах, излучавших обычно простодушие, сейчас светилась лукавость, хитрость курского мужика.

– Ты говорил Виктору, чтобы не вздумал нас прослушивать? Абакумов мне не нравится. Двойную игру ведёт человек Берии. Семёна Игнатьева надо ставить, отозвать из ссылки. Где он там? В Белоруссии?

– А ты думаешь, Семён не будет прослушивать? Такая у них работа! Скажу тебе откровенно: Абакумовым не доволен и хозяин...

– Семён наш человек! Его надо выдвигать, и тогда Игнатьев будет в наших руках, когда хозяин его отзовет из Белоруссии. Арест проведём после совещания у меня. Созвать всех ленинградцев. В первую очередь Кузнецова и Родионова я бы расстрелял без суда и следствия. Вот чего захотели: им нужна столица России! Так ты со мной пойдёшь?

– А мне там делать нечего! – резко сказал Хрущёв. – Ты только подумай: заявимся, и что хозяин скажет: «Заговорщики, негодяи, оклеветали моего преемника! Я так и знал, что так и будет...» А я считаю, он его выбрал, потому что не стало Жданова. Почему выбрал не тебя? Все думали, что его преемником быть тебе! А с другой стороны, может статься, он нас проверил: как мы себя поведём? Я его глаза видел: ядовитые! Чуть сквозь землю не провалился... Доводов хоть и много, а может, не поверить! Любимец ведь! Чёрт бы его побрал! Ни один экономист не был им отмечен премией, это тебе о чём-то говорит?

– Оказывается, ты ещё и трус. Сам меня настроил, а теперь в кусты бежать?

– Берия и Игнатьев, ты представляешь себе такую связку, когда уберём Абакумова? У него Берия был, Лазарь Моисеевич тебе говорил, как он его принял? Не поверил!..

Маленков хитро, на манеру Хрущёва, усмехнулся, а тот недоверчиво смотрел на того, шуря недовольно, с подозрительностью глаза.

– Ну что? Какие доказательства у тебя на руках? Ох, вижу, вижу! – погрозили он шутливо пальцем, – Маленков исподлобья посмотрел, как это делал Берия, но промолчал.

Они напоследок беседы условились на дальнейшие действия и поменьше встречаться, чтобы об их встречах не донесли хозяину. Берия потом рассказывал, как Сталин после вечеринки, как-то нахмурился, и, точно забывшись, что находится среди своего окружения, проговорил тихо: «Никому не верю и себе не верю, пропащий я человек!»

Хрущёв из всей четвёртки действительно обладал прозорливой хваткой, умея предвидеть наперёд ход событий, умея просчитывать ходы, как шахматист, чем Маленков не отличался. Берия же считался расчётливым, тонким стратегом; это он предложил сменить охрану в кремле и на даче, убрать секретаря Поскрёбышева, сестру-хозяйку. Но своим конечным планом с Маленковым и Хрущёвым, а тем более с Булганиным не обмолвился ни разу, а лишь говорил, что он ни за кого не ручается, а только верит себе. Берия, чтобы ни делал, все свои действия подчинял защите себя, своего окружения. Но когда Абакумов слетел, он чуть было и сам не поплатился, сумев, однако, выкрутиться, обвинив своего бывшего зама по госбезопасности в связях с Молотовым и молодёжными сионистскими организациями.

– Жора, что ты натворил! – первое, что проговорил Берия, когда встретился с Маленковым.

– Ты мне предъявляешь обвинение? – вскричал Георгий Максимилианович. – Это я должен тебя... Ты с Абакумовым тормозил дело врачей! Мне хозяин говорил постоянно, что с Вознесенским круто поступили, вы его погубили. Кто ему будет планы составлять? Я сам видел папку, он на ней написал крупно: «Не верю!» Пришлось ему твою фальшивку о пропавших секретных документах подсунуть. Тогда опять он засомневался. И тебя в один узел с Абакумовым связал одним поясом. Так что теперь держись, Лаврентий! – усмехнулся сквозь напряжённую строгость Маленков. И Берия заметил, как у Георгия побелели крылья носа, как заблестели холодно глаза, отчего Лаврентий Павлович побледнел.

– Документы были не выкрадены, а проданы этим негодяем! – закричал иступлённо Берия. – А с Абакумовым ты меня не смешивай! Хочешь потопить? Не выйдет!

– Он же твой человек. Я его не приводил. Ты же его из Ростова вытащил? Покровительствовал ему как палач и бабник. Вы же с ним вместе привозили женщин...

– Да ну что ты городишь, какие женщины? Это Виктора из-за шлюх сослали в 1934 году. А я был в Грузии. Так что не надо путать божий дар с яичницей. И осторожней на поворотах. Что это с тобой? Мы же друзья, или забыл, как я тебе помогал вычищать авгиевы конюшни?

– Ладно, не кипятись! Но ты разве не понимаешь, что Абакумов для нас может стать камнем преткновения? Его надо было упрятать. Игнатьева поставим. Кстати, Абакумов пытался обелить Вознесенского. Оба чистоплюи, щеголи! Он мне раз говорит: «Не простит нам хозяин за Николая...».

Берия почесал затылок, блеснули стёкла пенсне, потупил задумчиво взор, поджав губы, махнул резко рукой.

– Жора, убедил! Но ты тоже хорош, пугать меня вздумал? Я когда кого-нибудь боялся? И мы не должны друг друга... под монастырь подводить. Запомни: хозяин всех нас держит под подозрением, он умеет терпеть, собирать компромат. Когда-нибудь у него в голове зайдут шарики за ролики и он всё припомнит. Он это умеет делать хорошо!

– Я его держу вот здесь! – Маленков сжал кулак. – Он мне пока верит.

– Да мне тоже верит. Но всё время долго буравит меня своими крапчатыми глазами. Ты знаешь, что я увидел в них?

– Что, безумие?

– Нет... жёлтый огонь! Всё в нём кипит. Мне это не нравится. Надо что-то предпринять срочно. И потом эта его баба... опять с ним. А то уже можно было бы... кончать, не то он нас кончит. Никита мне уже говорил. А сам пальцем не пошевелит, только со своей Ниной по театрам разъезжает. И Коля Булганин с ними...

– Брось сплетни слушать! Пусть развлекается. Никита всегда вовремя руки умоет. Почему подполковник М.Д.Рюмин в обход нас хозяину донос подсунул на... своего начальника? – подобострастно спросил Маленков.

– Ты у кого интересуешься? У меня? Ох, и хитёр Петрушка! Рюмину кто-то должность посулил. Вот он и расстарался. За эти годы он быстро пошёл в гору. Помню, был лейтенант, его вместо Абакумова поставят! – Берия хитро глянул на Маленкова.

– Доносчику первый кнут! Нам нужней Семён. И ты его аттестуешь Кобе как надо, по всей форме.

– А чем Рюмин не подходит?

– Не прикидывайся, Лавр, всё ты понимаешь. А Рюмина... я бы сам к стене. Опасны такие угодливые подчинённые.

В связи с арестом Абакумова Сталин тогда вызывал Берия.

– Лаврентий, мы тебе верили, – Сталин сделал паузу, взглядом кольнул того и медленно продолжал: – Верили, что ты не с Абакумовым, а нам говорят, что ты ему подсказывал, как надо вести дело врачей. Не вести, а тормозить и забалтывать. Што ты на это скажешь нам?

– Товарищ Сталин, я никогда не слушаю, не читаю клевету. Зачем мне Абакумов? Я как узнал, что он пытал подследственных, хотел его выгнать. Но меня самого перевели на другую работу по моей просьбе. Так писали газеты. Зачем пособничать головорезу. Он к тому же руководил СМЕРШем. Я о нём совсем другое слышал, что он меня подсиживал. Вот, дескать, и сел на твоё место...

– А не Семён ли Круглов тебя сменил, – напомнил Сталин. – Быстро ты что-то память растерял! У Абакумова, мне сказали, были связи с еврейским комитетом. Были женщины-еврейки, которых опекал... И у тебя была некая... – Сталин посмотрел в глаза Берии, которые сохраняли ровный блеск пенсне, он даже в лице не переменялся...

– Зачем под меня копают? – пожал он плечами, разводя руки в стороны. – А я скажу – боятся, что есть данные недоброжелателей. Всех знаю! И вам охранник Власик привёл врачей, например, Виноградова, поставлял плохие лекарства. Вам сказали, что Истомина у Власика была, это же я вам сказал. А лекарства, говорила, проверяла. А Поскрёбышев... зачем к нему зачастили послы недружественных нам стран? Власик раздаривал рыбные деликатесы. Это я вам тоже уже говорил. А вы их всё равно при себе держали...

– Ты за себя отвечай, Лаврентий! А мы с ними разберёмся, – повысил тон Сталин, но было видно, что это вождю давалось уже с трудом. Он рукой взялся за грудь ближе к шее.

– Товарищ Сталин, что с вами? – неподдельно повысил тон Берия и невольно подался к нему. Но Сталин рукой показал, чтобы тот не двигался и стоял на месте...

– Ничего... сейчас пройдёт, мы перетрудились... ну... хорошо, ступай себе, Лаврентий, – сказал Сталин.

Недомогание вождя спасло Берия. На следующий день Сталин уже не вспоминал этот разговор, словно его не состоялось. И напрасно. Но, видно, память ускользала, не сосредотачивала на том, что его беспокоило, то есть возня вокруг него ближайшего окружения, срабатывала защитная реакция организма на воздействия неприятных ему соратников. И вместе с тем он охотно передоверял им свои дела. А он даже не догадывался, что им того было и надо, то есть оттеснять его от управления страной. Выходило, что Сталин терял память почти ежечасно. Вид его лица был несвежим; за последние два года он сильно сдал. После того, как он бросил курить, первое время не расставался с холодной трубкой; иногда даже нюхал любимый табак «Герцеговина Флора», ароматный запах которого вызывал у него на время приступы тоски. Когда был относительно здоров, полон жизненных сил и деятельной энергии, тогда он помнил всех приходивших на приём по имени и отчеству, знал об их успехах и промахах, знал также их личную жизнь...

Однако после последней встречи со Сталиным Берия стал углублённо задумчивым и даже несколько рассеянным. Но в отличие от одряхлевшего Сталина Берия находился в прекрасной форме, обладая удивительной способностью исполнять почти одновременно разные обязанности. Он по-прежнему курировал силовые ведомства и продолжал вмешиваться в науку и промышленные оборонные предприятия.

Сталин отблагодарил Берия за успешное испытание атомной бомбы своей премией, так как любил воздавать людям справедливо по их заслугам...

Глава двадцать первая

После ухода Берии из кремлёвского кабинета, Сталин почувствовал облегчение. Впервые подобное с ним приключилось во время недавнего пятимесячного пребывания в Сочи. Тогда он проснулся с сильной головной болью, и только спустил с постели ноги на пол, как вдруг у него закружилась голова. А ночью во сне (он впервые беспокойно спал) ему привиделись все те соратники и бывшие противники, которые были уничтожены в сложный период борьбы за власть. Правда, Сталин не считал, что он вёл непримиримую борьбу именно за единоличную власть. Он всегда был весьма уверен, что ни один из его старых соратников: ни Молотов, ни Микоян, ни Каганович, ни Ворошилов, ни Будённый, ни Жданов, ни Андреев, ни Киров, не удержали бы власть, не подняли бы страну из разрухи, не сделали бы её мировой державой, так как многие из его окружения не отказывали себе в тех удовольствиях, которые создавал себе человек хоть при социализме, хоть при капитализме.

Толпы людей, отправленных им на плаху, ему казалось, выходили из его души и строем двигались, как сомнамбулы, как призраки, не произнося ни слова. Они остановились, обступили Троцкого, который стоял на высокой остроконечной скале без своей кожаной фуражки и во весь голос вещал о перманентной революции, вождём которой он себя представлял и потому считал, что он по мировому положению выше его, Сталина: «Коба, Иосиф, сын сапожника и домохозяйки, – подчёркнуто истерично выкрикивал Троцкий, – а вовсе не Преживальского, лошадь которого тебе никогда не оседлать! Ты направил против меня ледоруба, но сам падёшь, раздавленный собственной гордыней. Тебе нет жизни без меня, я скоро призову все силы небесные, чтобы они сбросили тебя к подножию моего царского трона на этом свете. Я по всему миру со своим народом, а ты с чужим, которого никогда не любил. Твоя жалкая кровожадная сущность мне была всегда понятна и мерзка. И ты станешь её жертвой. Ты убил нас всех, но и сам падёшь, звезда Давида тебя достанет и загонит тебя в гроб не Господня, а дьявола, поскольку восстал против него, служа не ему...».

Сталин во сне почувствовал боль в груди, он явственно слышал душераздирающий хохот Троцкого, который кулаком бил его в грудь, потом по голове. И всё перед глазами завертелось, как на карусели; он проснулся от удушья, почувствовав запах «Герцеговины Флоры» – любимый его табак не давал ему покоя и во сне, Сталин сел на постели, став звать:

– Валюша, где ты сегодня была?

Он увидел, как в белой исподней рубашке появилась лёгкая женская фигура. На миг ему показалось, будто это к нему приближался Троцкий. От этого видения Сталин вздрогнул, выставил руки вперёд себя, почувствовав опять головокружение.

– Я никуда с дачи не уходила, Иосиф Виссарионович. – Вам плохо, воды принести? – она включила настенный светильник.

– Кто тут был сейчас? – спросил Сталин.

– Никого, я одна тут сплю рядом.

– Они приходят ко мне каждую ночь и требуют, чтобы я ушёл... к себе зовут...

– Кто, «они»? – испытывая страх, спросила Валентина.

– Мои бывшие враги. Я их ненавижу! Берия к тебе больше не пристаёт?

– Упаси боже!

– Ну, полежи со мной.

– Хорошо, – она видела его желтоватый цвет лица, располневшую за последние годы грузную фигуру. Хотя ел он не больше прежнего. Она сама ему готовила и давала распоряжения о доставке нужных продуктов к его столу. Он часто просил её обедать с ним вместе, чтобы она первая отведала пищу, что она покорно и выполняла. Хотя ей было не очень приятно сознавать, что он и её боится, невзирая на её заверения, что она предана ему. Она действительно научилась угадывать все его желания, что, правда, давалось не так-то легко. Он всегда принимал решения после тщательного обдумывания, но после этого ни за что не отступался от него и требовал неукоснительного его выполнения. Иногда он советовался даже и с ней, что Валентине было приятно. Так однажды Сталин спросил:

– Валюша, как ты думаешь, Вознесенский хорошо бы управлял страной? Не спеши с ответом, я тебя не тороплю...

– Не знаю, – робко проговорила она. – Но думаю, лучше вас никто не смог бы. Вот в этом я полностью уверена!.. А Вознесенский... Николай Алексеевич немного самоуверенный, может и похвалить себя...

– От кого же ты это слыхала? – Сталин пытливо глянул, пригладив двумя пальцами усы.

– Ни от кого. Мне так думается потому, что это чувствую по его лицу...

– Вот как! А что ты видишь на моём лице? – Сталин выжидательно лукаво улыбнулся.

– Большой ум и проницательность...

– Вот как, это хорошо! Ну, тогда ступай, Валюша, ступай! – Сталин расхаживал по кабинету. Он тогда и принял решение относительно судьбы Вознесенского. Не повлияла же на него сестра-хозяйка? Но в этом больше всех убедил Маленков, а потом и Берия. Впрочем, он и сам несколько сомневался насчёт преемника, что тот хоть и большой стратег-экономист, а управлять так же мудро, как он, Сталин, не сможет. Но и не это повлияло на него, а доводы по исчезновению секретных документов, что было сродни предательству, измене Родине. Сталин ненавидел в людях способность к предательству в угоду своим интересам, пренебрегая при этом интересами страны. А ещё он не прощал, когда ему перечили. Вознесенский в отличие от многих делал это самонадеянно, признавая себя за последнюю инстанцию.

И его суждения были хоть и безупречны и не подлежали пересмотру, тем не менее, говорили о его над ним превосходстве, чего Сталин также не терпел, так как мудрее его никого не должно быть. А Вознесенский очень заносился и потому терял чувство меры и приличия. Ему доложили о фразе Вознесенского, сказанной в домашнем кругу жене Марии Андреевне: «Вот кругом только и слышно: сталинские пятилетки, да, верно говорят, но кто их разраба-

тывал, планировал – не говорят». Но последнего слова Вознесенский не произносил, его ему приписали, с расчётом, что оно больно заденет Сталина за живое и он придёт в гнев.

Так что расчёт интриганов был верный. Сталин возмутился, что также сказалось на принятии ключевого решения. Ему казалось, что его заместитель по экономике и планированию чувствует себя обделённым. «Ничего, пусть отвечает перед судом, зачем допустил пропажу документов? Захотел славу найти на Западе?» – рассудил тогда Сталин.

И когда Вознесенский был расстрелян, как сторонник западной модели экономики и немецкий шпион, Сталин хоть и жалел его, но недолго. Правда, ему не хватало пытливого ума Вознесенского, а его последняя работа, настолько впечатляла, что он ясно видел, по какому пути должна идти наша страна и воодушевился написанием собственной работы, конечно, не без влияния теоретических посылов Вознесенского. Он почти всё основное заимствовал у него, тогда первое, что он почувствовал – это была потеря и беспомощность собственных взглядов на развитие экономики социализма, причём настолько ясно, что Сталин на заседаниях Политбюро стал поговаривать об элементах рыночной экономики, что его товарищи слушали не без доли удивления. Впрочем, боясь ему возразить, но и старались высказываться в поддержку, так как знали приём хозяина настраивать на острую, но в чём-то провокационную полемику, с помощью которой выявлял своих явных или тайных противников...

И вот этот, почти каждую ночь ясно повторяющийся сон, стал его затаённо пугать. Вот потому он решил ночью не спать, а приглашать на ближнюю дачу Маленкова, Берию, Булганина, Хрущева. А Ворошилов, Молотов, Каганович, Микоян по разным причинам были удалены из его ближайшего окружения. Но зачем же ему была нужна эта первая четвёртка, уже выше говорилось. Но прибавим, неужели только потому, что она сумела за короткое время внушить ему доверие? Он даже реже встречался со своим сыном Василием и дочерью Светланой, чем с ними. Сталин будто нарочно не хотел их знать, хотя к нему доходили их беспокойства, что отец им, своим детям, предпочитает сомнительного, одиозного Берия, который ещё с детства не внушал Светлане доверия. Она с робостью садилась к нему на колени, когда он брал её на руки. А Василий ненавидел Берия за тот надзор, который устроили над ним. Впрочем, и Власика ненавидел за то же самое. Хотя уважал его за не показную преданность отцу. Но эта четвёртка у них стала вызывать омерзение и страх.

Василий догадывался, что Берия делал всё, чтобы он как можно реже виделся с отцом и не понимал, что происходит вокруг него. Хотя по-настоящему духовно близок с ним он не был, а лишь почитал его исключительно как отца.

Однако никто точно не знает, что за разговор произошёл между четвёрткой и Сталиным? Но если судить по тем отношениям, какие сложились в ближайшем окружении вождя, то есть четвёртка понимала, на кого раньше опирался он (Микоян, Молотов, Каганович, Ворошилов), были им от себя решительно удалены на том основании, что партию надо было обновить молодыми кадрами. Но к 1953 году все они были почти уничтожены четвёрткой с благословения самого Сталина, который в них вдруг увидел свою преждевременную политическую гибель, прежде всего, о чём ему недвусмысленно напевала четвёртка. Берия был мастер прямодушия в сочетании с подбострастием в тот день, когда Сталин, как мы уже знаем, назвал своим преемником П. К. Пономаренко, стал искать серьёзный компромат против прославленного партизанского командира, но ничего подрывающего его авторитет не нашёл. И тогда обратился к его партизанскому прошлому, а если ничего не вскроется, надо придумать такой документ, подключив к этому архивистов. Не может того быть, чтобы не обнаружилось провалов операций. А кто ищет, тот находит. Пономаренко однажды попал в руки белорусским националистами, которые создали свой партизанский отряд для борьбы с красными партизанами. Пономаренко не удалось переманить белых партизан на свою сторону, и тогда его чуть было не расстреляли. Но вовремя подоспели свои. Вот тут Берия надумал подкорректировать, естественно,

не в пользу бывшего партизанского командира. Он сделал его связным националистов, потому что и сам одно время стоял на тех же позициях...

Документ, разоблачавший Пономаренко, Берией был состряпан и обработан в специальной лаборатории медленно действующим ядом, проникающим в организм сквозь кожу. С этим документом, мы можем предположить, Берия и явился на вечеринку к хозяину. А Маленков, Хрущёв, Булганин им не были поставлены в известность, так как не хотел, чтобы они знали это наверняка, поскольку после устранения вождя могли пойти и против него. Да, ход его мыслей был верный. Но в любом случае для них он представлял непосредственную опасность. Но то, что он обработан ядохимикатом, который тогда находился ещё в разработке, они, разумеется, не ведали.

Опасный документ был помещён в специальную папку, в которой обычно подавались бумаги на подпись Сталину. Папка была передана новому начальнику охраны, и тот в подходящий момент должен был её подать, когда Сталин будет пребывать в благодушном настроении. Впрочем, в ту ночь он таким и казался, так как находился в ожидании, как поведут себя его гости против Пономаренко, нисколько не ожидая того, что уже произошло с ним, а всё потому, что Сталин как никогда был уверен – против кого-кого, а против него они не посмеют выступить. Во-первых, им объявлен преемник и существует политическое завещание, во-вторых, они хорошо себя зарекомендовали и понимают, какую он с ними ведёт игру, надеясь, что преемником станет не Пономаренко, а кто-то из них четверых, на что надеялись больше всего Берия, Маленков и Хрущёв. И потому могли находиться в ожидании его заветной фразы: «Ищите собаку среди себя»! Это могло означать как сигнал начала междоусобицы.

Сталин нацеливался на то, чтобы между собой четвёртка перегрызлась, и тем самым он бы себе обеспечивал настоящего преемника. Хотя в его существование никто не верил и потому единственным пока оставался всё-таки Пономаренко. А он уж, если придёт к власти, то из них никого ни за что не пощадит, изгонит из Кремля, будучи в предпочтительном, чем они, положении, как прославленный партизан, сурово каравший предателей, изменников ещё до войны и считался верным последователем Сталина...

Однако вездесущий Берия опередил хозяина на несколько ходов. А Сталин пребывал в великом заблуждении и самоуверенности, что до поры до времени против него они не предпримут ничего. Но кто из них подозревал, что именно Пономаренко, а не Сталину было предвещено расправиться с четвёрткой, чтобы обезопасить на пенсии спокойствие вождя. Могло ли так произойти, мы не знаем, но и то, что Сталин что-то замыслил против четвёртки, это вполне некоторыми историками допускается. Готовил ли он из Пономаренко нового диктатора, утверждать окончательно нельзя, так как хорошо понимал: второго диктатора не будет и потому намеривался оставаться на своём месте столько, сколько ему будет отпущено судьбой. А каждый уходящий диктатор после себя не оставляет достойной замены. Самую непростительную ошибку Сталин допустил, когда отдал на погибель Вознесенского. Впрочем, ошибаться для него было не в первый раз...

В ту роковую ночь Сталин находился в необычайно хорошем расположении духа. Он не умел притворяться, но умел скрывать своё душевное состояние, и считался превосходным мастером интриги...

В ту роковую ночь Сталин много пил молодого вина «Маджари», чего с ним редко случалось, и как никогда он даже необычайно много шутил. Хотя многие историки считают, что Сталин пил мало, но любил, когда напивались другие. Или так хотят представить дело сталинисты. Он прекрасно себя чувствовал и ни на что не жаловался.

– Я хотел уйти ещё десять или двенадцать лет назад! Хотел честно отказаться от всех постов, – говорил он несколько бравирующим тоном. – В октябре на девятнадцатом съезде прошлого года просил отставку. Но вы меня не отпустили. Кто ответит, почему не уважили старику?

– Товарищ Сталин, – начал Хрущёв, встав из-за стола, – кто может управлять страной так, как вы?! Да никто! Маленков – верный товарищу Сталину, я правильно говорю, Георгий? Ты на то лишь способен, что только исполняешь волю товарища Сталина. А самостоятельно и шагу не ступишь!

Маленков, после того, как прозвучала его фамилия, набычил толстую шею и с покрасневшими от злости глазами, смотрел на Хрущёва как-то настороженно и вместе с тем в его глазах читался внутренний страх, что и заметил Сталин.

– Микита, смотри, Георгий тебя сейчас глазами съест! – воскликнул весело вождь. – Верно, я говорю, Георгий?

– Так точно, Товарищ Сталин! Никита за себя бы говорил: почему перед вами так вытягивается?

– Георгий, ты говорил бы по существу, – с обидой вырвалось у Хрущёва. – Товарищ Сталин ждёт прямого ответа, а ты на меня киваешь...

– А вот Лаврентий что-то загадочно молчит, – продолжал Сталин. – Мы дадим ему слово, а то его пенсне своим блеском мешает понять, о чём он у себя на уме думает? Давай, Лаврентий, мы тебя слушаем? Говорят, ты на съезде со всеми советовался, отпускать меня на отдых или нет? – Сталин при этом перевёл взгляд на Булганина, а с него на Хрущёва, а потом снова на Булганина и следом остановился на Берии.

– Не знаю, кто вам на меня так злобно наговаривает? Но я и Никита были против вашей отставки, как только вы всем это заявили...

– А Булганин бы рад, если бы я не прислушался к мнению съезда? Ты знаешь, почему я тебя снял с поста военного министра? – ткнул он в того пальцем?

– Никак нет! – быстро ответил тот, встав, глядя на вождя. Сейчас Сталин сменил благодушный вид на более суровый, став прежним, волевым, жёстким. Но всё равно он был уже не прежним, чувствовалось во всей его фигуре нечто стариновское и дряхлое...

– А я не тебе только скажу: ты несамостоятельный, – Сталин приложил к своей голове два пальца. – Своей головой, оказывается, не умеешь думать. Ты встречался с Василевским, Жюковым, Кузнецовым? Для чего они с тобой встречались, мы уже знаем! Ты не военный, Берия хотел тебе в первые замы поставить. Но он хорошо пришёлся на своём месте. Ты выезжал в войска по рекомендации Жюкова и Василевского... Так что мы будем сами руководить армией! Ты хороший исполнитель, вот и... – Сталин посмотрел на Берия, который поглядывал на дверь.

– Что ты там увидел, Лаврентий?

– Ничего, товарищ Сталин. Мне должен начальник охраны принести досье на товарища Пономаренко...

– А почему тебе, а не мне? – Сталин обвёл всех, медленно поворачивая голову и в его мускулах лица было заметно напряжение. Он не ожидал, что Берия имеет непосредственное отношение к его охране, несмотря на то что он продолжал курировать силовые ведомства, личная охрана касалась только его, Сталина. И он только сейчас подумал о том, что именно Берия проявил повышенное беспокойство по поводу поведения секретаря Поскрёбышева, и главного охранника Власика.

Берия всегда с такой неподдельной заботой докладывал о фактах исчезновения из канцелярии важных документов и больших растратах продуктов, точно это непосредственно касалось только его. И Сталин не мог не прислушаться к тому, как Берия с невероятной озабоченностью оберегал его репутацию, что за многолетнюю службу его верные подданные почувствовали себя наравне с ним вершителями чужих судеб. И не без того они заверяли все документы, которые оформлялись рукой Поскрёбышева на всех репрессированных и, заверяя, узнал то, как разнузданно, выйдя за рамки своих прямых служебных обязанностей, Поскрёбышев и Власик злоупотребили его доверием. И жену секретаря упёк от него подальше перед

самой войной, а затем и расстрелял, и как было не упечь, если Бронислава Соломоновна была дальней родственницей Троцкого, с сыном которого она встречалась в Париже. Поскрёбышев несколько раз пытался вытащить жену. Но Сталин был неумолим, он вспомнил жену своего секретаря, когда Берия ему доложил об утечке секретной информации. Сначала он не поверил, а когда у Поскрёбышева дома нашлись пропавшие документы, он пришёл в бешенство. Александр Николаевич тотчас был обвинён в связях с сионизмом. Сталин тогда и водил его лицом по столешнице, приговаривая: «Чей ты выкормыш: мой или сионистов? Тебя они женили на своей, чтобы ты гадил у меня под носом? Теперь пропадай в застенках Лубянки, пропадай!» И брал за шиворот, сгибал в дугу и таскал, таскал по столу лицом.

Но теперь тот далече, и вот он узнаёт от Берии, что Пономаренко не во всём безупречен. Сейчас принесут на него досье. Сталин вспомнил, что на место Поскрёбышева и Власика были ему рекомендованы новые для него люди. Берия принёс лично на них досье, которые Сталин изучал не один вечер. Он по ним и сам куда-то звонил...

– Орлова сегодня нет, – начал Сталин. – Старостин на месте, да, ещё Лозгачёв, а вот Хрусталёв... что за личность?

– Нет, товарищ Сталин, я его не присылал, лучше у Игнатьева спрошу! Кстати, мне позвонил Игнатьев и сказал, что... как только вы назвали преемником Пономаренко, ему позвонили из военного архива... И нашли на него справку... о... впрочем, сейчас вам принесут докладную...

После слов Берии Сталин мигом помрачнел. Он не ожидал, что так скоро отреагируют верные соратники на его представление преемника. Собственно, он ожидал подобный выпад, но только не сейчас...

– Георгий! – возгласил Сталин, но не столь громко, хотя и в свои лучшие годы, не повышал тона, но всегда говорил твёрдо и размеренно. А теперь голос выдавал то ли раздражение, то ли растерянность, но явно слышалось замешательство, и было видно, что слова ему как никогда давались с великим трудом. А на лице появились красновато-розовые пятна, сквозь которые проступала желтоватая бледность. – Почему Берия подключает мою охрану? Это ты ему позволил?

– Мы с Лаврентием Павловичем ни о чём не договаривались, товарищ Сталин. Видно, правда, Игнатьеву кто-то доложил о... Пономаренко...

– Вы, что же, моего преемника не хотите принимать? – спросил Сталин, оглядывая всех. – Я предполагал, что Пономаренко вызовет у вас бурю. Думаете, товарищ Сталин, не знает всю биографию Пономаренко?

– Товарищ Сталин, известно..., – начал Берия. – Мы запросили из Белоруссии малоизвестные факты. Я о них слышал, но тогда не придавал им большого значения. Мы все хотим подстраховаться из самых лучших устремлений. Кто не желает, чтобы нашим государством управлял честнейший со всех сторон человек?

– Кто может поручиться, что Пономаренко в чём-то замешан? Я не поверю никому, пока сам не увижу тех людей, которые подтвердят проступки Пономаренко...

– Товарищ Сталин, одни расстреляны, другие погибли на фронте, третьи в лагерях...

– А кто их посадил? Пономаренко разбирался и нашёл, что их туда Ежов упрятал мне в угоду, так ему признался один чекист! Мерзавцы, от моего имени людей судят!

В это время, а было уже четыре часа ночи, Сталину доложили, что поступила папка с документами от товарища Игнатьева. Охранник Рыбин положил её на стол и встал перед хозяином по стойке смирно. Сталин небрежным движением руки велел тому удалиться, посмотрел усталыми тёмными глазами на своих сотрапезников, которые хранили на лицах строгое спокойствие, за которым не просматривалось ни тени волнения.

Сталин не тут же подошёл к тому месту на столе, где лежала папка. Он вторично поднял глаза в сторону четвёртки и только затем неспешно, старческой походкой, одетый по-домаш-

нему, приблизился к столу, на котором ещё стояли в дорогой посуде яства, фрукты, бутылки с молодым вином Маджари. Правой рукой он взял кожаную папку и двумя пальцами открыл её. Текст был отпечатан на машинке, видно, несколько часов назад. Сталин взял листы, их было два, и стал читать, тут же почувствовал слабое жжение на подушечках пальцев и на правой ладони. Но этому он не придал должного значения, полагая, что это жжение от внутреннего волнения, которое тонкими импульсами побежало по рукам, и, добежав до шеи, оно как будто растворилось по всему телу и совсем пропало. Однако содержание донесения настолько увлекло вождя, что он скоро забыл о странных ощущениях, которые, впрочем, принял за внутреннее волнение. Он умел его подавлять и когда горячие мурашки прошли, он решил, что сумел подавить эмоции...

К тому же он чувствовал хмель. Когда текст был прочитан, Сталин положил листы в папку и отошёл от стола.

– Ну что же, вы хорошо справились, – сказал он добродушно. – Кого же мне тогда из вас назначить преемником? – Сталин жёстко улыбнулся и сел на своё место, предлагая ещё выпить.

Но бутылки были пустые и хозяин распорядился принести ещё пару бутылок Маджари и охранник ушёл. Четвёртка, разумеется, понимала, что хозяин над ними подтрунивает, так как уже знали: ни один из них не претендовал, он им уже говорил об этом в своё время, глядя при этом каждому в глаза.

Берия и Маленков были его людьми. Но все отдавали предпочтение последнему, тогда как Булганин и Хрущёв вообще вождём не рассматривались: «Берия негодяй, – думал Сталин. – Маленков мой карманный палач. Булганин размазня, Хрущёв шут, он хорошо отплясывает гопака».

Охранник выставил на стол две бутылки, и Сталин предложил тост; он сам налил по полному бокалу грузинского вина своим гостям.

– Товарищи, я поговорю с Пономаренко о его связях с националистами. Он мне докладывал о том, как воевали в партизанах евреи, когда они сначала отказались вступать в ополчение и решили отступать с беженцами. Но их схватили немцы и засунули в концлагерь. Видите, сами выбрали свою судьбу. Часть евреев сбежала из лагеря, и попала к партизанам. Мог ли Пономаренко не поверить им? Я бы тоже таких вояк расстрелял. Так выпьем за Пономаренко, не всех евреев он отдал под трибунал, некоторые воевали не за совесть, а за страх. Пономаренко самый популярный, верный товарищ. Он разоблачал белых партизан... Ви погрязли в плотских грехах, – Сталин выпил почти весь бокал, за ним последовали сотрапезники. После этого бокала Сталин почувствовал, как необычайно горячая волна разлилась по всей грудной клетке. На него нашло какое-то безудержное веселье. И в этот момент его какая-то неведомая сила повела в сторону. Берия поддержал хозяина, подскочив таким козлиным прыжком.

– Ничего, хорошее вино! – нарочито весело проговорил Сталин, почувствовав, как веки потяжелели, и вдруг ему захотелось спать. – Всё, товарищи, пора отдыхать. А Пономаренко не забывают! На него вся надежда и моя, и ваша...

Когда Сталин это произносил весёлым подтрунивающим тоном, он и сам не верил, что тот будет его преемником, наоборот, Сталин как никогда испытывал небывалый прилив сил. Все его клеточки, казалось, необычайно напряглись, все мускулы молодо в нём играли. Это превращение он даже не относил влиянию хмеля, ему тогда действительно думалось, что к нему возвращаются молодые силы и больше не надо беспокоиться о преемнике. Он ещё и сам будет руководить своей созданной державой, созданной на обломках царской империи...

На его звонок вошёл охранник Хрусталёв. Сталин стал провожать гостей до двери, что-то весело говоря Берии и Маленкову, которые в ответ ему покорно улыбались. И только Булганин и Хрущёв пребывали в некотором недоумении, так как давно не видели в хорошем настроении хозяина и думали, что это не к добру...

Глава двадцать вторая

В тот год весна выдалась затяжной. В МТС поступила новая техника, что было встречено с воодушевлением и надеждой, дескать, теперь станет работать ещё легче. Хотя тракторами, комбайнами, грузовиками по-прежнему пользовались только механизаторы МТС, которые получали три килограмма зерна на один трудодень, тогда как колхозники по одному. Это относилось и к подсолнечному маслу, мясу. Однако несправедливое, а выборочное распределение продуктов по трудодням у многих вызывало недовольный ропот. Ведь все трудились не покладая рук, а в награду – шиш!

В посёлке Новом вокруг бригадира сложилась группа близких к нему людей. Это Кузнецхины, Зуевы, Костылёвы, Жерновы, Треуховы Авдотья, Гурий, его брат Василий, Полосухины старые и молодые Давыд и Панкрат, которые давно поженились и имели по двое детей. В те годы дети рождались в каждом дворе почти ежегодно. У Треуховых уже было пятеро: две девки и три пацана. Да и у Василия Треухова после дочери недавно родился сын. У Степана Курганова тоже год назад родилась дочь Таня, которая из пяти детей была третьей девкой.

Гаврила Харлампиевич Корсаков, когда из председателя стал бригадиром, он с трудом терпел приезд Павленко – этого крепкого, выше среднего роста ладно сбитого человека, которому он теперь должен был подчиняться и выслушивать его замечания, для которых, как он считал, не было веских оснований, так как в бригаде все службы были налажены. Кузнецы — Тихон Кузнецхин, Иван Горшков —превосходно знали своё дело: сломанные скребки, бороны, плуги – все были приварены. Ни одной бесхозной железки по двору не валялось. В столярной и плотницкой мастерской, которая стояла рядом с кузней, работали Никон Путилин и Борис Зябликов, которые мастерили новые двери и рамы для нужд колхоза. На фермах – скотники и доярки, на свинарнике – свинарки, на телятнике – телятницы, на птичнике – птичницы, поддерживали чистоту и порядок.

Павленко это видел, однако всё равно делал какие-нибудь замечания. Григорий Карпович, по его словам, за власть не держался. Откуда он был родом, Корсаков не допытывался, только слышал, что он из двадцатипяти тысячников. Поднял несколько колхозов в соседних районах и вот в Большом Мишкине уже несколько лет. В нём чувствовалась полная уверенность в том, что всё он делал по-хозяйски. Ходил он вальяжной поступью, ко всему внимательно присматривался, но пальцем никому из колхозников не указывал, если, на его взгляд, что-то было сделано не так. Но зато за все упущения перепадало бригадирам.

В холодную погоду он ходил в сапогах и в защитного цвета длинном с капюшоном плаще, в такого же цвета с околышем фуражке. Летом носил кепку, сатиновую рубашку и светло-серый хлопчатобумажный костюм.

– Ну что, Гаврила Харлампиевич, скоро будем приступать к севу? Семена, надеюсь, у тебя приготовлены? – спросил Григорий Карпович, чтобы начать беседу, видя, как тот недовольно хмурился.

– Не опоздаем, успеем, Григорий Карпович, – не сразу ответил Корсаков, стараясь при этом не глядеть на председателя.

– Ты чего, на меня обижаешься?

– Да нет, с чего вы взяли, – пожал тот плечами, мельком взглянув на председателя, и тут же опустил тёмные глаза. Корсаков тоже одевался практично: в чёрное короткополое пальто, похожее на объёмный пиджак.

– Вижу, не признаёшься, – вздохнул Павленко, снимая фуражку. – Но ты учти: я тебя не собираюсь ничему учить! Может, твоя хозяйская распорядительность и мне послужит примером? – и усмехнулся.

– Да сейчас же! Вы ходите передо мной со своим превосходством, это видно за версту.

– Я старше тебя, как же мне не ходить, – сказал он иронично и продолжал: – Извини, я себя над тобой не назначал, так решил район. Поэтому буду требовать, как и ты бы требовал, если бы тебе дали всю колхозную власть. Требование не должно превосходить ту ответственность, которая распространяется на колхоз из райкома. У нас на повестке – строительство центрального тока, построим его на развилке четырёх полей там, где стоит водонапорная башня. Там надо расчистить площадки, зацементировать, построить каменные зернохранилища и семенохранилище, установить новейшие элеваторы, построить счетоводную, весовую и другие службы, разобьём фруктовый сад. Уже ставим столбы под электролинию. От твоей бригады попрошу один амбар, у тебя их два. Кстати, не пора ли твои фермы и сараи побелить извёсткой? Да и твоя контора требует ремонта.

– Да, верно, в воскресенье побелим, мы не сидим, сложа руки, – буркнул недовольно Корсаков.

– Да, это видно, хаты сияют уже как меловые глыбы. У тебя частное стоит выше общественного. О колхозных постройках надо бы заботиться в первую очередь.

– Мы сначала готовили ток, к посевной инвентарь. А бабы тем и были заняты, что высаживали деревца в лесополосе на место вырубленных и вымерзших. За годы войны многие лесонасаждения были использованы на дрова. До мая ещё далеко, успеем привести в порядок и колхозные службы. А люди по традиции старались успеть к Пасхе, я же не хочу, чтобы меня потом отчитывали за почитание главного церковного праздника.

– Ладно, Гаврила Харлампиевич, может, они и правы, но о колхозе надо больше думать, чем о личных подворьях.

– Да кто же тогда о них подумает?

– Ты мне не напоминай простые истины. Пасха – это не колхозное дело, у нас работа государственного масштаба: в это воскресенье выдели людей на строительство тока и пошли – на расчистку dna балки под пруд – все, кто может держать лопату. Требование партии – расширение мелиорации наших полей, как условие поднятия урожайности. Для этого не менее важного, чем ток, партийного задания, собери всех без исключения баб, мужиков, всю молодёжь, даже стариков, но чтобы были все до единого.

– А пруд где закладывать, у нас в балке, или?..

– В Камышевахе, там мы однажды было начали углублять дно балки, но потом... В общем, всему своё время. И оно настало, – Павленко посмотрел на кузню и прибавил: – И своих молотобойцев, а я пришлю механизаторов. На общественную работу должны прийти по первому зову, так как к лету пруд должен уже служить колхозу. Кстати, там будет и зона отдыха.

– Для такого дела, надо бы пригнать ройную машину.

– К сожалению, пока такой машины в свободном пользовании у нас нет. Из МТС только придёт бульдозер. Неужели ста человек не хватит очистить русло балки лопатами? Я думаю, народ справится сам. Не будем отвлекать машины, которые заняты рытьём траншей под прокладку водопроводов и газопроводов на стройках в районе и области.

– Ничего, объявим коммунистический субботник и воскресник, чтобы ни один человек не вкалывал на своём огороде, – твёрдо сказал Корсаков.

– Вот-вот, а кто-то и на базар запросится. Воспитаем ли мы когда-нибудь коммунистическую сознательность или никогда не воспитаем? – вздохнул Павленко и посмотрел на биргадира, но тот на это промолчал. Того волновало отсутствие в посёлке электричества...

Председатель скоро уехал, найдя на этот раз общий язык с Корсаковым. Хотя Гаврила Харлампиевич вот уже который месяц со дня объединения колхозов выпрашивал у председателя провести в посёлок электричество. Но тот говорил одно и то же, дескать, ещё не запустили какой-то энергоблок Артёмовской электростанции. Как доведут до ума, вот тогда в посёлок

пустят ток. А вот радио проведут сразу после посевной кампании, так как для всеобщего просвещения народных масс партия нынче и сама в этом заинтересована.

Ещё задолго до укрупнения Корсаков ездил в район по тем же вопросам улучшения жизни села, и ему отвечали почти то же самое. Правда, тогда находилась серьёзная причина, из-за которой затягивалась послевоенная электрификация сёл, дескать, ещё не все электростанции, разбитые войной, были восстановлены. Хотя по сообщениям газет было известно, что тот же Днепрогэс, восстановлен хоть и не полностью, однако первая очередь вступила в строй в рекордно короткий срок...

Корсаков пошёл в кузню посмотреть, как выполняется его наказ по приведению инвентаря в рабочее состояние. Нужно было срочно подготовить для рытья пруда штыковые и совковые лопаты, кирки, вилы, тяпки. Иван Горшков, с чёрным от загара и металлической окалины лицом, большим молотком отбивал раскалённый до красна фигурный металлический брусок, который большими клёщами держал Тихон Кузнецкин и поворачивал по мере его отбивания.

— Ну что тут у вас: всё готово? — спросил бригадир, войдя в раскрытые настежь двери приземистой закопчённой изнутри и давно не белёной снаружи кузни, где пахло перегоревшим шлаком, кислым металлом и горячим горном, под которым тлели зелёными и алыми огоньками угли кокса.

— А для чего мы тут торчим днями? — ворчливым тоном заговорил Тихон, поглядывая на бригадира. — И все лопаты, грабли, тяпки и плуги, как видишь, — и он указывал в тёмный угол, где на полу лежало, пока ещё без державок, всё им перечисленное, кроме, разумеется, плугов.

— Вот и отлично, какие молодцы!

На Иване Горшкове серая сатиновая рубаша на спине была мокрая от пота, поверх брюк надет чёрный клеёнчатый фартук, который сейчас он снял, так как мешал сидеть для перекура. Его лицо и без загара казалось чёрным. Хотя днями стоять возле кузнечного горна и не обязательно загорать на солнце. Кузнецкин тоже выглядел необычайно смуглым то ли от копоти, то ли от постоянного пребывания перед огнём. А сейчас его густо-коричневое лицо лоснилось от пота, как угольный антрацит. Иван Горшков сам по себе был малоразговорчивым и оттого казался загадочным.

— Ну ладно, вижу, вам не до разговоров. В плотницкую сами снесёте инвентарь для насадки державок или прислать Потапа Бедкина?

— А что мы для него носильщики? — недовольно пробурчал глухим басом Горшков. — Пусть там не прохлаждается, лишнюю стопку за ворот не опрокинет...

— Значит, моё воздействие на него он мимо ушей пропускает? — воскликнул Корсаков. — Зябликов и Путилин баз чинят, а его почему-то это не касается? Выгону из колхоза к чёртовой матери! Опять на стружке валяется?

— Да кажись, нет, только что стучал, табурет для Шуры Чернушкиной сбивал. Простила персонально, наша барыня на сносях! — язвительно проговорил Тихон, глядя угодливо-насмешливо на бригадира.

Но Корсаков ничего больше не говоря, качнул досадно головой, махнул рукой и пошагал своей дорогой, глядя на небо, где клубились лохматые серо-чёрные тучи, того и гляди сорвётся, обрушится ливнем дождь.

С того дня, как колхоз лишился самостоятельного управления, Корсаков чувствовал себя не в своей тарелке. Ещё бы, что могло быть отвратительней зависимости от председателя чужого колхоза? И когда воплотятся все его начинания по улучшению жизни колхозников, все заслуги достанутся Павленко, но не ему, Корсакову. К тому же теперь ничего он не мог проводить в жизнь без согласования с председателем, который оказался донельзя требовательным, а то и придиричивым, чего он в бытность своего председательства не делал. Хотя Григорий Карпович всякий раз уверял, что он вовсе не придирается, а замечает только все их упущения.

Но Корсаковым, который считал себя хорошим хозяином, это воспринималось, как несправедливые наскоки. И ему думалось, что Павленко хочет сместить его без настоящей, а надуманной вины, и вместо него поставить того, кого давно приметил для удобства управления колхозом.

Павленко считался хорошим председателем, но Корсаков о нём так не думал, потому что тот находил стиль его работы для себя не подходящим. А значит, он, Павленко, не может быть справедливым, а тем более толковым руководителем только потому, что пытался незаслуженно сместить его, Корсакова, не потому, что был никудышным бригадиром, а просто ему он не подходил духовно и психологически.

Но это был его не совсем верный вывод, на взгляд Корсакова, такое неоправданно требовательное, отношение председателя объяснялось довольно просто. Павленко видел в Корсакове гордого, и на всех он смотрел этак свысока, что самому председателю внутренне претило. Но главное, что замечал за ним председатель и что ему крайне не нравилось, это было то, что Корсаков не делился с Павленко своими планами, точно большой ревнивец оберегал их от чужого сглаза. Для него во всём был советчиком вовсе не председатель, а агроном Никита Мефодьевич Зуев. Хотя тот чаще всего находился в правлении колхоза при хуторе Большой Мишкин.

Разумеется, такое отношение к председателю и вызывало поначалу у Павленко антипатию к Корсакову, что одно время он даже подумывал его заменить, поскольку в стиле его работы просматривалось то, что он недооценивал председателя, никак не желая мириться со своей нынешней должностью бригадира. Вот и возникало подозрение, не метит ли Корсаков на его место, а от такого гордеца можно ожидать и такого выпада. Вот потому Павленко, который не норовил к кому-либо попусту придирается, Корсакову высказывал по всякому поводу своё недовольство, которое не стоило того, чтобы разжигать конфликт на пустом месте. И надо было срочно развеять недопонимание друг друга, так как Павленко был вовсе не в восторге от того, что бывших соседей присоединили к нему.

Если с Корсаковым Павленко ещё мог о чём-либо договориться, то с бывшим председателем колхоза «Мировой Октябрь» хутора Александровка Михаилом Ивановичем Самохиным весьма трудно было столкнуться, ведь с этим колхозом объединение произошло на три года раньше, то есть ещё при бригадире Иване Гавриловиче Костенко. Тогда выращивали в займище овощи, занимались животноводством, содержали два дойных стада коров, племенных быков, разводили свиней и овец.

С ним легко можно было договориться обо всём. Но вот колхозники не уживались с тем председателем. Решили вернуть Самохина, который стоял у истоков создания колхоза ещё с 1930 года. Тогда Михаил Иванович был парторгом. Народ его полюбил за человеческое отношение и не только потому избрали председателем, он был из двадцатипяти тысячников.

Хутор Александровка ведёт свою историю ещё с января 1864 года. Тогда было налажено движение поезда по железной дороге Александровка—Грушевская—Новочеркасск—Аксайская на расстоянии почти семьдесят километров. Этот маршрут был проложен, после того, как началось строительство помещичьих усадеб. Это были барские загородные поместья Варвары Лопушинской, Антонины Севелихиной, Ефимии Барабашихиной, и ещё нескольких важных особ из богатых казаков. Рассказывали старожилы, что после революции, а кто и после гражданской, они уходили вместе с отступающими белогвардейскими частями к морю, чтобы бежать на пароходах за границу...

В те времена барские усадьбы располагались вдоль железной дороги. Построены были красивыми двухэтажными особняками в окружении дворовых построек и с разбитыми садами, виноградниками. Здесь же были вырыты пруды и плавали лебеди.

Была построена железнодорожная станция. Недалеко от помещичьих усадеб. Начальником этого разъезда был поставлен инженер Александр Александров, именем которого барский хутор и был после назван.

Сюда были переселены из одной из станиц несколько семей, которые работали на подворьях барских усадеб. Они также занимались ведением своих надворных хозяйств. Землю обрабатывали волами и лошадьми. Крестьяне держали коров, овец, свиней, гусей, уток, кур. Выращивали в основном кукурузу и ячмень.

Зимой крестьянки сами ткали полотно, из шерсти готовили пряжу, вязали носки, кофты, вышивали, шили также одежду и обувь. А мужчины вили из конопли верёвки, плели лапти, занимались ремонтом сельскохозяйственного инвентаря, плотничали, столярничали.

В 1920 году после установления советской власти на бывшей барской земле создали артель «Смена». В домах помещиков поселились артельщики. До начала коллективизации разводили разную живность, домашний скот, свиней. А в займище была устроена овощеводческая бригада.

В 1929 году сельхозартель преобразовали в коммуну «Пролетарская солидарность», тогда председательствовал Дёмин, а партторгом был Михаил Иванович Самохин. В скором времени коммунары получили первый трактор «Фордзон», который намного облегчил полевой труд. А весной следующего года пригнали второй, и совсем стало легче работать. Пахали на тракторах по очереди. Трактористы берегли машины, тщательно чистили, смазывали, что, кажется, навсегда освободились от кос и серпов. Но нет, техники было ещё недостаточно, приходилось косить и ручным способом.

В тот год урожай уродился богатый, все коммунары радовались. Михаил Иванович договорился с начальником станции и весь до зернинки урожай загрузили в товарные вагоны и благополучно отправили на станцию Ольгинская. Так что весь урожай был сохранён, вывезен и сдан государству. Коммунары по выработанным трудодням получили за свой труд зерно. Несмотря на все трудности, жилось уверенно, хотя не всегда вволю ели хлеб, надо было продавать часть урожая, чтобы на вырученные деньги покупать одежду, мыло, соль, спички. Некоторые коммунарки вспоминали другое время, дореволюционное, и рассказывали молодёжи, выросшей уже после революции и гражданской войны. Тогда на господ работали больше и только на себя в последнюю очередь. Однако всего хватало, бары не очень погоняли, ведь с работой справлялись вовремя. Хотя мечтали о своём подворье, но и не без того успевали и дома, и на барщине. Тогда планы заготовок зерна не поднимали, сколько сжали, намолотили, столько и сдавали. Зато теперь пока шла страда, из района приезжали земотделовцы и накидывали лишние центнеры, что казалось, самим не хватит, да и на семена нечего будет оставлять. Но нет, Самохин убеждал, что нечего всё подчистую выгребать, чем коммунары будут кормиться и сеять и начальство его слушало. Однако всё же набавляли к уже выполненной норме, но не столь сильно.

Коммуну «Пролетарская солидарность» переименовывали ещё дважды. Сначала в «16-й Партсъезд», а в 1935 году – в «Мировой Октябрь». А всё это нужно было для галочки. Были коммунарами, а стали колхозниками и будто от этого ускорилась работа. Тем не менее, как могли, старались. И как сменили коммуну на колхоз, так и руководство поменялось. Тогда председателем стал Влас Ефимович Петров, а бригадиром он назначил Ивана Филипповича Заморския. И к тем двум, что уже были, пригнали ещё три «Фордзона». И стадо выросло до четырёхсот коров, появился табун лошадей, имелась отара овец. Отелились первотёлки и давали до восемнадцати литров молока. Лучшая тогда доярка за сверхплановые надои от председателя Петрова получила в виде премии триста шестьдесят литров молока.

– Для меня это была великая радость, – признавалась Антонина Георгиевна Егорова, тогда ещё совсем молодая доярка. – Я сдала государству в счёт продналога двести семьдесят литров. А девяносто продала на рынке. Правда, платили нам не деньгами, а «бонами». Это тоже были деньги. Но они выдавались только для покупки продовольственных и промышленных товаров.

– А ты бы лучше молчала, Тонька, – сказала её напарница по ферме Анастасия Сергеевна Костенко.

– Дак чего ж мне скрывать, если мы правда хорошо начинали, – удивлённо отозвалась Егорова.

– Да то самое: скажут – хвастаешься! А чего хвастаться? Столько сдать молока. Да это, если хочешь знать, грабёж! – воскликнула возмущённо Костенко.

– Ну, до войны мы неплохо жили. Хороший был председатель. Другой бы наши премии государству сдал бы, – сказала Василина Донцова, справная на вид женщина с уверенным в себе взглядом.

– Да, правду, гутарит Настя! – заметила Елизавета Пронжило. – Потому он и премировал, чтоб отдали государству.

– Ну чего вы языками мелите? – с обидой спросила Антонина Егорова. – Сколько бы я тогда собирала молока, дети бы без молока сидели! А вы вспомните, как перед войной те колхозники, которые ударно работали, покупали даже велосипеды, мотоциклы, радиоприёмники. И в каждом дворе корова, телёнок, птица домашняя, и в ларях полно зерна. Спасибо нашему председателю. А ведь не в каждом колхозе так жили. Нет, не в каждом! Это всё от хорошего человека зависит. А где правит плохой, там и люди неважно живут...

– Ну и сказала, так у него навроде тебя, Тонька, любимчики были. Вот и получали по благу зерно и продавали на базаре. И почему бы технику не покупать. А ещё приворовывали, – проговорила бедово Елизавета Пронжило.

– Вот тогда Самохина и поменяли на Власа Петрова, что тот много раздавал зерна...

– Ладно, хватит, вам, а то договоритесь, сами полетите из колхоза! – сказала Костенко. И все притихли, стали расходиться по домам.

Глава двадцать третья

В те суровые времена, несмотря на все запреты, сельское население продолжало переезжать с одного места на другое, даже на большие расстояния. Такие переезды были вызваны разными причинами: всегда уезжали то от преследования властей, то в поиске лучших земель, то бежали от голода. К примеру, Галина Алексеевна Левашова оказалась в Харьковской области после замужества. Её муж Михаил Левашов служил в армии на Нижнем Дону, а после увольнения увёз невесту в свою деревню. Родилась дочь Зоя, а через пять лет Михаил поехал куда-то на заработки, да там и остался, сойдясь с местной красавицей. Однако на родину приезжал только за тем, чтобы развестись с Галиной и снова уехал с таким настроением, будто у него не было дома дочери. Пожила Галина у его родителей ещё года два, надеясь, что бывший муж одумается, вернётся. Но не тут-то было, во сне мать позвала её домой: «Уезжай, некого тебе там ждать, а здесь есть мужчина вдовый». И перед самой войной, когда дочери Зое было десять лет, уехала на свою родину в хутор Александровка, где у неё жили две двоюродные сестры. Их отцы были родными братьями. Вотенко Анна Петровна и Вотенко Екатерина Константиновна. Их бабка Вотенко Улита Никифоровна жила с дочерью...

Так получилось, когда они по вербовке приехали в коллективизацию из Орловской области, им нарезали землю в разных местах хутора, чтобы сёстры пустили корни. А их девичьи фамилии так и остались в поземельной книге. И вот Галина Левашова приехала в родной хутор после одиннадцатилетней разлуки и жизни на чужбине. Когда она становилась на учёт в сельсовете (это было ещё до войны), увидел её вдовец, Михаил Анисимович Суматов, у которого был примерно такого же возраста сын Агафон, что и дочь у Галины Левашовой. Он был тоже из приезжих, но его жена умерла через год от скоротечной чахотки.

Суматов уже слышал о Галине от одной из сестёр Вотенко. И вот он её сам увидел, и она с ходу ему понравилась. Недолго думая, Михаил подошёл к опрятной молодой женщине, которая поражала его своими острыми голубыми глазами.

– Добрый день, землячка.

– Добрый! – удивлённо глядя на мужчину высокого роста, ответила Галина.

– Давай знакомиться: Михаил Суматов.

– Галя, – как-то робко назвалась она.

– Вот и отлично! Я слышал от Аньки, что ты одинокая, у тебя дочь. Я в таком же положении. У меня сын Агафон. Давай жить вместе, – предложил бойко тот.

– Мой муж тоже был Михаилом! Он меня бросил, и как мне не думать, что все Михаилы ветреные и гуляки...

– Нет, я не такой, моя жена умерла уже больше года назад.

– И ты так скоро предаёшь о ней память?

– Память завсегда при мне. Не кори меня, Галина. Спасибо, что ты совестливая. Не могу я долго жить один. А ты, я вижу, близка мне и по душе родная.

– Ах, как хорошо ты говоришь! Мало ли в хуторе одиноких женщин?

– Но только ты одна меня и устраиваешь.

– Ведь не знаешь, а так говоришь, – горько усмехнулась Галина.

– Бывает так: посмотришь на человека, и, кажется, ты знаешь его давно, – он сделал паузу и следом бойко проговорил: – Всё, моё место здесь, на тракторе пашу!

Но сошлись они только через два месяца. Первое время Михаил ходил к Галине, которая жила пока у Анны Вотенко. Хотя она давно была уже записана под другой фамилией.

На этот раз Галине повезло. Михаил накрепко привязался к ней. Но только совместных детей у них пока не было. Зоя и Агафон росли как брат и сестра. А потом началась война, был ранен, потом пропал без вести. Галина работала дояркой, была на трудовом фронте, рыла окопы и противотанковые рвы.

Агафон и Зоя с другими хуторскими подростками по заданию военкомата от сельсовета отправлялись на лодках через реку Аксай в займище собирать документы наших солдат, которые погибли при наступлении в феврале 1943 года. Это было страшное зрелище, солдат складывали на грузовики и увозили по Батайскому мосту. Затем везли хоронить: кого в станицу Аксайскую, кого в Большой лог и хутор Александровка. Потом уже после войны сто с лишним погибших воинов перезахоронили в общую братскую могилу в хуторе Большой Мишкин.

Агафон и Зоя, глядя на убитых, невольно думали о своём отце, который вот так же где-то лежал неопознанным. А потом его, наверное, похоронили вместе с другими неизвестными солдатами...

Незадолго до укрупнения колхоза Агафон ушёл служить в армию. Зоя ему писала, сколько раз, бывало, он признавался ей в любви, вовсе не как сестре сводной, а как своей девушке. Агафон, как и отец, был выше среднего роста, симпатичный, с длинным тёмно-русым чубом, который нарочно отпускал для форсу.

Галина Алексеевна, конечно, замечала, как Агафон, кроме её дочери, будто не замечал в хуторе других девушек. Она росла бедовая, очень симпатичная, голубоглазая, с хорошей фигурой. Вот только была чуть ниже среднего роста, несколько коренастая, тёмно-русая. У неё за плечами – всего два класса. В хуторе она больше не училась, как окончила с трудом в харьковской деревне два класса, больше в школу не ходила. Хотя в хуторе была своя начальная школа. И вместо учёбы с матерью работала в овощной бригаде, так как нужда заставляла. И даже на базар ездила торговать овощами.

Агафон окончил четыре класса, потом при МТС – курсы механизатора. И в армии служил в танковых войсках на Дальнем Востоке. Когда пошёл третий год его службы, мачеха, Галина

Алексеевна, как она ему написала, чуть в обморок не упала, увидев на пороге хаты поздним вечером его отца Михаила, которого уже числила погибшим.

Оказалось, он потому пропал без вести, что в январе 1942 года под Харьковом попал в плен. Немцы тогда заманили наши войска по вине непрозорливого командования глубоко в тыл и взяли их в кольцо.

Из плена Михаил сумел бежать, но потом был осуждён военным трибуналом к восьми годам лагерей. Но за примерное поведение его выпустили на два года раньше срока.

Галина Алексеевна была безмерно счастлива. Дважды она видела мужа во сне: он поднимался из тайги на гору и махал ей рукой. Этот сон, который назойливо повторялся одной и той же картинкой, у неё вызывал страх оттого, что ей казалось, будто Михаил руками звал к себе. Хотя она знала, что пока не жалуется на здоровье и ей туда пока ещё рано.

– А что же ты, мой родимый, мне не писал из лагеря? – спросила Галина.

– Думаешь, меня одного забрали? Нет, Галя, нас туда отправляли пачками. Без права переписки. Нас послали, нет, бросили в бой после удачного прорыва обороны врага под Ельцом, откуда мы выбили немцев, воодушевлённые победой Московской битвы. Нам надо было с ходу идти на Харьков, но армия выбилась из сил. Много полегло наших воинов под Москвой. Решили пополнить войска резервной армией. И пока туда-сюда, немцы тем временем перегруппировались, нарочно оголили фронт, создали широкую прореху, до чего наши командиры не допетрили. А мы, лопоухие, на радостях и клюнули. Нет, конечно, не солдаты, а штаб армии, вскружённый разгромом немцев в Ельце и Туле, пошли в наступление, чего ни в коем случае нельзя было делать. Надо было хорошо оглядеться, подумать: почему немцы оголили фронт? Это мы уже поздно сообразили, когда под Харьковом немцы ловким манёвром зажали нас клещами и расстреливали в упор. А опосля уже было деваться некуда и пришлось руки вверх. Я считаю, нас предали. Говорили, Василевский и Сталин не отменяли приказ, что их нарочно ввели в заблуждение с этим дурацким наступлением.

– А ты, Миша, не переживай. Разных дураков везде хватает, – сказала Галина. – Нам тоже здесь пришлось несладко. Когда немцы пришли, нас выгнали из хат в сарай. Хозяйничали, как хотели. Хорошо хоть уцелели. Ведь немцы у нас отбирали все продуктовые припасы. И угрожали виселицей и расстрелами. Некоторые наши отважные девушки и парни, рискуя быть обнаруженными немцами, вывозили с поля боя наших раненых бойцов. Враг бил из пушек с большой высоты в займище, откуда наступали наши войска. Потом мы свозили убитых возле хутора и насчитали больше пятисот пятидесяти погибших бойцов в белых маскахалатах. После изгнания немцев я даже не знаю, каким образом у нас уцелело с десятков лошадей. Хотя всю другую скотину и живность они увезли на прокорм своей армии, – Галина замолчала, задумалась, точно забыв, что сидит за столом с мужем.

– Да, Галя, всё уже давно позади. Я не думал, что увижу тебя, сына и дочь...

– Не говори, я тоже, уже надежды никакой не осталось. С войны в хутор вернулось раза в четыре меньше того, сколько уходило на фронт.

– Вот не знаю, как мне теперь жить! Где был, спросят, столько лет? Что мне отвечать? – Михаил не смотрел на жену, сидел, наклонив понуро голову, глядя перед собой в тарелку с недоеденным наваристым пахучим борщом.

– А ничего, дескать, ещё служил, а потом восстанавливал разруху, – нашлась Галина. – Да, и ранение у тебя было серьёзное. На излечении в госпиталях валялся...

– Ранения в руку и ногу осколочные были не столь опасны, – задумчиво, вздохнув, ответил Михаил, и тут же тоном обречённости, тоскливости, прибавил: – В том-то и дело, фронтовики знают, с какими ранениями лечатся долго. А у меня по их меркам – царапины. Хотя если бы меня не вовремя подобрали санитары, могло бы развиваться опасное осложнение вплоть до ампутации.

– Вот видишь, так и объясняй, когда будут допытываться. И я найду что ответить. У нас тяжелораненых несколько. Так что я помогу тебе перед хуторскими оправдаться. Но и какое это оправдание. Да и кому какое дело, где ты пропадал столько лет! А можно сказать, что выполнял ответственное задание партии. Тогда пусть голову поломают, отгадывая...

Зоя была совершенно взрослой. Уже ходила в клуб на танцы, хорошо звонкоголоса пела и стала даже участвовать в художественной самодеятельности не только в своём клубе, но и выезжать с концертами в соседние хутора и станицы. И в том числе хутор Большой Мишкин и посёлок Новый. И вот там Зоя впервые попала в обозрение местного парня, который привораживал своим умным, наблюдательным взглядом. Был он чуть ниже среднего роста, стройный, несуетливый, внимательный. В клуб на самодеятельные концерты, где бы они не выступали, всегда набивалось много народа от мало до велика. А потом, когда выступление самодеятельных артистов закончилось, молодёжь не расходилась в ожидании танцев. Заведующий клубом Василий Треухов, став после войны инвалидом (потерял ногу), обыкновенно весело возвещал:

– А теперь внимание: все у кого дома малые детки скачут по лавкам, те могут ступать домой. И это равно относится как маткам, так и батькам. А дедам и бабам шагать на завалинки валять валенки и обсудить сегодняшнее представление александровских артистов, лучше ли они поют мишкинских али нашенских?

– Ну ты, заводила клубного кадила! – выкрикивал Кира Бубликов. – Ты мной не больно командуй. У нас чего, нет своих гармонистов? Вот хотя бы твой племянник Федул да Дрон Овечкин, да Гришка Пирогов. Они тебе лучшую программу организуют, а Петро Кузнецин и Жорка Куравин спляшут хоть барыню, хоть гопака!

Вокруг Киры стояли в основном молодые мужики и зычно смеялись. Однако его жена Валя осаживала мужа:

– Ты чего, на танцы остаёшься? Я тебе останусь! Наша дочка дома с бабушкой Анной. А ей тоже хотелось посмотреть концерт!

– Ничего, я иду. Мне давно не до танцев. Лучше бы не напоминала, ты у меня самая лучшая!

– Кира, может, к Фролу сгоняешь? Мы тебя быстро снарядим, – насмешливо предложил Пётр Кузнецин.

Он уже отслужил армию ещё года четыре назад. Но пока не женился. Хотя встречался с девушкой из Малого Мишкина, которая стояла с ним рядом и дёргала его за руку, чтобы свою шутку не обратил в реальность.

– Ты его подбиваешь на приключение, а у самого руки повязаны сердечной болезнью! – подначивал дружка Жора Куравин, сверкая серыми глазами, который был женат на Шуре Землянихиной, и она уже ходила первым ребёнком.

– Жорик, ты чего его подстрекаешь? А то я сейчас уйду от твоих шуток! – сказала жена.

– Видал, попался? – крикнул Кира. – Вот ему ещё можно! – указал он на Федула, к которому жалась Даша Кузнецина. – Дашка его ещё не захомотала, а нам пора по домам, хотя поплясать не мешало бы...

– Сиди, нашёлся мне плясун! – дёрнула его за руку Валя и потянула мужа из клуба и тот, дурачась и смеясь, поплёлся подхваченный женой. А за ним следом то же самое сделала и Аня, увлекая за собой Петра.

А вот Панкрат Полосухин, стоя с женой Варей, смотрел на Федула и в свою очередь поддевал его:

– Ты слышал, на что тебя подбивают, чтобы ты немедленно всю молодёжь под свою гармонь поставил.

– Да мы это смогём ещё как! А твою Варьку поставлю в главные запевалы! Хоть ты с тёткой Таней не в ладах.

Немногим было известно, как Панкрат не ладил с тещей, которая звала молодых жить к себе, но зять не хотел променять Дон на Воронеж. Дядька жены, Гурий Петрович – высокий, костистый в последнее время стал прибаливать. У него всё чаще открывалось горловое кровотечение, и мучил сильный кашель, что неотвратимо указывало на чахотку, а правильней – туберкулёз, который после долгой паузы заявил вновь о себе. Авдотья, его жена, которая сильно любила мужа и оттого в охотку рожала детей (последней у неё три года назад родилась дочь Татьяна). А всего у Гурия и Авдотьи их было шестеро – старший Федул, затем Николай, Клавдия, Виктор, Анастасия, Татьяна.

И вот в клубе, подначенный Кирой, Федул заговорил всерьёз об организации художественной самодеятельности, так как вся их семья была наделена музыкальными и вокальными способностями. И почему бы не поддержать родного дядьку Василия Петровича, который, несмотря на потерю ноги на фронте, года три назад женился на Любви Землянской из хутора Татарка.

– А что, братцы, я настрою своих братьев и сестёр, создадим семейный хор, какого нигде не будет! – говорил весело Федул, поглядывая на Панкрата, который ждал Варю, она побежала к своим по приглашению Авдотьи.

– Вот и отлично, племянш! – воскликнул Василий Петрович. – Ну, поговорили, давай теперь танцы начинай, – предложил дядька.

– Да, мне, женатому, чего, нонче только домой топать, – сказал Панкрат, поглядывая на дверь, в которую должна вбежать Варя.

Федул недавно пришёл из армии и собирался жениться на Даше Кузнехиной, которая стояла рядом с парнем и с укоризной посматривала на брата Петра, так как ей не понравилось то, как он подбивал ребят на пьянство вместо того, чтобы идти в хутор Малый Мишкин, где жила его девушка и куда проводить её почему-то пока не спешил, хотя Аня говорила, что уже поздно, пора быть ей дома. Но Пётр будто и усом не вёл...

Когда его друг Жора Куравин недавно женился на Шуре Землянихиной, стал об этом думать и Пётр. И только был пока без девушки Виктор Зябликов, который хоть и пробовал начинать курить ещё до армии, однако к табаку так и не привык. А теперь он стоял как бы безучастно и смотрел на девушек из хутора Александровка, которые ему почему-то казались намного интересней своих. Правда, одно время был он влюблён в Клаву Треухову, когда она была ещё совсем девчонкой. А теперь стала взрослой, и за ней ухаживал Василий Глаукин, который служил в морфлоте и был рослым, широкоплечим, настоящий атлет, да и только. И Клава смотрела на Василия с таким любовным обожанием, что вокруг, будто никого не замечала. А Виктор Зябликов так быстро это осознал, что она больше его не тревожила и уже нисколько не волновала. К тому же Виктор обладал вполне здравым умом и не переоценивал свои возможности. Хотя был он из тех парней, которые долго присматриваются к девушкам. И может быть, его нерешительность проистекала оттого, что не отличался завидными физическими данными, так как был среднего роста, щуплый и не считал себя красавцем. В себе ему не нравился островатый и к переносице расширенный нос; но в целом его лицо было умное, правильный вырез полных губ, которые и придавали ему неотразимое обаяние. А карие глаза всегда взирали оценивающе, что говорило о его недюжинном уме и серьёзности. Он любил, как и его отец, вдумчиво, ничего не пропуская, читать газеты, следил за политикой...

Глава двадцать четвёртая

О смерти Сталина написано много очерков, научных исследований, художественных произведений. И до сих пор точно не установлено: от болезни ли он умер, или его убили борцы за власть? Некоторые историки считают, что вождь страдал гипертонической болезнью.

нюю и не обращался к врачам, так как боялся быть отравленным. Занимался самолечением, и потому в роковую ночь от много выпитого вина произошёл удар.

Но так ли это, если знаешь, какие отношения складывались между вождём и четвёрткой, которая в последние годы фактически, оттеснив Сталина, боялась, что он расправится с ними. И понимание этого, заставило четвёртку опередить хозяина. Но вряд ли Берия поставил в известность Маленкова и Хрущёва о том, как он достигнет желаемого ими всеми. Берия больше кого-либо боялся за свою жизнь, поскольку было раскручено мингрельское дело... Но не одно это заставило Берию опередить вождя, а также и последний съезд партии; на нём Сталин задумал утвердить коллективное руководство, которое могло положить конец междоусобице. И новая модель управления страной могла исключить борьбу за абсолютную власть. А значит, он мог обеспечить себе спокойную старость...

Поэтому есть все основания считать, что устранение Сталина было спланировано Берией, к которому подтолкнул своих же соратников сам вождь всех народов, когда назвал второго преемника... Но если бы даже этого не случилось, то всё равно Берия уже ни за что бы ни перед чем не остановился. А второй преемник вывел его из равновесия, ведь Лаврентий Павлович давно мечтал, с того момента, как был переведён Сталиным в Москву, стать его преемником. И для осуществления своей высшей цели он делал всё, чтобы Сталин не усомнился в его преданности ему. Берия никогда с ним не спорил по существу, поскольку хорошо знал, чем это заканчивается. Вот тот же Вознесенский по своему простодушию, не стремясь умышленно выказывать Сталину свои познания в экономике, он смело излагал свои теоретические выкладки, что тотчас виделась ось развития социализма. А Сталин старался узнать у того, что он думает о такой категории, как стоимость, из чего она складывается, зависит ли её подъём или снижение от производительности труда или достаточно только регулировать волевым решением? Вознесенский категорически отвергал всякие вмешательства в экономику, не соглашаясь и не поддерживая ни в чём позицию Сталина. Вот за это, как ни странно, он и ценил Вознесенского, считая его настоящим учёным...

Уж кто-кто, а Берия первым только и знал о том, как Сталин мечтал отдать Вознесенского под суд, как сторонника не марксистского понимания экономики, поскольку она не может делиться на коммунистическую и капиталистическую. Но Сталин этого не мог долго понять, так как в её основе он видел лишь планирование и распределение национального продукта и произведённого товара. А стоимость и производительность труда, это те категории, которые зависят от развития производственных средств и сил, что в совокупности и формирует прибавочную стоимость.

И вот, когда Вознесенский стал планировать пятилетние планы, особенно в войну, и они показывали неплохие результаты, Сталин тогда резко переменил о нём своё мнение. Вознесенского Сталин считал уже лучшим экономистом, полагая, что все другие школы могут почить в бозе. Ни один экономист не признавал построение коммунизма, и только Вознесенский верил в новую экономику...

Сталин тогда поручил Берию наблюдать за вольнодумным экономистом и выяснить, насколько он искренен, или только приспособленец? И одно время даже хотел найти доказательства его враждебного отношения к советской власти. Вознесенского Берия ненавидел за одно то, что тот, как казалось ему, смотрел на него, как на проходимца, плута, а всё потому, что Берия при всём при том и сам чувствовал, что он часто бывает не в ладах с совестью, закрывает глаза не только на свои обманы женщин, но и сотрудников. А всё потому, что он стремился к лидерству и всемерно над всеми возвышаться. Поэтому, глядя на умное лицо Вознесенского, его упрямый порой взгляд, Берия и стал думать, что экономист всего его просчитал, чего тот на самом деле стоит и к чему стремится. И как он мог с ним ладить, коли он чувствовал, превосходство над ним Вознесенского. А ещё ему безумно нравилась его жена Мария Андреевна, и скоро ему стало также казаться, что она тоже смотрит на него с предубеждением.

«Наверно, с мужем обо мне беседуют, а мне это нэ нужно, я этого умника сверну в бараний рог. А его бабу к сэбе заберу!»

А поскольку Вознесенский стал любимцем Сталина, Берия не делал попыток запугиваниями, интригами вмешиваться в его семью. Правда, Мария Андреевна хоть и боялась Берии, презирала его за хамство, когда, бывало, он заявлялся в школу рабочей молодёжи, где она преподавала и была директором. Это было уже в тот год, когда мужа расстреляли. И она тоже жила с двумя дочерьми в страхе ожидания ареста, так как брат Александр, сестра Мария мужа уже были арестованы и расстреляны. А может, тогда ещё и нет...

Берия предлагал сожительствовать, но Мария Андреевна Литвинова (носила всё ещё свою фамилию) не поддалась. Ходили слухи, что из-за Берии её и арестовали. Этому мог вполне предшествовать такой диалог:

– Мария Андреевна, твой муж, ты же знала, хотел стать хозяином всэя Руси?

– Нет, он об этом мне не говорил. Коля не из тех, кто рвался к власти. Все посты он получал своими знаниями, своим трудом. Родина оценивала его по заслугам высоко...

– Вы были пара, что надо! А вот я со своей Нино не сумел хорошо наладить жизнь. Она крикливая, взбалмошная. Вот ты, Маша, умница. Но что теперь дэлать? Не я же твоего Николашку в каталажку, а Абакумов. Я его нэнавижу! Меркулов или Круглов могли пожалеть, а этот зверь, сам пытается! Но если сам хозяин так решил, тому и быть. Зачем он продавал западу документы секретные? Долларов захотел? А за валюту у нас расстреливают! Ты лучше за меня выходы...

– Нет, Лаврентий Павлович, я мужа и сейчас люблю, но ещё больше. Замечательней его человека я не знала... И я не верю, чтобы вы были не замешаны в его судьбе! И за валютой он не гонялся, не продавал, его подвели, оговорили, а может...

– Ты вэришь ему? Как можно вэрить, когда факты воровства суд подтвердил? Поверь, я не замешан. Негодяй Абакумов. Я пытками не упражняюсь, а Виктор – выбивал своими кулаками показания. Нет, твоего он не пытал. Я ему звонил, чтобы Вознесенского не трогал, хоть и враг народа был...

– Да ну что вы говорите! Да преданней товарищу Сталину, народу, партии, не было человека, чем он. Я поражалась, как он говорил детям, когда пришли за ним: «Дети, партия всегда права!» Он надеялся, что с ним разберутся, поверят, что невиновен и отпустят! Его товарищ Сталин хотел поставить руководить Госбанком, и вдруг пришли, всё перевернули и увезли! Значит, кто-то очень не хотел его видеть на работе...

– Вот видишь, сам признался! – воскликнул Берия. – Так будем с тобой жить? – Берия знал, что получит отрицательный ответ. Хотя он и сам в это не верил, но Мария Андреевна ему очень нравилась, что скрывал даже от себя. Ему просто хотелось её подчинить себе, и заполучить последнюю работу Вознесенского. Собственно, этой цели он и добивался...

– Я уже ответила – нет, Лаврентий Павлович! Не предам память дорогого мужа! Он для меня навеки единственный!

– Смотри! Твоя жизнь в моих руках. Я всех люблю, кто мне покоряется. А то посажу, а твоих девочек – в детдом определим. Думай скорее, а то мне недолго тебя туда отправить! Кузнецова жена уже сидит. А тебе сдэлали снисхождение. Ну, так что, будешь упрячиться?

– Я не упрямлюсь, я уже сказала – делайте что хотите, а от мужа не отрекусь!

– Что «хотите»? Тогда поехали со мной ко мне и там всё решим! Это я тебя сюда запёр, чтобы ты одумалась. Нехорошо жить в маленькой квартире? А ты мне подчинись и всё верну, вижу, ненормальная, чего кочевряжишься?

– Пошли вы все, доброжелатели! Только семьи разрушаете, людей ни за что изводите! Вы палачи! – Мария Андреевна плюнула в лицо Берии и даже руку занесла. Но тот резко сжал её в предплечье, и она чуть было не рухнула на пол.

– Ну, тогда за клевету сгниёшь! Сука продажного мужа, в подвале Лубянки! – И Берия сверкнул стёклами пенсне и тут же убежал, хлопнув дверью.

А на другой день её по решению суда арестовали как жену изменника Родины, где Мария Андреевна сидела вместе с артисткой Зоей Фёдоровой, Лидией Руслановой, с женой профессора Вовси Верой Львовной и женой Кузнецова Зинаидой Дмитриевной (в девичестве Воинова)...

И вот теперь, когда Сталин повергнут, Берия прибрал к рукам сразу два силовых ведомства – МВД и КГБ. Силовая власть была в его подчинении; теперь он готовился к следующему рывку. Но с наскока этого нельзя было сделать. Он обдумывал свои инициативы по изменению системы управления страной. Но для начала надо было посадить всю верхушку. Берия разработал план: он будет предлагать реформы, какие задумывал вождь и учитель. Все их боялись потому, что тогда для них в новой системе не найдётся достойного места, так как Сталин тайно готовил новые кадры для реформирования экономики. Когда они откажутся от его инициатив, он выдвинет обвинения в то, что они загоняют страну в тупик. И тут же будут все посажены в тюрьму для высших руководителей, которую они создавали вместе с Маленковым...

Между прочим, делёж портфелей высшей власти состоялся, когда тело Сталина ещё не остыло... А после похорон началась новая борьба, теперь среди вчерашней четвёртки заговорщиков Маленкова, Хрущёва, Булганина и Берии...

Мария Андреевна по суду получила десять лет без права переписки, деля тюремную долю с другими осуждёнными по нелепым обвинениям, питаясь чечевичной баландой со своими товарками по общей беде. Она только вспоминала, как в согласии жила с мужем, воспитывая дочерей Майю и Наташу, как мечтали о счастливой жизни при коммунизме. И, как ни странно, в отличие от неё Николай верил в возможность построения справедливого строя, доведя производительность труда до такой степени, что закон стоимости не станет главной целью любого производства. И всё будет подчинено развитию, производственным средствам и предметам труда. Весь упор на создание производственных мощностей и затем довести производство всех отраслей до высшей степени совершенства. И создать отлаженную социальную систему. Николай Алексеевич не раз говорил Сталину о заинтересованности людей в труде, без чего не может быть движения вперёд экономики. И наладить обязательно пенсионное обеспечение сельских тружеников, заменить трудодни денежным расчётом за труд, чтобы ликвидировать социальное неравенство между городом и селом. Но Сталин был против того, чтобы колхозники стали получать пенсии...

– Вы понимаете, к чему это приведёт? – говорил Сталин. – Русский мужик лежебока, недаром мудрость народная придумала сказку о Емеле и щуке! Государство – не щука, а в данном вопросе и не пряник и не кнут! Мужик будет получать пенсию, а его огород травой зарастёт. Нельзя ему платить! У него один инструмент добывания денег – земля и руки!

– Да, товарищ Сталин, вы отчасти правы, – согласился Вознесенский. – Но рабочим мы платим пенсию по выслуге лет и по старости, и землю под дачи наделяем...

– Мы даём самым лучшим, передовым, чтобы остальные на них равнялись. Стимул – основа морального поощрения! И нам не нужны мещанские настроения. А дача как раз такие настроения культивирует. Мы с вами имеем дачи для работы и отдыха. И для рабочего дача – место отдыха и полезного для себя труда. Шесть соток – это не стремление к наживе, а разнообразие городского быта! Русский мужик по своей сущности лентяй. Поэтому его расхолаживать не только пенсиями даже песнями вредно. При царизме больных, увечных не жаловала община да земство их не поддерживало. Да и то землю отбирало, если девки рождались, – по высказываниям вождя, знающие историю могли бы убедиться в его ошибочном взгляде на русского мужика или означало то, что Сталин лукавил, ему ли не знать, сколько работающих, крепких хозяев он вырвал с корнями и бросил в необжитые глухие районы страны, где они расчищали тайгу, строили специализированные посёлки и поднимали землю, хозяйничали и там,

на чужбине в свой час умирали. А их потомки старались выбраться из тайги и тайком уезжали на стройки, чтобы там обрести своё счастье.

Мария Андреевна всегда предостерегала мужа, чтобы с вождём не спорил, не выказывал свои познания.

– Коля, надо его слушать и молчать, слушать и молчать. Подумай обо мне и дочках...

– Ничего, Маша, товарищ Сталин меня понимает с полуслова. Моё мнение больше значит для него, чем других экономистов. Он их при мне называет буржуйскими недобитками. Конечно, я их защищаю. У каждого своя теоретическая школа, не все понимают, что такое планирование, они только знают спрос и предложение...

– Зачем народу навязывать такие товары, которые не пользуются спросом?

– Машенька, ты рассуждаешь правильно. Как бы там ни было, шить рубашку кое-как, не опираясь на эстетику, это значит давать повод людям гоняться за импортным ширпотребом, который, естественно, качественней нашего.

– А у нас валовой продукт не отвечает спросу и предложению. Коля, с тобой я скоро стану экономистом, – усмехнулась Мария Андреевна.

Они любили ездить в лес по грибы и ягоды всей семьёй. Такие поездки теперь, из тюремной камеры, Марии Андреевне казались действительно недостижимо сказочными. И всегда возвращались с грибами и ягодами.

– Видишь Маша, никто нас не остановил, не прогнал и не пригрозил расправой, как это было при царизме, когда все лесные и прочие угодья находились в руках помещиков.

– Я согласна, Коля, а всё равно и в новой жизни немало несправедливости. Люди сейчас менее искренние, менее отзывчивые, в общем, люди боятся друг друга. В обществе нарочно насаждается атмосфера подозрительности и взаимного недоверия. Недавно я спросила в школе у своей коллеги о муже. Она мне знаешь, что ответила?

– Что же?

– Твой муж при хозяине. А мой по доносу в тайге лес валит. Может, он и постарался...

– Разве он из Госплана?

– Не знаю. Впрочем, я даже точно не знаю, где он работает. Ветров Пётр Семёнович...

– А причём тут я? – Николай Алексеевич пожал плечами. Хотя примеров подозрительности он мог бы и сам привести. И в таких случаях всегда отвечал: «Друзья! Будьте искренними и не лживыми. И тогда можно доверять друг другу!» И почему перед Сталиным Вознесенский с самого начала строил исключительно открытые отношения. Нет, даже специально не строил именно такие отношения, так как по своей натуре он действительно исповедовал принцип открытости: будь перед другим – как на ладони.

– Её муж знал тебя по институту красной профессуры. Он тебя ненавидел за твою буржуазную чистоплотность. В её понятии это приравнивалось к аристократизму.

– Какая глупость! Но убей меня, я его не помню. Ветров, Ветров – нет...

Марии Андреевне воспоминания несколько облегчали тюремное существование. Она не знала, что происходило на воле. Однажды в камеру донеслись протяжные, тревожные гудки паровозов и заводов. Все арестанты смекнули, что, видно, произошло нечто важное. Но что умер Сталин, такой мысли никому не приходило, так как все полагали, что с вождём никогда ничто не случится, он вечный, все смертны, тогда как он вечен...

Уже подходила к концу первая декада марта 1953 года. Потом надзиратель, который принёс ужин, тихим шёпотом сказал:

– Наш отец представился!

– Как, умер Сталин? – вырвалось у известных стране артисток Зои Фёдоровой и Лидии Руслановой. – Слава тебе, Господи, значит, нас скоро выпустят?

Пухлого телосложения надзиратель промолчал и с сумрачным лицом, с виноватостью во взгляде, удалился. Арестантки то ли вслух, то ли про себя повторяли: «Тиран скончался, тиран на том свете!»

Но прошло ещё девять месяцев, и только тогда военная коллегия Верховного суда СССР прекратила дело по обвинению Марии Литвиновой, и оно было закрыто. В феврале 1954 года она вместе с ослабленной женой Кузнецова приехала в Москву. Тогда её дочери Майя и Наташа жили на Сретенке, занимая комнату в десять квадратных метров. Тогда же ей попала газета с сообщением о расстреле Берии как изменника и английского шпиона.

Знала ли Мария Андреевна, отдавала ли себе отчёт в том, что кучка политических дельцов распоряжалась тысячами ни в чём не повинных людей исключительно ради того, чтобы Вознесенский действительно не стал преемником Сталина? И только из-за него Берия, Хрущёв, Маленков и Булганин развязали «Ленинградское дело». И Сталин, хотя и был уже весьма стар, и в какой-то мере утратил здравый смысл, не мог не знать, к чему приведёт эта борьба по уничтожению Вознесенского. Конечно, он всё знал, но будто умышленно не спас преемника, значит, он, похоже, был внушаем, что лучший его экономист, порядочный, честный, вдруг стал похитителем секретных документов? В это же он мог не поверить, ведь к тому же сам называл Вознесенского «белой вороной». А когда так оскорбительно и унижительно называют человека, это звучит не как осуждение, что он именно такой и есть, только не ловит ворон, то значит, самый честный и порядочный...

Если бы Сталин не поверил всем наветам на своего преемника, если бы в тот момент он действительно в полной мере проявил свой прозорливый гений и раскусил то, чего от него добивалась четвёртка «соратников», то и его самого судьба сложилась бы не так печально. Но Сталин, хотя и мог всё осознавать, что обстоятельства складываются не в его пользу, надо было действовать быстро, на что, собственно, и решилась «четвёртка». И он повёл атаку против Берии по прекращению «ленинградского дела», и тем самым включил у того защитные рефлексy.

И неправы те историки, которые считают, что «ленинградское дело» инициировал Сталин, что к преклонным годам у него усилилась подозрительность, наоборот, к концу жизни у него ослаб инстинкт самосохранения, значит, и подозрительность при таком состоянии была не способна обостряться. Он мог только по представленной служебной записке признать доказанность вины Вознесенского и на её основании разрешил открыть против него уголовное преследование, но он до последнего не верил в представленные обвинения и заставил дополнительно расследовать...

«Лаврентий, чего ты хочешь, чтобы я расстрелял Вознесенского и всю его цепочку, а ты тогда успокоишься и будешь ждать, когда я тебе передам все свои полномочия?» После этих слов Сталин так грозно посмотрел на Берия, что у того всё внутри похолодело.

«Он нас всех перестреляет!» – в паническом ужасе позже на ухо шептал он Хрущёву. И к тому же Берия не мог забыть, как Сталин после заседания Политбюро Маленкову и Булганину явно многозначительно обронил: «Ищите большого мингрела». И тут же машинально посмотрели на Берия.

Но Сталин, натравливая против Берии, на тот момент его же сторонников, как раз этого не учёл, считая, что они не посмеют объединиться, чтобы выступить против него, Сталина. Хотя это уже было вполне очевидно; он даже не мог предположить, что для них быстро стареющий вождь был ещё опасней, чем двадцать лет назад, так как и с возрастом, он вовсе не стал менее подозрительным, наоборот, по их представлениям, мания преследования и вынуждала его прибегать к репрессиям. Они были убеждены, именно этим способом он всегда поддерживал в стране взаимные подозрения.

А когда созданная атмосфера подозрительности была в действии, то есть, когда народ не един, а разрознен, им, в атмосфере страха, было легче управлять.

Можно признать, что Сталин действовал так же, как поступал на заре своей политической карьеры с помощью карательного органа, не учитывая в современных условиях новых реакций своих соратников.

Берия же украдкой ото всех продолжал изучать шпионское дело и знал, что делалось как на Западе, так и внутри страны. Он и внедрял новые приёмы по устранению неугодных так же, как и контрразведчиков. Эти новые методы по подрыву несокрушимых авторитетов и высокой репутации политиков он применил по устранению секретаря А.Н.Поскрёбышева, главного охранника Сталина Н. С. Власика, искусно оговорил Н.А.Вознесенского. А говоря точнее, помог провести Маленкову операцию ареста и по сбору немедленного компромата на всех их общих противников.

И, как мы уже знаем, и против самого Сталина, о причинах внезапной болезни которого сегодня трактуют и так и этак. Но многие историки сходятся в одном: Сталин не умер своей смертью, просто ему помогли уйти, то есть уход ускорили бездействием. Можно только предполагать, не отстрани от себя Молотова, Кагановича, Микояна, Ворошилова он мог ещё управлять страной столько, сколько было бы ему отведено времени Богом по пребыванию на этом свете.

Однако случилось то, что должно было рано или поздно произойти по законам той жуткой системы, которую он же сам и создал. И жернова этого аппарата смяли его самого, к тому же рано или поздно надо было всё равно уходить. Но как именно, Сталин, видимо, этого и сам точно не знал, и напрашивается одно, к сожалению, увы, он отдавал себе отчёт о своём 30-летнем нахождении на Олимпе верховной власти. Но ему, как и всякому тирану, было жалко с ней расставаться. И потому, называя преемников, он исходил из здравого смысла, Сталин играл и со своими «соратниками» (открытых врагов у него уже давно не было), и с самим собой, дескать, вот какой я благородный, справедливый, не цепляюсь за трон, я вовсе не узурпатор. Хотя таковым он оставался до последнего вздоха.

А тогда ему было весьма приятно усыплять себя этим, то есть готовностью в свой час передать трон преемнику и ожидать на это желание реакцию приближённых. Но многие историки, писатели, изучая поминутно последние годы и ту роковую последнюю ночь, упускают из поля зрения одно: простилось ли вождю то, что, уничтожая своих бывших товарищей и противников по партии, он нарушал высший принцип пребывания на этом свете человека, что только Бог был вправе распоряжаться всеми судьбами людей, какая б доля им была ни отведена в земной юдоли. Тогда как Сталин взвалил на себя роль Бога, но действовал не от имени Господа, а от сатаны, слугой которого, выходит, он и был. «По делам узнаете его». Между прочим, диктаторы никогда не понимали сути Бога и дьявола, возомнив себя Богами, но вступали в союз только с дьяволом...

Сталинизм — это явление, которое при всём его раскладе, изначально противное Богу, а значит, и нравственности, этике... А может, ему так было и нужно, им, Богом, запланированы эти жертвы, которые навечно остались на совести диктатора, чтобы пробудить из спячки народы, которые были им зомбированы — пропагандой светлой жизни? И в силу этой идеологической обработки всей страны нельзя было привести её в разум, к осознанию своего рабского положения. У народов отняли веру в Бога, но в душе он с ним и оставался, чего не понимал Сталин, а если и стал понимать, так лишь только, когда грянула война. Но тогда было уже поздно, даже Богу, который способен простить любой грех, не под силу это сделать в отношении диктатора, который повернул страну с её исторического эволюционного пути развития в ту сторону, где её ожидал впереди единственно неизбежный тупик. Так происходит лишь тогда, когда нарушаются объективные законы общественного движения вперёд по предопределённому Богом пути. А кто прерывает, тот обрекает и себя, и народы в худшем случае на гибель, а в лучшем — на жалкое, тщетное существование...

Этого таинства не постичь лишь тем, кто напрочь с выхолощенным пониманием сути божественного проявления, у кого религиозное сознание подменено атеистическим, кто совершенно отрицает проявление таинственного проведения, кто отрицает возможность таких явлений, которые нельзя объяснить даже научным подходом.

Всё то, что произошло со Сталиным, а затем и с Берией, не лежит за гранью таинственного, здесь мы видим итог завершения борьбы за власть. А в первую очередь избавление от опасного соперника, который был способен ради достижения высшей власти уничтожить Хрущёва, Маленкова, Булганина и всех тех, кто их поддерживал, чтобы себе обеспечить Верховный трон...

Хрущёв не хуже Берии обладал звериным чутьём неизбежной опасности. И он, когда тело вождя не успело остыть, сказал тихо Булганину:

– Николай, Берия возьмёт два поста министра МВД и председателя КГБ, и тогда он нас уничтожит. А чтобы его опередить, мы должны после похорон ещё тесней сплотиться против этого зверя. Маленков, думаю, согласится, ты поговори с ним... А может, я и сам... – после паузы прибавил Никита Сергеевич.

– Да, конечно, ты прав, Никита Сергеевич, – охотно поддержал Булганин, который ещё несколько секунд назад думал точно так же. Но только не о Берии, а о Маленкове, который решительно разделался с «ленинградцами» и с их сторонниками. Но о Берии Булганин думал как о своём соратнике, чтобы с ним свалить Маленкова и Хрущёва, которых он боялся больше всего. А выходило, опасней Берии и не было, что его тогда несколько не удивляло; он и сам так же, как и Хрущёв и Маленков, боялся и Берии. Но вслух ни жене, ни друзьям (хотя у него их в полном смысле и не было) своих соображений не высказывал. Единственно, чего он просил ему вернуть, так это пост Министра обороны. А для чего, толком и сам не ведал. Впрочем, Булганин надеялся настроить генералитет на свой лад и объяснить, на что замахивается Берия, чтобы держать с ним ухо остро.

Булганин хоть и был по духу отъявленный шатающийся карьерист, но самостоятельно он бы ни за что не рискнул бороться за высший пост. Для этого ему нужно было с кем-то сплотиться. Но, кроме Берии, таких фигур он не видел, так как Маленков и Хрущёв между собой уже поделили партийно-министерские портфели. Георгий обрёл премьерский. А Никита – партийный. А значит, ему, Булганину, нужно ближе держаться к Хрущёву, а там гляди, они вместе свалят Маленкова, который настолько вёл себя самонадеянно и самоуверенно, что не обеспечил себе поддержки ни среди министерств, ни среди членов Политбюро. Там все уже были подобраны Хрущёвым! Но Маленков рассчитывал на поддержку Молотова, Микояна, Кагановича, Ворошилова, Будёнова и даже Жукова, что те ему давали прозрачно понять: тройка старых вождей и двух маршалов была ошарашена? Нет, шокирована неожиданным взлётом Никиты Сергеевича. Как они проморгали его и сами не понимали!

Но мы, с высоты времени, можем вполне: все они были воспитанники сталинщины и потому напрочь утратили самостоятельность. И уже не могли свободно распоряжаться своими судьбами опальных политиков. Хотя поразительно – несколько не обижались на Сталина, что тот их почти оттеснил на обочину, чуть ли не вытолкнул на пенсионный покой, дав им лишь право быть в палате старейших партийцев с правом голоса. Хотя своей рабской сущности они не очень понимали. Поэтому, когда Маленков смело заговорил с ними о том, что творит Хрущёв, став наступать на него, тройка старцев (хотя по возрасту они чувствовали себя полными сил: так чувствуют себя только долгожители) выразила лишь робкое согласие. Но они только одного не знали, как им действовать против весьма импульсивного, взрывного Никиты Сергеевича. И на всякий случай поговорили с Леонидом Ильичём Брежневым, который в отношениях со всеми соблюдал лояльность и считался из молодых самым разумным в партии и правительстве.

Однако Брежнев испугался предложения заговорщиков, о чём, правда, вида не подал. Но предложил поговорить с Шепиловым...

Разговаривал ли он с ним или нет, но дело тем и кончилось.

Когда Берия был уже ликвидирован, а маршал Жуков стал министром обороны, Хрущёв сделал всё, чтобы укрепить свои позиции, расставив на все ключевые посты, преданных ему людей, которым однажды выпалили напрямую:

– Сталин вам спать не давал, а у меня будете и спать, и отдыхать! Вспомните, как он вместе с Маленковым решил у нас отобрать все пайки, урезать оклады, прибавки! За счёт этого сокращения Сталин предложил снизить цены, а это был неоправданный для экономики шаг. Я всё это вам верну. А тогда я знал, что он хотел услышать моё мнение. Я ему, как лакей, поддакивал. У меня другого выхода не было. Что касается его выражения – «иметь мнение», я этого не запрещаю, но и вы не должны зарываться. И действовать, как позволяет нам советская демократия, гарантом которой я обещаю быть. Пока вы будете мне помогать бороться с проявлениями нигилизма и оппортунизма, бороться с остатками сталинизма и действовать в рамках коммунистической морали, бороться против мещанства, приписок, бороться с проявлениями экономического саботажа, я буду с вами. А до меня доходят слухи, чтобы свалить Никиту, надо, дескать, создать ему экономическую блокаду. А так могут настраивать против нашего курса враги из-за бугра и океана. Ну, я им задам кузькину мать...».

Глава двадцать пятая

После смерти Сталина, когда прошёл очередной Пленум ЦК, Пономаренко был отправлен работать на Урал. Разделение постов между четвёрткой произошло, как говорят историки, ещё при жизни вождя, который, правда, тогда уже находился в коме. А потом уже на пленуме ЦК КПСС все четверо были утверждены в своих распределённых должностях.

Г.М.Маленков, как все считали, будучи замом премьера Сталина, являлся полноправным преемником вождя. Против него же никто даже не посмел выступить, так как он лучше их всех разбирался в экономике. Хотя и в подмётки не годился, поверженному им Вознесенскому, с которым с самого начала, как тот вошёл в ЦК партии, заняв кресло председателя Госплана, вызывал антипатию своим виртуозным знанием экономической политики. Впрочем, которую сам и выстраивал, начиная с тридцатых годов. Вознесенский, как считал Маленков, был в основном теоретиком, а потом уже свою теорию сам и применял в жизни.

– Пусть Николай Вознесенский нам на деле докажет, – говорил, бывало, Сталин Маленкову то ли серьёзно, то ли в шутку, – как его теория военного планирования сработает? А если не сработает, мы посадим его, чтобы он там думал, а ты, товарищ Берия, проследишь, чтобы хорошо думал, почему у него ничего не получилось...

– О, Иосиф Виссарионович, да хоть завтра я его отправлю в лесорубы! – заметил цинично Берия, поправляя двумя пальцами пенсне.

– Не спеши, пусть нам сначала докажет, насколько его экономика будет эффективна в условиях военного времени...

Потом, когда Вознесенский изложил своё видение военной экономики и как она должна воплощаться, Сталин в нём увидел действительно большого теоретика. И с того, 1932 года, Николай Алексеевич затмил собой почти всех старых экономистов. Поговаривали тогда, будто Сталин говорил своему другу С. М. Кирову: «Ты понимаешь, Серёжа, Вознесенский меня так покорила своей теоретической обоснованностью природы социализма, что я готов старых буржуйских экономистов, которые втёрлись к нам в доверие, много пишут, болтают о построении социализма, и как он должен перейти в коммунизм, а на практике ничего не делают. Даже нэп и тот толковали с буржуазных позиций. А нам нужны такие экономисты, которые только

спорят о моделях социализма, но ни одной версии не предложили? Как ты думаешь, Серёжа, выгнать их за океан, или посадить, чтобы своими руками построили что-нибудь?

– Не знаю, Иосиф Виссарионович, может, в лагере наладят социалистическое отношение к труду среди ворья и жулья, – подумав, ответил Киров. Явно, не желая об этом говорить, хорошо зная привычку вождя потрафлять своим любимчикам.

– А ты знаешь, как со мной спорит Вознесенский?

– О, Николая я узнал в Ленинграде! У него прирождённое видение как должно в идеале развиваться народное хозяйство! Он видит циклическую организацию производства непрерывного конвейера, который реагирует на спрос рынка. А без технологического и технического переоснащения всей промышленности, нам будет трудно преодолеть отсталость производства.

– Вот мы это ему и поручим в Госплане стать главным! – бодро заключил Сталин.

Однако же видные экономисты скоро поплатились свободой, они хоть и были толковыми учёными, но не могли совмещать теорию и практику. Сталин больше в них не нуждался. В его понимании Вознесенский заменил всех и стал основоположником советской экономики и потом с удовольствием наблюдал, как Маленков день ото дня мрачнел и менялся в лице при упоминании Вознесенского. А когда ещё в войну на совещании государственного комитета вступил в спор с Вознесенским, ненависть к которому переполняла всё его существо. Впрочем, всё его существо переполняла не одна ненависть, но и ярая зависть к тому, как Николай Алексеевич вполне аргументировано излагал свои теоретические выкладки по организации бесперебойной работы в тылу оборонных предприятий, и чем он излагал это вполне убедительно, тем Маленков в глубине души злился. Но его душевное состояние выдавали желваки, которые вспухали на твёрдых, точно вылитых из бронзы скулах, да желчью наливались жёсткие карие глаза. И тогда он опускал напряжённый взгляд и нервно постукивал о столешницу карандашом, забыв, что хотел делать в блокноте пометки о том, что слышал. Но когда Маленков увидел, точнее, почувствовал на себе зоркий взгляд Сталина, он тотчас положил на стол карандаш.

– Вы хотите возразить, товарищ Маленков? – тихо и спокойно спросил Сталин. – Мы дадим вам слово, а вы, товарищ Вознесенский, продолжайте; мы вас хорошо понимаем, – и Вознесенский, пошевелив желваками, вновь заговорил о плане эвакуации не одних оборонных предприятий, а всех тех, которые имели для страны важное стратегическое значение...

* * *

С того заседания Политбюро ВКП (б) прошло немало лет; давно миновала война, послевоенная денежная реформа, несколько раз понижались цены на промышленные и продовольственные товары, хотя розничные цены так и не вернулись к довоенному уровню. Но эту меру народ всё равно встретил с одобрением, вот только бы снизить налоги. Георгий Максимилианович Маленков, став премьером, в своих первых поездках по стране об этом именно и слышал и своим помощникам приказал подготовить постановление о списании со всех недоимщиков сельского населения и дважды повысил закупочные цены, чего не делало ни одно советское правительство. Но это объясняется вовсе не гуманностью Маленкова, а желанием войти в историю вот таким милосердным правителем...

Впервые сначала коллективизации сельское население вздохнуло с облегчением, а совхозы и колхозы также впервые почувствовали, что могут стать прибыльными. Ещё лет пять назад Маленков, желая опередить Вознесенского и тем самым показать себя с точки зрения экономики здравомыслящим политиком. Но Сталин не поддержал Маленкова, который полагал, что вождь консультировался с его противником и пытался подорвать его, Маленкова, авторитет. Конечно, после войны, хоть и быстро было восстановлено разрушенное врагом народное хозяйство, тем не менее, такая мера, как снижение цен на продовольствие и промышленные товары и повышение закупочных цен для сельского хозяйства, будет преждевременной, что отлично понимал и Сталин, и Вознесенский. Но Маленков, желая укрепить к себе доверие

вождя, рьяно убеждал Вознесенского, чтобы тот уговорил Сталина пойти на необходимые для него же меры, что укрепит авторитет партии в народе, который тогда, придавленный непомерно высокими налогами, низкими закупочными ценами, еле-еле сводил концы с концами. Деревня, в отличие от города, от ран войны оправлялась весьма медленно. А запрет аборт после войны резко поднял рождаемость, тогда как детские ясли почти не действовали, но это скоро было устранено. В село поехали, правда, в самые сильные колхозы, так называемые самостоятельные бригады строителей, которые народ метко окрестил шибаями. Вот тогда и возникла насущная необходимость объединить слабые колхозы с наиболее развитыми.

Второго апреля 1951 года появилось «Закрытое письмо ЦК о задачах колхозного строительства, в связи с укрупнением мелких колхозов». Конечно, это письмо появилось, когда Н. А. Вознесенского уже не было в живых по «Ленинградскому делу», которое, как уже знает читатель, организовал Маленков, находясь в сговоре с Хрущёвым, Булганиным и Берией, сумев убедить Сталина в необходимости этих репрессий по спасению советской власти и угрозе её перерождения в оппортунистическую контрреволюционную организацию....

Маленков знал мнение Вознесенского по вопросу укрупнения колхозов, который был категорически против этого, собственно, не то что бы совсем, Николай Алексеевич предлагал дать больше экономической самостоятельности, и не объединять мелкие колхозы, а подготовить современных специалистов, которые бы разбирались в свободной экономике. Вот тогда Сталин категорически возразил против предложения Вознесенского.

– Нам не нужны новые кулаки, – сказал сурово вождь, мы создали колхозный строй и будем его укреплять не пряником, а кнутом.

– Мы потеряем инициативу колхозников, и разучим их совсем самостоятельно работать на земле, что со временем приведёт к застою и падению урожайности, хоть сколько бы ни распахивали земель! – запальчиво возразил Вознесенский.

– Ничего, товарищ Вознесенский, мы усилим социалистическое соревнование, чтобы не потерять инициативу колхозников. Мы подключим кинематограф и создадим такие картины, которые зажгут сердца молодых людей, и они поднимут село своим гигантским энтузиазмом! И ни за что не допустим застоя! Я в 1927 году видел в Сибири русского твердолобого мужика, который плевал на интересы рабочего класса, прятал хлеб, чтобы рабочий не строил социализм. А значит, и не жил! Буржуазная зараза пришла с нэпом, к которой вы нас возвращаете, но она не спасёт село, а превратит в сплошное куркульство. А это семя вредное, кулаческие настроения мы и впредь будем вытраивать калёной сталью! Мужик по своей природе – отсталый консерватор! Так что мы найдём способ, чтобы он не терял инициативы...

Тогда Маленков первый захлопал в ладоши. А Вознесенский покраснел и опустил голову. Нет, ему отнюдь не стало стыдно, ему было как никогда горько, что он всегда верил в правоту Сталина, но в тот момент был близок к тому, чтобы подняться и уйти с заседания, тем самым показал бы, что он остаётся верен своим взглядам на село, невзирая на кардинальное расхождение со Сталиным. Ведь в лице его он видел олицетворение партии, авторитет которой для него был выше своих взглядов. И потому он не мог постичь то, почему Сталин хочет по-прежнему держать село в стальных рукавицах, что оно должно только следовать его указаниям, но не здравому смыслу. В чём же дело? Маленков же ему представлялся безграмотным экономистом, который прочно встал на стезю популизма, имея поверхностное понятие о её сущности.

– Не переживайте, товарищ Вознесенский, мы вам прощаем заблуждение и по-прежнему ценим как экономиста. У нас один путь: мы поднимем село не одним социалистическим соревнованием, а новейшей техникой, о которой мы с вами не раз говорили. Вот и товарищ Маленков нас поддерживал. Так что скорее пишите свою работу – «Политическую экономию коммунизма...».

Именно на этих заседаниях Политбюро, перед тем, как Сталину уехать в трёхмесячный отпуск на юг, у Маленкова окончательно созрел план заговора против Вознесенского, с которым он сначала познакомил своего друга Л.П.Берию. И, к сожалению, Вознесенский был обречён...

Сегодня многие дальновидные историки считают, если бы после кончины Сталина, Вознесенский возглавил страну, то не было бы перестроек ни Хрущёва, ни Горбачёва, не было также и августа 1991 года, то есть радикально-либеральной контрреволюции. И мы бы шагали впереди планеты всей, но, как это всегда бывает, лучшие люди-специалисты у нас гибнут от рук ярых карьеристов и в первую очередь своих внутренних врагов...

Закрытое письмо ЦК ВКП (б) могло бы вообще не появиться, если бы не статья Н. С. Хрущёва, которая была опубликована в газете «Правда» четвёртого марта 1951 года. Никита Сергеевич, по сути, импульсивный, резкий и скандальный политик (при Сталине эти качества подавлял), предлагал проводить укрупнение колхозов путём выселения колхозников из больших деревень. И на их основе создать колхозные посёлки, агрогорода, агрофирмы. Сталин решительно осудил такой вандализм, нельзя разрушать старые деревни, ломать дома, нельзя сокращать приусадебные земли.

В этом Сталин был единственно абсолютно прав...

Однако статья Хрущёва в народе и на местах вызвала бурю негодования и наряду с этим некоторые партийные деятели поддерживали автора статьи. Но это не понравилось Сталину, в закрытом письме он в пух и прах раскритиковал пагубные для села предложения по переустройству деревни. Хрущёв тотчас почувствовал смертельную опасность, быстро написал опровержение на свою же статью и клятвенно покался лично перед Сталиным, признав не только свои ошибочные выводы, но и тот вред, который он нанёс партии. Хотя это было весьма рискованное раскаяние, так как, если бы Сталин уже к тому времени не страдал атеросклерозом, он бы припомнил Хрущёву и тот разгром, — окружения летом 1941 года под Киевом, а в 1942 году — котёл под Харьковом. Затем в мае того же года, вопреки предупреждениям ставки не начинать наступление из-за недостатка боевого вооружения, Хрущёв и Голиков отдали команду Воронежскому фронту — занять линейную оборону. Однако танковая группа генерала Клейста пошла в наступление из Краматорск—Славянска. И в результате неожиданного немецкого танкового удара, фронт был прорван и наши войска понесли невосполнимые потери. И Воронежский фронт под командованием Хрущёва и Голикова — попятился и стал быстро отступать, теснимый врагом к Сталинграду. А через два с половиной месяца, чтобы остановить отступление наших войск, Сталин был вынужден подписать приказ — «Ни шагу назад!»

Вот поэтому сейчас Хрущёв испугался, ожидая в любой момент вызова к Сталину, и он не раз представлял, что тогда вождь не преминул бы напомнить: «Микита, почему ты постоянно ошибаешься? Думаешь, мы не помним твоё поражение под Киевом и Харьковом? А на Воронежском направлении? И вот сейчас ты нам предлагаешь уничтожить русскую деревню, а где будут жить колхозники, ты не подумал? В твоих мифических агрогородах? Кто же так вандально стирает грань между городом и деревней? Запомни, по тебе давно не один суд плачет, но и трибунал...».

Как только в сознании он прослушивал воображаемую речь Сталина, его охватывала нервная дрожь точно так, когда после войны, будучи первым секретарём ЦК Украины, начался голод, умирали крестьяне, и для спасения голодающих он просил хлеб. А Сталин не давал, ответив, что у них есть зерно, но они его прячут, такая природа хоть украинского, хоть русского мужика. А он, Хрущёв, их защищает, не пора ли ему уйти? И он, боясь, что его арестуют и, ожидая это со дня на день, заболел и надолго слёг, что, по мнению историков, Хрущёва и спасло. А потом гнев Сталина прошёл, и у него вновь возникла необходимость в Хрущёве...

Придёт время, когда Н. С. Хрущёв, казалось, возглавит страну надолго, отменит «Закрытое письмо ЦК» и объявит его ошибочным. А то, в чём он был обвинён, провозгласит единственно правильным решением. Между прочим, Хрущёв действительно хотел создать гигантские (с развитой аграрной и социальной инфраструктурой) колхозные посёлки и агрогорода, оснащённые передовой техникой. А для того, чтобы они стали реальностью, он повёл атаку путём введения налогового обложения против частных подворий как в селе, так и в городе, чтобы сельское население работало исключительно в колхозах и совхозах. Но его благие намерения не только не оправдаются, а произойдёт то же, что и сразу после войны, когда людям не на что было жить; они, пользуясь моментом послевоенной разрухи, побегут в города, где так же, как и на селе, требовались рабочие руки для восстановления взорванных, разбомблённых заводов, фабрик, а также на возведение жилых кварталов, которые сильно пострадали от бомбёжек и пожаров...

А кто тогда об этом не мечтал? Тот же Хрущёв подхватит эстафету от Маленкова. А пока для начала Маленков, желая облегчить жизнь селян, ослабил налоговое бремя и повысил закупочные цены (чтобы войти в историю как реформатор и защитник народа), в результате колхозники перестали изводить домашний скот, свиней, птицу. И село впервые за свою историю стало рентабельным. Но дальнейшая борьба за власть показала, что реформы Маленкова партия осудила, вернув село на круги своя. Короткая передышка от налогов и благо высоких закупочных цен только и запомнятся народу, и в память премьера сложили частушку: «Сократил налоги Маленков, на селе прибавилось коров, а товарищ Берия попал в подозрение»...

Но мы чуть забежали вперёд. Теперь пора вернуться к прерванному повествованию о том, что в те годы происходило на местах, на том же благодатном юге, а именно – на Нижнем Дону и в бывшей столице Войска Донского.

Глава двадцать шестая

Со дня укрупнения колхозов прошло три года. У людей оно вызвало разные толки: кому-то было всё равно, что их колхоз утратил самостоятельность, и теперь другой председатель ими командовал, а кому-то оно подпортило много нервов, но больше всего Гавриле Корсакову. Хотя в тот год все народы большой страны были ошеломлены неожиданной смертью Иосифа Сталина. Сначала по радио и в газетах объявили о его болезни. И все думали, что вождь встанет, такой человек не может умереть.

Однако 5 марта 1953 года объявили о его кончине, и вся страна на несколько дней погрузилась в траур. Причём, как рассказывали старожилы, плакали все: и те, кто его боялся и ненавидел, и те, кто считал его вождём и учителем. Многие люди плакали и не могли себе представить, как отныне будет жить страна, продвижение которой вперёд без него, «к светлому будущему», уже никто не мог себе представить.

Виктор Зябликов тогда ещё служил в армии, он лишь помнил, как подумал: «А что о нём тужить, не из-за его ли коллективизации начался голод, и мы были вынуждены уехать на юг из родной деревни?» А потом он вскоре демобилизовался, переслужив больше трёх месяцев, и думалось, что это из-за него их задержали...

Но сейчас Виктор не хотел об этом думать, так как всё его внимание было поглощено и сосредоточено на вёрткой, беспечного вида, симпатичной, светловолосой, звучноголосой девушке по имени Зоя. Когда шёл концерт, её называли по фамилии, которую он чётко не слышал (то ли Сумотова, то ли Сумина). Она под аккомпанемент гармониста пела очень задорно и весело, отчего её серо-голубые глаза так сияли, так лучились восторгом, что казалось вся душа её была как нараспашку. И Виктор уже тогда почувствовал как она накрепко запала в сознание и сердце. Но его весьма огорчал, вызывал досаду, стоявший с ней рядом рослый баянист. К тому же у него была такая же, как и у неё фамилия. И Виктор думал, что они муж

и жена. Хотя она казалась намного моложе того баяниста. Правда, что-то ему подсказывало, будто между ними нет ничего общего, их узы свободны друг от друга.

И вот теперь, по окончании концерта, они находились порознь. Зоя стояла с девушками, которые посматривали на местных парней и чему-то посмеивались. А гармонист, Суматов Агафон, вышел из клуба и курил со своими, слушал разговор, который не хотел поддерживать. Курил он как-то странно, затянется папиросой, выпустит струю дыма и будто забывал о папиросе. Затем спохватится, посмотрит на горящий её кончик и опять нехотя, с лихорадочным блеском в глазах, затянется, точно таким своим подневольным курением кому-то делал большое одолжение или проводил над собой какой-то опыт.

Перед клубом расстилалась широкая уходящая влево, за крайнюю хату Винокуровых, к огородам поляна, которая другой стороной плавным подъёмом тянулась, уходя к колхозному двору. Окна клуба выходили на этот выгон, за которым виднелись колхозные постройки: фермы, сараи, кузня, контора, амбары. И гармонист, не глядя на своих земляков, смотрел в окно. Но сводную сестру Зою он не мог видеть, к которой испытывал по-своему волнующее чувство, хотя девушка ясно дала ему понять, что между ними не может быть общей судьбы, поскольку она это чувствовала. И некто ей подсказывал, будто скоро у неё будет совсем другой парень. Причём не из их хутора, но откуда, она не ответила, так как сама точно не знала.

К Агафону подбегали девушки из их хутора и просили начинать танцы. Но парень категорически отказывался играть для чужих танцоров и танцорок. И тогда вызвался местный гармонист Федул Треухов в белой рубашке и зеленоватого цвета брюках, высокий, стройный, светлоглазый, с весёлым неунывающим лицом, у которого к тому же как-то смешно оттопыривались уши. «Ну, я посмотрю, что он за игрок!» – подумал про себя Агафон.

И тот довольно уверенно начал играть вальс, склонив голову к гармошке.

Зоя смотрела на одного парня, который уставился на неё так пристально, отчего у неё от смущения всё холодело под ложечкой. Это был ни кто иной, как Виктор Зябликов. Звуки вальса его враз взбудрили и словно привели в чувства. Он оживился, зная, что вальс он научился танцевать в армейском клубе, куда по воскресеньям из рабочего посёлка приходили девушки.

«Если сейчас я не подойду к ней, – подумал про себя Зябликов, – то больше такой случай не представится». И он, удивляясь своей смелости, подошёл к Зое.

– Можно вас на вальс? – спросил он.

– Меня? – мило улыбнулась девушка. – Я согласна! – простодушно ответила Зоя.

И Виктор, взяв девушку под руку, повёл её в круг танцующих. И пошёл, пошёл вальсировать, положив руку на талию, а второй бережно взял тёплую руку девушки, у которой была очень гибкая талия и подвижная, лёгкая фигура. Правда, сначала он не мог взять ритм и сбивался, но скоро уловил его. И у него стало хорошо получаться, почувствовав это по восторженному взгляду девушки, глаза которой сияли радостью.

– Вы так хорошо ведёте! – приподнято сказала она с чувством неподдельного восхищения. – Вы часто бываете на танцах?

– Нет, я научился в армии... А давайте перейдём на «ты»? так будет легче общаться. Мы же не светские, какие были до революции.

– Давай! А у тебя имя есть? – усмехнулась она.

– Виктор Зябликов!

– А я Зоя.

– Ты хорошо пела. Я заслушался! Ты кем работаешь?

– В колхозе огородницей вместе со своей мамкой. Но теперь она доярка.

– Кстати, моя мамаша тоже была бригадир огородной. Но сейчас ходит в полевую...

Потом они молчали, кружась в вихре вальса. И обоим было так хорошо, что Зоя тотчас почувствовала, как ей нравится этот парень. С ним было очень легко и непринуждённо

общаться. Она невольно повела голову к выходу из клуба и увидела Агафона, который установился на них довольно сурово, от его взгляда она слегка поёжилась.

– Это твой... муж? – спросил не без волнения Виктор.

– Нет, сводный брат.

– А тогда чего он так хмуро смотрит? Ревнует?

– Лучше не будем пока об этом...

– Так ты должна знать: я предлагаю выйти за меня замуж...

– Ой, какой ты быстрый! – Зоя засмеялась, голубые глаза полыхнули весело. И у Виктора защемило тоскливо сердце от одной мысли, что она скоро уедет домой и когда-то теперь они встретятся. «Не может быть, чтобы она уехала, и мы больше с ней не увидимся», – печально подумал он. Поэтому, сделав ей предложение, он заронял в её сердце надежду, что отныне Зое есть о ком думать.

– Нет, я серьёзно... Или ты его любишь? – указал он движением головы в сторону Агафона.

– Не выдумывай того, чего не было и не будет! – смеясь беспечно, радостно, сказала она уверенно. – Это он мне не даёт прохода. Но я задолго до этого дня ему сказала: не будем мы вместе. Он хочет уехать в город, но наш председатель не отпускает.

– Павленко?

– Да. Теперь, как и у вас, у нас чужой пред.

– Давай я с ним поговорю...

– С кем «с ним»?

Но в этот момент вальс закончился, и Виктор с Зоей пошли к окну.

– С председателем...

– Да? А тебя он так и послушает, – проговорила недоверчиво Зоя.

– Чтобы твой брат не помешал создать нам семью.

– Какой ты смешной и самоуверенный! Ну, попробуй, разрешаю. Только ничего у тебя не получится.

Опять заиграла гармошка, и начались танцы. Но Зоя, при Агафоне, не хотела больше танцевать. А он вдруг пригласил Веру Куделину, которая так и не сводила с него глаз. И она пошла с ним. Зоя, почувствовав ревность, во все глаза смотрела на них. Её глаза при этом выражали недовольство, так как она полагала, что Агафон на этот раз непременно пригласит её. Ведь Виктору она отказала из-за него.

В клубе стоял тот особый запах сухого дерева, керосина, плёнки кино, и они смешивались с табачным дымом, женскими духами «Красная Москва», какими всё чаще стали тогда пользоваться девушки и женщины.

Агафон, танцуя с незнакомой ему девушкой, чувствовал её устремлённый на него взгляд, каким она пыталась привлечь к себе парня. Хотя тот выглядел уже вполне заматеревшим, зрелым мужчиной. Однако Агафон старался смотреть не на Веру, а на Зою и её щуплого кавалера. Он понимал, что между ними уже устанавливаются какие-то отношения. Но он ни за что бы не подумал, что Зоя, эта вертихвостка (чем она ему, как ни странно, нравилась) ухватится за такого малорослого паренька. И вместе с тем он находил его не таким уж дурным, Зоя улыбалась ему, а тот так настойчиво льнул к ней, которая с гордым и самодовольным видом смотрела то на Виктора, и осторожно на Агафона. Она увидела, как он обнял девушку, прижал её к груди и через плечо смотрел на Зою. Но тут она услышала над ухом.

– Ну что, будешь моей женой? – напомнил парень с таким серьёзным видом, что в его намерении невозможно было усомниться.

– Посмотрю, подумаю и отвечу, – не глядя на него, отстранёно ответила девушка, как ему показалось, с долей скрытой насмешки. – Может, я тоже уеду в Ростов, как мечтает брат.

– Хочешь артисткой стать? – несерьёзно, но с долей раздражения спросил Виктор.

- А что, думаешь, не получится? – дразня, бросила Зоя, слегка посмеиваясь.
- Артисты легкомысленные, несерьёзные люди, – убедительно, напористо, ответил он.
- И ты серьёзно так думаешь? Это, по-твоему, правда? Я так не думаю.
- Может быть... Они дома не сидят. По гастролям мотаются. Да и много желающих стать артистами. А кто будет в поле работать? Лучше нет семьи и детей! Так считали всегда.
- А я не хочу в артистки! Я когда-то хотела... а теперь перехотела. Ты приезжай к нам. У нас клуб при электричестве. А у вас отсталая деревня, даже радио нет.
- Я бы на тебе женился и никакие клубы мне не нужны. Я книги люблю читать. А ты?
- Ох, есть у меня время! – Зоя не смотрела на Виктора, она боялась признаться, что окончила только два класса и больше не училась из-за нужды. Поэтому к книгам её никто не приучил. Мать совсем безграмотная, толком писать не умеет. Зоя пробовала читать книгу, но ничего из написанного текста не поняла. – А ты книги умеешь читать?
- Я пять классов окончил. Сейчас учусь на курсах тракториста. А до армии учился на столера и плотника.
- Зоя видела, как Агафон, оттанцевав с девушкой, вышел с ней из клуба.
- Это кто у вас такая шустрая? – спросила она у Виктора. – Моего брата увела! – и засмеялась, только чтобы скрыть свои настоящие чувства.
- Верка! Да, она ещё какая шустрая! У моего брата Борьки чуть невесту не отбила, и сама на него вешалась. Говорят, её мать пригуляла Верку с городским шофёром. Кстати, а где твой родной отец?
- Да вот такая же Верка моего батьку и увела...
- Ну это же хорошо, что она Агафона... – усмехнулся шутливо Виктор.
- Витя, ты мне не язви. Я же знаю, какой он отчаянный!
- Ну, тогда побегу за ним и верну! А то ещё тут пропадёт.
- Ты бы только шутил, а я серьёзно...
- Когда они вышли из клуба, Агафона и Веры на улице уже нигде не было, они точно испарились. В стороне от клуба чернела крытая машина. И там были видны огоньки от папирос и слышались тихие переговаривающиеся мужской и женский голоса.
- Если они не возле машины, тогда уж точно ушли в школьный сад, – сказал Виктор, указав взглядом на двускатную, высокую крышу соседнего одноэтажного здания, которое от клуба стояло всего в ста шагах.
- Не думай, я не пойду его искать. Дома поговорим, – важным тоном сказала девушка.
- А между тем в клубе танцы были в самом разгаре. Даже семейные пары и те не разошлись по домам. В этот тёплый летний вечер всем хотелось оставаться как можно дольше молодыми или почувствовать себя вновь молодыми. Виктор предложил Зое погулять. И они пошли. И чем больше они гуляли, тем привыкали друг к другу.
- Ты вот грамотней меня, скажи: разве можно выйти замуж за сводного брата?
- Нет, конечно. Хотя я в Бога не верю, но это грех. А ты его жалеешь?
- Чего ради! Агафон, как выпьет, так дураком становится. А ты, выпиваешь?
- По праздникам стопки две. А потом стоп! – Виктор засмеялся своему каламбуру.
- Тогда я подумаю...
- В тот вечер они расстались друзьями. Но не только Виктор обрёл девушку...

Глава двадцать седьмая

За всю историю колхоза сначала он назывался «Новая жизнь», затем имени Кирова. Его то отсоединяли от Новочеркасского района, то опять присоединяли, как это произойдёт ещё один раз через десять лет. Колхоз имел немало хороших земель, как под зерновые, так и в займище под луговые угодья.

Однако после войны был взят твёрдый курс на увеличение производства молока и мяса. Для этого стали разводить животноводство, свиноводство и птицеводство, и скоро оно заметно стало превышать довоенный уровень. И во всех отделениях колхоза велось строительство свинарников, животноводческих комплексов, птичников.

Как бы там ни было, однако, колхоз имени Кирова так и не смог обогнать колхоз имени Горькова, который с самого начала коллективизации попал в передовые, и также входил в Новочеркасский район. На момент слияния такое положение никак не устраивало председателя Гаврилу Харлампиевича Корсакова. Хотя земельных угодий у именитых соседей было в два, а то и три раза больше, а значит, для их МТС выделялось и больше техники. Что же мог сделать Корсаков, если колхоз числился в отстающих, а преуспевающий взял его на буксир?

Гаврила Харлампиевич расценил это, как результат того, что он был не с самого начала во главе колхоза, который принял с большим грузом проблем. В колхозе не было ни одного фруктового сада, тогда как соседи имели не один.

Вскоре после укрупнения колхозов Корсаков был понижен до бригадира, что им расценивалось как непризнание его прежних заслуг. Как было сказано выше, он почувствовал себя униженным, поскольку ему отказали в праве самостоятельно управлять всем колхозом. Да что там, выходило, будто он не может управлять одной или двумя комплексными бригадами. А тогда зачем оставили? И скоро он почувствовал, что укрупнение лишило его права самостоятельно хозяйничать на земле. Своими соображениями по этому вопросу он делился с приближёнными к нему колхозниками, которые считались активистами и передовиками, являлись также и членами Правления колхоза. Поэтому чаяния Гаврилы Харлампиевича хорошо понимали Гурий Васильевич Треухов, Касьян Иванович Глаукин, Макар Пантелеевич Костылёв. Хотя надо сказать последний уже не вникал ни во что, работая просто конюхом, но из уважения был избран членом Правления.

— Это как же надо понимать, Гаврила Харлампиевич, — сказал ему председатель объединённого колхоза Георгий Карпович Павленко, когда до него дошёл слух, что Корсаков пребывает в растерянности, — почему ты думаешь, что бригадир не самостоятельный?

— Вот какие паршивые люди, ну ни с кем нельзя поделиться наболевшим! — в досаде сказал Корсаков, стукнув себя по бедру ладонью.

— Они же за тебя болеют, так что не обижайся. Вот только почему со мной не советуешься? Дела-то у тебя, вижу, идут неплохо!

— Где же они идут? Стоят! У вас в хуторах какой год электричество и радио? Я ещё до войны хлопотал, обещали после ввода в строй электростанции. И вот недавно напоминал в районе. Но что из этого вышло? Ездить в Артёмовск было не ближний свет. А теперь мне говорят: ты не председатель и отвали от нас! А ведь когда людей сзывали со всей Руси, им обещали здесь райские условия. Ну, была война, разруха, а теперь в космос скоро полетит человек, а мы живём при керосинках и керогазах. Выходит, народ оказался обманутым, и ещё хотят, чтобы никто отсюда не уезжал. А ведь все сбегут, если у соседей свет, а у нас — тьма! Кому-то из товарищей жалко тратиться на нашу глушь. И не зря было время, когда колхоз передавали другому району...

— Чепуха, хутор Александровка тоже на пустыре построили, правда, там были бывшие дворянские усадьбы. И тоже строились приезжие, как и вы. И такие же работающие, как и ваши. Так что я тебя понимаю. Только в бутылку не лезь о том, что у тебя якобы отобрали право хозяина!

— Как же не отобрали? Теперь по каждому пустяку я должен ехать к вам, делая огромный крюк, когда я сам могу принять решение не хуже вашего!

— Ну, а ты как хотел? Чтобы я к тебе, как барину, приезжал? По старинке командовать? А, то-то, я вижу — ходишь обиженным, как в воду опущенный. Пост председателя отобрали?! Важность-то, какая великая!

– Григорий Карпович, какой из меня хозяин, коли по всякой мелочи я должен почему-то советоваться с вами?

– Вот что, давай без обиды и запомни: я укрупнение не проводил! Я исполнитель, как и ты, и с тобой должны подчиняться партии, но не своей хозяйственной жилке. Пруд надо до ума довести, а как закончим – оборудуем ток. Это теперь наш общий объект, а ваш надо отдать под хранение инвентаря. Зернохранилище мы уже на всех одно построили, а ваше будет использовано для запаса семенного фонда.

– Только под семенной фонд? А что колхозникам выдавать по трудодням? – напомнил Корсаков.

– Вот, чувствуется в тебе заботливый хозяин! Это хорошо! Но хранить зерно в разных местах не позволю, так как возникает соблазн запустить руку в общий амбар. Когда придёт пора расчёта с колхозниками, вы получите зерна, сколько полагается на каждого колхозника.

– Григорий Карпович, с вами я не хочу спорить. Но у нас есть, кому охранять зерно. Почему же вы мне не доверяете? Вот давите на меня порой зря, а придирайтесь-то и не к чему.

– Гаврила Харлампиевич, если бы я тебя притеснял, на твоём месте давно был бы другой человек, поговорчивей тебя. По этому вопросу мы с тобой уже говорили. А ты снова норовы показываешь? Понимаю, Зуев хороший агроном, старательно изучил науку. Я его у тебя забрал потому, чтобы работал не на одну бригаду, а на весь колхоз. А что касается электричества, мы его вам обязательно проведём. Ведь уже скоро радио заговорит... Напрасно ты думаешь, будто я у тебя славу отбираю? – Павленко широко, искренне заулыбался и его без того большой рот, стал ещё больше.

Осенью и весной председатель ходил в защитного цвета длинном широкополом почти до пят дождевике и в картузе с околышем того же оттенка. Носил он также френч, что говорило о его военном прошлом. В тёплую погоду он ходил в хлопчатобумажном серо-белом костюме и соломенной шляпе. Его высокую фигуру нельзя было спутать ни с кем.

– Да я за славой и не гоняюсь! Я уже говорил, как ещё до войны обещал провести радио и свет. И зачем придумали эти МТС, не пора ли их упразднить? А всю технику распределить по тем колхозам, поля которых они обрабатывали? Механизаторы получают в два, а то и в три раза больше зерна и других продуктов, чем колхозники, которые сеют и убирают урожай.

– Вот это ты точно подметил: посредники в нашем деле не нужны! В районе я уже поднимал вопрос об упразднении. Но я такой не один – так думает большинство председателей. А ответ пока слышен один: нельзя ломать систему.

– Почему нельзя? Что случится? Единоличников согнали в колхоз, а кулаков изжили со свету. Это почему-то можно было. Сломали хребет села и думают – оно будет процветать, как и в старое время...

– Может, ты здесь выступаешь за возврат к единоличной жизни? А колхозники на меня потому и косятся! Но этого уже никогда не будет. За такие мысли при Сталине сам знаешь, где можно было оказаться. А мне теперь из-за тебя отвечать? Вот и замолчи и не высывайся со своими замечаниями.

– Григорий Карпович, даже вы же меня не так поняли, – досадливо проговорил Корсаков.

– Говоришь, «не так», тогда лучше молчи! И чтобы я больше не слышал! Укрупнение колхозов – это не наша и низов воля, а веление партии. А что говорит партия с высокой трибуны – для нас свято чтить и выполнять и мне больше не разводить антимонию! Всё, давай в последний раз собери людей на доделку пруда. Надо русло расширить. Укрепить плотину. Деревья там уже дружно принялись...

– За этим мы не постоим, будет сделано! Только трактора нужны – вывозить землю. От гравия, то есть ракушечника мы отказались, так как его быстро затянет илом. Только трата времени. Естественный грунт и больше ничего постороннего. А вот посадить по берегам чакан и камыш это бы надо. Обещаю в воскресенье собрать весь посёлок...

– Вот и отлично! А я поручу Григорию Ворожбиёву, чтобы послал в Караич накопать камыша или чакана. В общем, что удастся заготовить для рассады...

* * *

В воскресенье, как и было сказано, на обустройство пруда выехало на грузовиках почти всё трудоспособное население посёлка Новый. День выдался, как по заказу, не очень жаркий. Светило не совсем яркое солнце, прикрытое лёгким налётом кисейных облаков, которые собрались в основном по южной части небосвода. Северо-восточный ветер не давал облакам выстроиться широкой лавиной. И они растянулись по горизонту, создавая впечатление, будто находились в засаде, ожидая команды, чтобы двинуться дальше. Но дождь не предвиделся; воздух был тёплый, тянуло слабым ветерком, который приятно освежал, и по степи в одном направлении приглаживал травы. В прозрачном воздухе далеко были видны окрестные убранные поля, скирды соломы, балки, молодые лесополосы и первые чёрные вспаханные борозды.

От непрерывно дувшего ветра в полной мере даже не ощущалось солнечного тепла. Но оно всё равно дышало жаром, нагревая перестоялые травы, которые ближе к августу на юге страны уже начинали выгорать, теряя каждый день зелёную окраску. А некоторые даже не успев до конца отцвести, бурели, теряли сочность и зелёную свежесть.

Пруд должен был растянуться от одного берега до другого, как хорошая полноводная река и к своему хвосту русло его постепенно сужалось и сужалось, повторяя все естественные повороты балки, образуя при этом несколько полуостровов с заливами, поросших густой тёмно-зелёной мелколистной травой.

Если стоять на высокой плотине, то видно как разверзся глубокий котлован не просто округлой с отвесными стенами яминой, какую обычно роют под подвал жилого высотного дома. Котлован с обеих сторон плавно спускался на конус к середине глубокого дна. Пруд предназначался как для орошения полей, так и для зоны отдыха.

Ехали на грузовых машинах, оборудованных лавками и навесом для перевозки людей. Со всех сторон неслись пьянящие запахи репейника, пырея, полыни, чабреца, череды и конопли.

Местечко, где была отведена под пруд глубокая балка, раньше называлось Камышеваха. Когда-то в километре от пруда стояла кошара, на которой одно время нёс дежурства Климов Роман Захарович. В одну из ночей вспыхнул пожар. Поджигателем оказался Демид Ермилов, который за вредительство и хищения был осуждён к длительному заключению, откуда так и не вышел. О Ермилове теперь мало кто помнил, разве что его жена да дочь.

А вот ту широкую развалистую и глубокую балку нарекли Климовой. А сам Роман Захарович и поныне в посёлке был на хорошем счету. Но в последнее время он маялся поясницей и очень сожалел, что не смог поехать со всеми поучаствовать в строительстве пруда.

От посёлка Новый до рукотворного озера езды – три километра. В тот год, когда строился пруд, ещё хорошо зеленели крутые и пологие склоны балок и сквозь старую траву пробивались молодые побеги. Если бы полили дожди, то травы росли бы ещё скорее, и набрались необходимых сил. Но созревшие травы не давали подняться молодым. Это была та пора, когда для скотины не хватало кормов. И с июня месяца из посёлка Новый два стада по сотни коров перегоняли в займище, где они находились до середины октября и где было много влаги. И травы там росли густые и всё лето, сколько бы их не скашивали, они стояли зелёные.

На строительство пруда отрядили несколько тракторов, сначала мужчины штыковыми лопатами вычищали глубокое русло балки, а женщины совковыми землю накидывали на брички и прицепы с высокими бортами, чтобы быками и тракторами их вывозили на плотину, делая её широкой и прочной. В плотину вкапывали специально сплетённые из прутьев вербы из гибких жердей дуба полуметровые щиты, которые будут предохранять плотину от размыва, пока земля не осядет и не схватится корнями высаженных ив и акаций. Хотя в её осно-

вание насыпали метра на два-три мелкого ракушечника, а два стока по краям плотины выложили вытесанными из него же плитами, чтобы вода в бассейне не застаивалась.

На дне глубокого и широкого с крутыми склонами распадка, где начали строить пруд ещё три недели назад, теперь вырос огромный котлован глубиной от десяти до пятнадцати метров. А возле плотины было ещё глубже. Так что с высоты птичьего полёта это место напоминало развороченный огромный муравейник.

Мартын Кораблёв, как самый заядлый рыбак, обещал запустить в новый пруд рыбу. А как это делалось, он хорошо знал, как считал, лучше кого-либо. Но по этому поводу не хотелось выставляться, а то в случае неудачи, боялся прослыть хвастуном. Поэтому он твёрдо не обещал. А если бы у него спросили, чего ж ты дед, обещал, а не выполнил, и он бы ответил, что ничего не обещал, просто его попросили. А он только лишь развёл бы руками, дескать, это как Богу будет угодно.

– Гаврила Харлампиевич, – как-то обратился Мартын к бригадиру, – а почему бы нам и в посёлке не почистить пруд. А то уже давненько пришла пора, плотина уже стала узкая. Того и гляди прорвёт, да и машина уже не проедет, чтоб не сковырнуться в пропасть. Это хорошо, что нынешняя зима не выдалась дюже снежная.

– Дай сделать один пруд, а потом будем думать и о своём, – сердито ответил тот, глядя по сторонам, попутно присматриваясь к людям, как они работают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.